

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIIY-AMALIY JURNALI

2026-yil 1-son

VOLUME 6 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.1.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvaliyeva,
Y. Mahmudov,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2026-yil 24-fevralda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 18,1
Adadi: 100. Buyurtma: № 32.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY’ATI

BOSH MUHARRIR

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquqiy tadqiqotlar oliy maktabi direktori, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti sho‘basi mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSh)

M. Vishovatiy – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Xoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma‘naviy-ma‘rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta‘lim bo‘yicha prorektor, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma‘muriy va moliya huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrasida dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq, jamiyat va madaniyat sho‘basi dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
Э. Шарипов,
К. Абдувалиева,
Й. Махмудов,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387.

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.02.2026.

Формат бумаги: А4.
Усл. п. л. 18,1. Тираж: 100 экз.
Номер заказа: 32.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

З. Зсанова – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, директор Высшей школы правовых исследований Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий сектором узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хашимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий сектором административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий кафедрой трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор сектора экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор сектора международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдошев – доцент сектора конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

М. Курбанов – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и.о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент сектора права, общества и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
E. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvalieva,
Y. Makhmudov,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.02.2026.

Paper size: A4. Cond.p.f: 18,1.

Units: 100. Order: № 32.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Director of the Graduate School of Legal Research of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovatiy – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khashimhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law of Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufieva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of Law, Society and Culture of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

11 ESHTURDIYEVA FARANGIZ BAXODIR QIZI

Huquqiy bo'shliq fenomeni va uni bartaraf etish: O'zbekiston fuqarolik qonunchiligi misolida

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

21 NOSIROV SHERZOD SHERMATOVICH

Transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik huquqi: nazariy yondashuvlar va zamonaviy muammolar

28 ABDULLAYEV KOMILJON ISTATILLO O'G'LI

Bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish muammolari va istiqbollari

36 AVLIYOQULOV BEKMIRZA BEKTEMIROVICH

Transchegaraviy zarar yetkazish oqibatida vujudga kelgan nizolarni hal qilishda xalqaro xususiy huquqning o'rni

44 MAMADIYEV ABROR ABDURAXMON O'G'LI

O'zbekistonda intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tizimini takomillashtirish yo'llari: kompensatsiyaviy mexanizmlar

53 RAHMATOV AZIZBEK ISKANDAR O'G'LI

Mezonin kapitalning tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishdagi o'rni va uning huquqiy tartibga solinishi

61 SAIDOVA NIGORAXON AKMAL QIZI

Onlayn marketpleys operatorlarining huquqiy maqomi

12.00.06 – TABIIY RESURSLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

74 ISANOV XOLMUROD RUZIYEVICH

Qishloq xo'jaligi sohasini huquqiy tartibga solishni takomillashtirish muammolari

12.00.07 – SUD HOKIMIYATI. PROKUROR NAZORATI. HUQUQNI MUHOFAZA QILISH
FAOLIYATINI TASHKIL ETISH. ADVOKATURA

83 BAZARBAEVA SHAXLO RAXIMOVNA, SOBITOVA UMIDAXON MUROD QIZI

Fuqarolar huquqlarini ta'minlashda huquqni muhofaza qiluvchi organlar va sud tizimining o'zaro hamkorligi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

94 ABBOSOV MIRSULTON MIRSHAROF O'G'LI

Sun'iy intellektdan foydalangan holda sodir etilgan jinoyatlar uchun javobgarlik: xalqaro-huquqiy yondashuv

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQI VA
SUD EKSPERTIZASI

102 **BAZAROVA DILDORA BAXADIROVNA**

Jinoyat protsessida ichki ishonchga ko'ra dalillarni baholashning nazariy muammolari

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

125 **KOLENKO YEVGENIY VYACHESLAVOVICH, AHMADOV ALIMARDON AXMADOVICH**

Kriptoaktivlar soyadagi iqtisodiyotda: jinoiy faoliyatda foydalanilgan aktivlarni qaytarishning huquqiy tahlili

137 **AHMADJONOV MURODULLO NURALI O'G'LI**

Korrupsiyaning sabablari va demokratik yechimlar

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

145 **MO'MINOV ASILBEK HUSNIDDIN O'G'LI**

Raqamli muhitda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish sohasidagi qonunchilik: xorijiy tajriba va milliy istiqbollar

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

11 ЭШТУРДИЕВА ФАРАНГИЗ БАХОДИР КИЗИ

Феномен правового пробела и его устранение: на примере гражданского законодательства Узбекистана

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

21 НОСИРОВ ШЕРЗОД ШЕРМАТОВИЧ

Трансграничное право несостоятельности: теоретические подходы и современные проблемы

28 АБДУЛЛАЕВ КОМИЛЖОН ИСТАТИЛЛО УГЛИ

Проблемы и перспективы правового регулирования облачных технологий

36 АВЛИЁКУЛОВ БЕКМИРЗА БЕКТЕМИРОВИЧ

Роль международного частного права в разрешении споров, возникающих в результате причинения трансграничного ущерба

44 МАМАДИЕВ АБРОР АБДУРАХМОН УГЛИ

Пути совершенствования системы защиты прав интеллектуальной собственности в Узбекистане: компенсационные механизмы

53 РАХМАТОВ АЗИЗБЕК ИСКАНДАР УГЛИ

Роль мезонинного капитала в финансировании предпринимательской деятельности и его правовое регулирование

61 САИДОВА НИГОРАХОН АКМАЛ КИЗИ

Правовой статус операторов онлайн-маркетплейсов

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

74 ИСАНОВ ХОЛМУРОД РУЗИЕВИЧ

Проблемы совершенствования правового регулирования сельскохозяйственной сферы

12.00.07 – СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. АДВОКАТУРА

83 БАЗАРБАЕВА ШАХЛО РАХИМОВНА, СОБИТОВА УМИДАХОН МУРОД КИЗИ

Взаимодействие правоохранительных органов и судебной системы при обеспечении прав граждан

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

94 АББОСОВ МИРСУЛТОН МИРШАРОФ УГЛИ

Ответственность за преступления, совершённые с использованием искусственного интеллекта: международно-правовой подход

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

102 БАЗАРОВА ДИЛДОРА БАХАДИРОВНА

Теоретические проблемы оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

125 КОЛЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, АХМАДОВ АЛИМАРДОН АХМАДОВИЧ

Криптоактивы в теневой экономике: правовой анализ возврата активов, используемых в преступной деятельности

137 АХМАДЖОНОВ МУРОДУЛЛО НУРАЛИ УГЛИ

Причины коррупции и демократические решения

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

145 МУМИНОВ АСИЛБЕК ХУСНИДДИН УГЛИ

Законодательство в сфере защиты персональных данных в цифровой среде: зарубежный опыт и национальные перспективы

CONTENTS

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

11 ESHTURDIEVA FARANGIZ BAKHODIR KIZI

The phenomenon of legal gaps and their elimination: on the example of Uzbekistan's civil legislation

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

21 NOSIROV SHERZOD SHERMATOVICH

Cross-border insolvency law: theoretical approaches and contemporary challenges

28 ABDULLAEV KOMILJON ISTATILLO UGLI

Problems and prospects of legal regulation of cloud technologies

36 AVLIYOQULOV BEKMIRZA BEKTEMIROVICH

The role of private international law in resolving disputes arising from transboundary damage

44 MAMADIEV ABROR ABDURAKHMON UGLI

Ways to improve the system of protection of intellectual property rights in Uzbekistan: compensatory mechanisms

53 RAHMATOV AZIZBEK ISKANDAR UGLI

The role of mezzanine capital in financing entrepreneurial activity and its legal regulation

61 SAIDOVA NIGORAXON AKMAL KIZI

Legal status of online marketplace operators

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

74 ISANOV KHOLMUROD RUZIEVICH

Problems of improving the legal regulation of the agricultural sector

12.00.07 – JUDICIAL BRANCH. PROSECUTOR'S CONTROL. ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT. ADVOCACY

83 BAZARBAEVA SHAKHLO RAKHIMOVNA, SOBITOVA UMIDAKHON MUROD KIZI

Interaction between law enforcement agencies and the judicial system in ensuring the rights of citizens

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

94 ABBOSOV MIRSULTON MIRSHAROF UGLI

Liability for crimes committed using artificial intelligence: an international legal approach

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

102 BAZAROVA DILDORA BAKHADIROVNA

Theoretical problems of evidence evaluation based on inner conviction in criminal procedure

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

- 125 **KOLENKO YEVGENIY VYACHESLAVOVICH, AHMADOV ALIMARDON AHMADOVICH,**
Crypto-assets in the shadow economy: a legal analysis of the asset recovery used in criminal activities
- 137 **AHMADJONOV MURODULLO NURALI UGLI**
Causes of corruption and democratic solutions
-

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 145 **MUMINOV ASILBEK KHUSNIDDIN UGLI**
Legislation in the field of personal data protection in the digital environment:
foreign experience and national perspectives

Kelib tushgan / Получено / Received: 18.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./YMWC2593>

UDC: 340.13(045)(575.1)

HUQUQIY BO'SHLIQ FENOMENI VA UNI BARTARAF ETISH: O'ZBEKISTON FUQAROLIK QONUNCHILIGI MISOLIDA

Eshturdiyeva Farangiz Baxodir qizi,
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi
Qonunchilik va huquqiy
siyosat instituti yetakchi ilmiy xodimi
ORCID: 0009-0001-3178-4683
e-mail: farangizbahodirovna@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada huquqiy bo'shliq fenomeni va uni bartaraf etish masalalari atroflicha nazariy hamda amaliy tahlil qilingan. Tadqiqotda huquqiy bo'shliqlar huquq tizimining rivojlanish jarayonida vujudga keladigan obyektiv va murakkab hodisa sifatida baholanib, ularning fuqarolik qonunchiligida namoyon bo'lish shakllari ochib berilgan. Maqolaning maqsadi huquqiy bo'shliqlarni aniqlash mezonlari va turlarini ilmiy asoslash, milliy va xorijiy huquqshunoslik doktrinasida shakllangan yondashuvlarni qiyosiy tahlil qilish hamda O'zbekiston fuqarolik qonunchiligi misolida huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etishning aniq huquqiy mexanizmlarini ishlab chiqishdan iborat. Tadqiqotda tizimli tahlil, qiyosiy-huquqiy, normativ-huquqiy va doktrinal usullardan foydalanilgan. Mahalliy va xorijiy olimlarning huquqiy bo'shliqqa oid qarashlari umumlashtirilib, fuqarolik qonunchiligida shaxsiy nomulkiy huquqlar, shaxsiy hayot daxlsizligi, tasvirlar va shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish bilan bog'liq huquqiy bo'shliqlar aniqlangan. Maqolada huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etishga qaratilgan aniq normativ-huquqiy va institutsional tavsiyalar ilgari surilib, huquqiy monitoringni kuchaytirish, rekodifikatsiya jarayonlarini takomillashtirish, qonun ijodkorligida huquqiy bo'shliqlarni barvaqt aniqlash mexanizmlarini joriy etish zarurligi asoslantirilgan. Tadqiqot natijalaridan qonun ijodkorligi amaliyotida, fuqarolik qonunchiligini takomillashtirishda, ilmiy tadqiqotlarda foydalanish mumkin.

Kalit so'zlar: huquqiy bo'shliq, huquqiy bo'shliq fenomeni, fuqarolik qonunchiligi, huquqiy tartibga solish, shaxsiy nomulkiy huquqlar, huquqiy monitoring, rekodifikatsiya, qonun ijodkorligi, yuridik texnika

ФЕНОМЕН ПРАВОВОГО ПРОБЕЛА И ЕГО УСТРАНЕНИЕ: НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

Эштурдиева Фарангиз Баходир кизи,
ведущий научный сотрудник
Института законодательства и правовой политики
при Президенте Республики Узбекистан

Аннотация. В статье осуществлён всесторонний теоретический и практический анализ феномена правового пробела и способов его преодоления. В рамках исследования правовые пробелы рассматриваются как объективное и сложное явление, возникающее в

процессе развития правовой системы, и раскрываются формы их проявления в гражданском законодательстве. Цель статьи заключается в научном обосновании критериев выявления и классификации правовых пробелов, проведении сравнительного анализа подходов, сложившихся в национальной и зарубежной правовой доктрине, а также в разработке конкретных правовых механизмов их устранения на примере гражданского законодательства Республики Узбекистан. В исследовании использованы системный анализ, сравнительно-правовой, нормативно-правовой и доктринальный методы. Обобщены взгляды отечественных и зарубежных учёных на проблему правового пробела, выявлены правовые пробелы в сфере личных неимущественных прав, неприкосновенности частной жизни, защиты изображений и персональных данных в гражданском законодательстве. В статье сформулированы конкретные нормативно-правовые и институциональные рекомендации, направленные на устранение правовых пробелов, обоснована необходимость усиления правового мониторинга, совершенствования процессов рекодификации, а также внедрения механизмов раннего выявления правовых пробелов в законотворческой деятельности. Результаты исследования могут быть использованы в практике законотворчества, при совершенствовании гражданского законодательства и в научных исследованиях.

Ключевые слова: правовой пробел, феномен правового пробела, гражданское законодательство, правовое регулирование, личные неимущественные права, правовой мониторинг, рекодификация, законотворчество, юридическая техника

THE PHENOMENON OF LEGAL GAPS AND THEIR ELIMINATION: ON THE EXAMPLE OF UZBEKISTAN'S CIVIL LEGISLATION

Eshturdieva Farangiz Bakhodir kizi,

Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and
Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan

Abstract. *The article provides a comprehensive theoretical and practical analysis of the phenomenon of legal gaps and the mechanisms for their elimination. Legal gaps are examined as an objective and complex phenomenon arising in the process of development of the legal system, and the forms of their manifestation in civil legislation are revealed. The purpose of the article is to substantiate the criteria for identifying and classifying legal gaps, to conduct a comparative analysis of approaches developed in national and foreign legal doctrine, and to elaborate specific legal mechanisms for eliminating legal gaps using the example of the civil legislation of the Republic of Uzbekistan. The study employs methods of systemic analysis, comparative legal analysis, normative legal analysis, and doctrinal research. The views of national and foreign scholars on the issue of legal gaps are generalized, and legal gaps in civil legislation related to the protection of personal non-property rights, the inviolability of private life, the protection of image, and personal data are identified. The article proposes specific normative and institutional recommendations aimed at eliminating legal gaps, substantiates the necessity of strengthening legal monitoring, improving recodification processes, and introducing mechanisms for the early identification of legal gaps in lawmaking activities. The findings of the study may be used in lawmaking practice, in improving civil legislation, and in further scientific research.*

Keywords: *legal gap, phenomenon of legal gap, civil legislation, legal regulation, personal non-property rights, legal monitoring, recodification, lawmaking, legal technique*

Kirish

Huquqiy bo'shliqlarni aniqlash va ularni bartaraf etish masalasi zamonaviy huquq tizimlarining barqarorligi, izchilligi va sama-

radorligini ta'minlashda muhim ilmiy-amaliy ahamiyat kasb etadi. Jamiyatning iqtisodiy, ijtimoiy va texnologik rivojlanishi natijasida yangi ijtimoiy munosabatlar vujudga kelib,

ularning bir qismi amaldagi normativ-huquqiy tartibga solish doirasidan tashqarida qolmoqda. Natijada huquqni qo'llash amaliyotida turli talqinlar, huquqiy noaniqliklar va nizolar yuzaga kelmoqda. Ayniqsa, fuqarolik-huquqiy munosabatlar sohasida bunday huquqiy bo'shliqlar shaxsiy nomulkiy huquqlar, shaxsiy hayot daxlsizligi, tasvirlar va shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish bilan bog'liq munosabatlarda yaqqol namoyon bo'lmoqda. O'zbekiston sharoitida huquqiy tizimni modernizatsiya qilish, raqamli iqtisodiyotni jadal rivojlantirish, sun'iy intellekt va moliyaviy texnologiyalarni joriy etish jarayonlari fuqarolik qonunchiligida mutlaqo yangi munosabatlarni shakllantirmoqda. Ushbu munosabatlarning amaldagi huquq normalari bilan yetarli darajada qamrab olinmasligi fuqarolik qonunchiligida huquqiy bo'shliqlar paydo bo'lishiga olib kelmoqda. Shu bois huquqiy bo'shliq fenomenini nazariy jihatdan chuqur tahlil qilish, ularni aniqlash mezonlarini belgilash va bartaraf etishning huquqiy mexanizmlarini ishlab chiqish fuqarolik huquqi nazariyasi va amaliyoti uchun dolzarb vazifa hisoblanadi.

Mazkur tadqiqotning maqsadi huquqiy bo'shliq fenomenini nazariy jihatdan asoslash, huquqiy bo'shliqlarni aniqlash mezonlari va turlarini ilmiy jihatdan tavsiflash hamda O'zbekiston fuqarolik qonunchiligi misolida ularni bartaraf etishning asosiy huquqiy mexanizmlarini tahlil qilishdan iborat.

Tadqiqotning obyekti huquqiy bo'shliqlar bilan bog'liq ijtimoiy munosabatlar bo'lsa, predmeti huquqiy bo'shliqlarni aniqlash va ularni bartaraf etishning nazariy hamda amaliy usullari hisoblanadi.

Huquqiy bo'shliq masalasi nazariy jihatdan ko'plab olimlar tomonidan o'rganilgan bo'lib, ularning orasida V.V. Lazarevning "huquqdagi bo'shliq – huquqning sukuti" tamoyiliga asoslangan ishlari alohida o'rin tutadi. Uning fikricha, bo'shliqni aniqlash uchun tartibga solinishi lozim bo'lgan ijtimoiy munosabat mavjud, biroq norma bu munosabatni

qamrab ololmaydigan holatlar aniqlanishi lozim (Lazarev, 1969).

Shuningdek, G'arbiy Yevropa ilmiy maktablarida huquqiy bo'shliq doktrinasi sud va parlament o'rtasidagi vakolatlar chegarasini aniqlash nuqtayi nazaridan yondashilgan. J. Kelsen bu borada shunday deydi: "Normativ tizimda bo'shliqlar davlatning iyerarxik normalar modeli doirasida yuzaga keladigan struktura muammosidir". U huquqiy tizimda bo'shliqlarni normativ piramida va Grundnorm konsepsiyasi doirasida tahlil qilgan (Kelsen, 1967). G. Hart "qonunning ochiq tuzilishi" tushunchasini joriy etib, bo'shliqlarni normaning tabiiy noaniqligidan kelib chiqishini asoslaydi (Hart, 1961). Yuridik talqin, noaniqlik va bo'shliqning mantiqiy-huquqiy tabiatini o'rgangan Skandinaviya huquqiy realizmi vakili A. Pekzenik esa bo'shliqlarni mantiqiy-tahliliy yondashuv asosida, normativ oqsash sifatida izohlaydi (Peczenik, 2008).

Zamonaviy tadqiqotchilar huquqiy bo'shliqlarni tartibga solishning institutsional usullarini, konstitutsiyaviy nazoratning rolini, "salbiy huquq ijodkorligi" fenomenini keng o'rgangan. Masalan, Aleksii normativ bo'shliqlarni "huquqning strukturasi", "printsipalar va qoidalar" ajratilishi orqali tahlil qiladi (Alexy, 1989). P. Kreyg Yevropa konstitutsiyaviy nazorati, sudlar roli va huquqiy bo'shliqlarni institutsional boshqarish masalalarini o'rgangan va u institutlar darajasidagi bo'shliqlarni konstitutsiyaviy nazoratning samaradorligi bilan bog'laydi (Craig, 2012). N. Bobbio huquqiy tizimlar, bo'shliqlar, kolliziyalar va ularni bartaraf etish mexanizmlarini chuqur tahlil qiladi va huquqiy bo'shliqlarni huquqiy tizimning strukturaviy muammosi sifatida baholaydi (Bobbio, 1993).

Milliy qonunchilikda ham huquqiy bo'shliqlar masalasi yetarlicha tadqiq etilgan. Milliy qonunchilikda huquqiy bo'shliqlar muammosini kompleks va tizimli tarzda tadqiq etgan olimlardan biri professor Sh.A. Saydullayev bo'lib, uning "Huquqdagi bo'shliqlar va ularni bartaraf etish yo'llari" nomli monogra-

fiyasi hamda qator ilmiy maqolalarida huquqiy bo'shliq tushunchasi nafaqat normativ-huquqiy yetishmovchilik, balki huquq ijodkorligi va huquqni qo'llash jarayonida yuzaga keladigan murakkab tizimli hodisa sifatida talqin qilinadi (Saydullayev, 2024).

Sh.A. Saydullayev huquqiy bo'shliqni huquqiy tartibga solish doirasiga kiruvchi ijtimoiy munosabatlarning amaldagi normativ-huquqiy hujjatlarda to'liq yoki qisman ifoda etilmaganligi bilan bog'liq holat sifatida baholab, ularning kelib chiqishiga obyektiv va subyektiv omillar ta'sir ko'rsatishini asoslaydi. Olim huquqiy bo'shliqlarni aniqlash jarayonini bosqichma-bosqich amalga oshiriladigan ilmiy-amaliy faoliyat sifatida ko'rib, bo'shliqlarni aniqlash, baholash va bartaraf etish mexanizmlarini huquq ijodkorligi jarayoni bilan uzviy bog'liq holda tahlil qiladi.

Shuningdek, Sh.A. Saydullayev huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etishda normativ-huquqiy hujjatlarni takomillashtirish, huquq ijodkorligi mexanizmlarini modernizatsiya qilish hamda huquqiy tartibga solishda tizimli va muvozanatli yondashuvni qo'llash zarurligini ta'kidlaydi. Ushbu yondashuv huquqiy bo'shliqlarni faqat huquqiy kamchilik sifatida emas, balki huquq tizimining rivojlanish jarayonidagi obyektiv holat sifatida baholash imkonini beradi.

Xususan, N. Saburov huquqdagi bo'shliqni tartibga solinishi zarur bo'lgan ijtimoiy munosabatlarning amaldagi qonunchilikda huquq normalari bilan to'liq yoki qisman qamrab olinmagan holati sifatida ta'riflaydi (Saburov, 2007). M.I. Abdullayev esa qonunchilikdagi bo'shliqni muayyan ijtimoiy munosabatlarni tartibga solish uchun zarur bo'lgan huquqiy normaning mavjud emasligi bilan izohlaydi (Abdullayev, 2003). Ushbu yondashuvlar huquqiy bo'shliq fenomenini nafaqat normativ yetishmovchilik, balki huquq tizimining rivojlanish jarayonidagi obyektiv holat sifatida baholash imkonini beradi.

Asosiy qism

Tadqiqot obyekti – huquqiy bo'shliqlarning o'zi, predmeti esa ularni aniqlash va bartaraf etishning nazariy hamda amaliy mexanizmlaridir. Ushbu metodlarning uyg'un holda qo'llanishi huquqiy bo'shliq muammosini kompleks ilmiy yondashuv asosida tadqiq etish imkonini berdi. Tadqiqot metodologiyasi huquqiy bo'shliqlarni ilmiy jihatdan tahlil qilishga imkon beruvchi kompleks yondashuv asosida belgilandi. Tegishli qonunlar, kodekslar, Prezident nutqlari, davlat dasturlari va xalqaro hujjatlarning mazmuni normativ-huquqiy usulda o'rganildi. Doktrinal tahlil metodi yordamida huquqiy bo'shliq tushunchasiga oid nazariy qarashlar va olimlarning ilmiy ishlari tahlil qilingan. Tizimli tahlil usuli orqali huquqiy bo'shliqlarning kelib chiqish sabablari, ular bilan bog'liq ijtimoiy-huquqiy oqibatlar va ularni bartaraf etishning institutsional vositalari o'zaro bog'liqlikda baholandi.

Qonun ijodkorligi siyosatining asosiy maqsadlaridan biri – qonunchilikdagi bo'shliqlarni bartaraf etish uchun zarur shart-sharoitlarni yaratishdan iborat. Bunday bo'shliqlar huquqiy tizimdagi kamchiliklarning bir ko'rinishi sifatida qaraladi (*Jadval*).

V.V. Lazarevning fikriga ko'ra, huquqdagi bo'shliqlarning mavjudligini quyidagi holatlar bilan belgilash mumkin: avvalo, har qanday bo'shliq amaldagi huquq tizimining mazmunidagi bo'shliqdir. Ya'ni, mavjud mazmun tegishli huquqiy tizim bilan asoslangan bo'lishi kerak. Bo'shliqni aniqlashning o'zi yetarli emas, uni bartaraf etish uchun mazkur normaning amaldagi huquq tizimida mavjud bo'lishi zarurligini asoslash lozim.

Yana bir muhim jihat – isbotlash kerak. Shu tariqa, huquqdagi bo'shliq – bu normalar (huquqiy tartibga soluvchi qoidalar)ning to'liq yoki qisman yo'qligi bo'lib, ularning zarurligi jamiyatdagi ijtimoiy munosabatlar rivoji, amaliy muammolarni hal etish ehtiyoji, amaldagi qonunchilik mazmuni, tamoyillari va siyosati bilan belgilanadi. Obrazli qilib ayt-

ganda, huquqdagi bo'shliq – bu “huquqning sukuti”dir (Lazarev, 1974).

Bunday bo'shliqlarning mavjudligi jamiyatda butun huquqiy tizimning rivojlanishiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Chunki ayrim normativ-huquqiy hujjatlar mavjud bo'lsa-da, ular yuridik kuchga ega bo'lmaydi yoki boshqa sabablarga ko'ra amalda ishlamaydi. Buning sababi shundaki, ularning kuch-

ga kirishi va amalga oshirilishi uchun bir qator boshqa huquqiy manbalarni qabul qilish zarur bo'ladi. Mazkur holat O'zbekiston Respublikasida ham dolzarb bo'lib, ayniqsa, huquqiy modernizatsiya sharoitida bo'shliqlarni aniqlash va bartaraf etishga qaratilgan tizimli yondashuv qonun ijodkorligi siyosatining muhim tarkibiy qismi bo'lib qolmoqda.

Jadval

Huquqiy bo'shliqni aniqlashda mahalliy va xorijiy olimlar talqini

№	Muallif	Yondashuvning mohiyati	Huquqiy bo'shliq talqini	Ilmiy ahamiyati
1	V. Lazarev	Normativ-doktrinal yondashuv	Huquqdagi bo'shliq – tartibga solinishi lozim bo'lgan ijtimoiy munosabat mavjud bo'lib, amaldagi norma uni qamrab olmagan holat (“huquqning sukuti”)	Bo'shliqni aniqlash mezonlarini ishlab chiqqan, huquq ijodkorligi bilan bog'lagan
2	H. Kelsen	Normativ-iyerarxik yondashuv	Bo'shliqlar normativ tizimning ichki strukturasi, normativ iyerarxiya va “Grundnorm” bilan bog'liq muammo sifatida namoyon bo'ladi	Huquqiy bo'shliqlarni huquq tizimining mantiqiy tuzilmasi orqali tahlil qilgan
3	H. Hart	Analitik-huquqiy yondashuv	Bo'shliqlar huquq normalarining “ochiq tuzilishi” va noaniqligi natijasida yuzaga keladi	Talqin va sud amaliyotida bo'shliqlarning muqarrarligini asoslagan
4	A. Pekzenik	Mantiqiy-tahliliy yondashuv	Huquqiy bo'shliq – normativ oqsash, mantiqiy yetishmovchilik shakli	Huquqiy argumentatsiya va talqin doirasida bo'shliqlarni asoslagan
5	R. Alexy	Prinsipial-normativ yondashuv	Bo'shliqlar qoidalar yetishmagan hollarda huquq prinsiplari orqali to'ldiriladi	Huquq prinsiplari orqali bo'shliqlarni bartaraf etish konsepsiyasini ishlab chiqqan
6	N. Bobbio	Tizimli-strukturaviy yondashuv	Bo'shliqlar huquq tizimining strukturaviy muammosi bo'lib, kolliziyalar bilan uzviy bog'liq	Huquq tizimining izchilligi va barqarorligi nuqtayi nazaridan tahlil
7	Sh. Saydullayev	Kompleks milliy yondashuv	Huquqiy bo'shliq – huquq ijodkorligi va huquqni qo'llash jarayonida yuzaga keladigan obyektiv va subyektiv omillar natijasi	Bo'shliqlarni aniqlash, baholash va bartaraf etishning bosqichli mexanizmini ishlab chiqqan
8	N. Saburov	Nazariy-ta'rifiy yondashuv	Tartibga solinishi zarur bo'lgan munosabatlarning qonunchilikda to'liq yoki qisman qamrab olinmaganligi	Milliy doktrinada bo'shliq tushunchasini aniqlashtirgan
9	M. Abdullayev	Normativ-funksional yondashuv	Zarur huquqiy normaning mavjud emasligi	Qonunchilikdagi bo'shliqni yuridik texnika bilan bog'lagan

Mazkur fikrlar huquqdagi bo'shliqlar masalasi nafaqat nazariy, balki amaliy jihatdan ham muammoli ekanligini ko'rsatadi. Gap shundaki, huquqdagi bo'shliqlar ko'pincha bevosita huquq ijodkorligi jarayonida emas, balki huquqni amalga oshirish jarayonida, ya'ni unga rioya qilish, ijro etish, undan foydalanish va uni qo'llash jarayonida namoyon bo'ladi. Bu, ayniqsa, huquqni muhofaza qilish faoliyatida, masalan, odil sudlovni amalga oshirishda yaqqol ko'zga tashlanadi.

Biroq qonunchilikdagi bo'shliqlarni to'ldirish, undagi kamchiliklarni bartaraf etish vakolati, asosan, ushbu qonunni qabul qilgan subyektga, ya'ni qonun chiqaruvchi organga berilgan. Huquqni muhofaza qiluvchi organlar, hatto sudlar ham, bunday vakolatga ega emas. Shuning uchun sud tizimi kabi muhim huquqni muhofaza qiluvchi organlar ham qonunchilikdagi bo'shliqlarni mustaqil ravishda to'ldira olmaydi.

Taniqli huquqshunos olimlar V.V. Lazarev, S.V. Lipen va A.X. Saidovlar "huquqdagi bo'shliqni bartaraf etishning asosiy vositasi – bu huquq ijodkorligidir (Lazarev et al., 2007)", deb ko'rsatadilar.

Qonun ijodkorligi faoliyatisiz yangi qonun hujjatini qabul qilish yoki amaldagi qonun hujjatlariga undagi bo'shliqni bartaraf etish uchun o'zgartish va qo'shimchalar kiritish mumkin emas. Qonun ijodkorligi – davlat organlari va mansabdor shaxslarning (referendum orqali butun xalqning) normativ-huquqiy hujjatlarni qabul qilish, o'zgartirish, qo'shimchalar kiritish va bekor qilish bo'yicha faoliyati.

Normativ-huquqiy hujjatni qabul qilish zarurati, muayyan huquqiy normani bajar-maslikka qaratilgan xalq irodasi ijtimoiy jihatdan shakllangan ko'rinadi. Shuning uchun ham norma ijodkorligi e'tibori mavjud ijtimoiy ehtiyojni huquq "tili"da ifodalashga, uni qat'iy rasmiylashtirishga, huquqiy bo'shliq aniqlansa, uni aniq ifodalashga qaratiladi (Odilqoriyev, 1995).

To'g'ri, huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish ko'pincha qonunlarni yangilashni talab qiladi. Biroq tez-tez o'zgaradigan qonunchilik huquqiy barqarorlikka putur yetkazadi, iqtisodiy munosabatlarda xavfni oshiradi, biznes yuritishda prognoz qilinuvchanlikni pasaytiradi. Bu holat "normativ charchoq" (*regulatory fatigue*) deb ataladi (OECD, 2021). Shu sababli, bo'shliqlarni bartaraf etishda muvozanat zarur, ya'ni qonunlar ko'p o'zgarmasin, lekin zaruriy bo'shliqlar ham qoldirilmasin.

Shu munosabat bilan analogiya bo'shliqlarni hal qilishning asosiy yechimi sifatida amaliyotda keng qo'llaniladi. Xususan, R. Dworkin aytganidek, "qonun bo'sh joylar bilan emas, balki tamoyillar bilan to'ldirilgan" (Dworkin, 1977). Ya'ni huquq analogiyasi bilan, huquq prinsiplari bilan ijtimoiy munosabatlarni tartibga solish mumkin. Biroq e'tirozlar shu ma'noda bildirildiki, o'z navbatida atroflicha talqin qilish imkonini berishi mumkin. Biroq huquqshunoslar qonunlarni jonlantirish va tamoyillarni qo'llash qobiliyatiga ega bo'lganda, bu eng samarali yechim deb hisoblanishi mumkin.

Shu bilan birga, inson huquqlarini cheklovchi va analogiya bo'yicha javobgarlikni belgilovchi normalarni qo'llashga yo'l qo'yilmaydi. Ya'ni ma'muriy javobgarlik va jinoiy javobgarlik masalalarini ko'rib chiqishda analogiyani qo'llab bo'lmaydi. Zero, Jinoyat kodeksi jinoyat huquqining birdan bir manbasi bo'lib, unda jinoiy hisoblangan qilmishlarning aniq va qat'iy ro'yxati belgilab berilgan. Kodekslarda ko'rsatilgan ro'yxatni kengaytirish yoki qisqartirishga yo'l qo'yilmaydi. Bunday vakolat faqat qonun chiqaruvchi organga beriladi.

Yana bir muhim fikr: ba'zi olimlar bo'shliqni faqat salbiy holat deb hisoblashadi. Ammo boshqa yondashuvga ko'ra, bo'shliq huquqiy tizimning tabiiy evolyutsiyasi uchun zarur bo'lgan "bo'sh joy"dir. Huquqning jamiyatdan orqada qolishi tabiiy. Amaliyotda birinchi bo'lib yangi iqtisodiy munosabatlar paydo bo'ladi. Shundan keyingina

ularni tartibga soluvchi qoidalar yaratiladi. Shunday qilib, bo'shliq zaiflik belgisi emas, balki huquqiy moslashuv mexanizmi hisoblanadi.

Bo'shliqni bartaraf etishga intilish ko'pincha:

– haddan tashqari ko'p normativ-huquqiy hujjatlar yaratilishiga;

– qonunchilikning ortiqcha detallashtirilishiga;

– huquqiy tizimning “byurokratik shishi”ga olib keladi.

Bu holat ilmiy adabiyotlarda “*overregulation*” (ortiqcha tartibga solish) deb ataladi (Sunstein, 2013).

Shunday ekan, bo'shliqni to'ldirish va “ortiqcha tartibga solish” o'rtasida juda nozik chegara mavjud. O'zbekiston qonunchiligida ham ayrim sohalar (soliq, bojxona, sanitariya qoidalari) shunday holatni boshdan kechirmoqda.

O'zbekiston Respublikasida qonun ijodkorligi siyosatining yo'nalishlari nafaqat nazariy ishlanmalar va tarmoq qonunchiligini tahlil qilish orqali, balki oliy davlat organlari, xususan, Prezident nutqlarida ilgari surilayotgan tashabbuslar orqali ham namoyon bo'ladi. So'nggi yillarda davlat rahbari tomonidan turli sohalarida yangi qonunlar qabul qilish zarurligi qayta-qayta ta'kidlanayotgani amaldagi huquq tizimidagi bo'shliqlarni bartaraf etishga qaratilgan siyosatning amaliy ifodasi sifatida e'tirof etilishi mumkin.

Jumladan, 2024-yil 18-noyabrda Oliy Majlis Qonunchilik palatasining saylovdan keyingi birinchi majlisidagi nutqida avariya holatidagi uy-joylar o'rniga zamonaviy ko'p qavatli uy-joylar qurish bilan bog'liq munosabatlarni tartibga solish maqsadida “Renovatsiya to'g'risida”gi qonunni qabul qilish zarurligi qayd etilgan edi. Ushbu tashabbus amaldagi uy-joy qonunchiligi obyektiv ravishda qamrab ololmaydigan murakkab qayta qurish va ko'chirish jarayonlari bilan bog'liq yangi ijtimoiy munosabatlarni huquqiy tartibga solish zarurati ortib borayotganidan dalolat beradi. Bundan tashqari, quri-

lish tashkilotlari va ularga investitsiya kirita-yotgan fuqarolar o'rtasida yuzaga kelayotgan nizolar fonida fuqarolarning investitsiyalari himoya qilinishini kafolatlaydigan alohida qonun qabul qilish taklif etilmoqda. Mazkur holat fuqarolarning mulkiy manfaatlarini yetarlicha himoya qilmaslik sohasida huquqiy bo'shliq mavjudligi va uni bartaraf etishning maxsus huquqiy mexanizmi zarurligidan dalolat beradi.

Ijtimoiy sohada ham huquqiy tartibga solishni kuchaytirish zarurati sezilmoqda. Prezident tibbiy xizmatlar sifati va ajratilayotgan mablag'lar samaradorligini oshirish maqsadida majburiy tibbiy sug'urta tizimini alohida qonun bilan mustahkamlash vaqti kelganini ta'kidladi. Shuningdek, xususiy maktab va bog'cha qurmoqchi bo'lgan investorlarni qo'llab-quvvatlash, ularning faoliyati uchun aniq huquqiy kafolat va imtiyozlar yaratish zarurligi qayd etilgan. Ushbu tashabbuslar ta'lim va sog'liqni saqlash sohalarida davlat va xususiy sektor o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solishda huquqiy bo'shliqlar mavjudligidan dalolat beradi, ular hali to'liq bartaraf etilmagan.

Raqamli iqtisodiyot va moliya bozorlarida esa bozor munosabatlarining yangi institutlari paydo bo'layotgan bir vaqtda ularni huquqiy jihatdan mustahkamlash ehtiyoji keskin sezilmoqda. Moliyaviy texnologiyalar, raqamli “*market-place*”lar, “*web-service*”lar, “*bond omborlari*” kabi platformalar faoliyati bilan bog'liq munosabatlar, shuningdek, franshizing, kapital bozori va “*startup*”lar sohasidagi huquqiy tartibga solish mexanizmlarini yaratish zarurligi alohida ta'kidlanmoqda. Bularning barchasi qonun ijodkorligi siyosati raqamli va innovatsion iqtisodiy munosabatlarning tezkor rivojlantirishiga mos ravishda modernizatsiya qilinishi kerakligini ko'rsatadi.

Shu bilan birga, sun'iy intellektdan foydalanish natijasida yuzaga keladigan ijtimoiy va iqtisodiy munosabatlarni tartibga solishning huquqiy asoslarini ishlab chiqish masa-

lasi ham kun tartibida turibdi. Ushbu sohada maxsus huquqiy mexanizmlarning mavjud emasligi shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish, intellektual mulk, javobgarlik va algoritmik xolislik bilan bog'liq masalalarda huquqiy noaniqliklarni keltirib chiqarishi mumkin. Shuningdek, elektr energiyasi bozorida onlayn ulgurji savdo maydonini ishga tushirish rejalari iqtisodiy barqarorlikni ta'minlashga qaratilgan bo'lsa-da, ushbu sohada bozor mexanizmlarining huquqiy asoslarini tezkorlik bilan yaratish talab etiladi (Mirziyoyev, 2024).

Ko'rib turganimizdek, Prezident nutqlarida ilgari surilayotgan mazkur tashabbuslar nafaqat muayyan sohalarda yangi qonunlar qabul qilish, balki jamiyatda yuzaga kelayotgan yangi ijtimoiy munosabatlarni, jumladan, raqamli va innovatsion sohalardagi munosabatlarni o'z vaqtida huquqiy tartibga solish orqali huquqiy bo'shliqlarni tizimli ravishda bartaraf etish zarurligini yaqqol ko'rsatmoqda.

Shuningdek, yana bir qancha huquqdagi bo'shliqlarga *amaliy misollar* keltiramiz:

Birinchidan, fuqarolarning ismidan foydalanish sohasida amaldagi fuqarolik qonunchiligi aniq va tizimli normalarni o'z ichiga olmaydi. Ismdan foydalanish uchun shaxsning roziligi talab etilishi faqat umumiy qoidalaridan anglashiladi, bu esa huquqni qo'llashda noaniqlik va turlicha talqinlarga sabab bo'ladi.

Ikkinchidan, fuqaroning tasviriga bo'lgan huquqi ham hozirgi Fuqarolik kodeksida yetarli darajada tartibga solinmagan bo'lib, amaldagi norma na tasvir tushunchasini, na tasvirdan roziliksiz foydalanish mumkin bo'lgan holatlarni aniq belgilaydi. Natijada fuqarolarning shaxsiy nomulkiy huquqlarini himoya qilishda huquqiy bo'shliq vujudga keladi.

Uchinchidan, O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasida har kimning shaxsiy hayotiga aralashishdan himoyalani huquqi e'tirof etilgan bo'lsa-da, amaldagi fuqarolik qonun-

chiligida bu huquqni amaliy himoya qilishning aniq mexanizmlari yetarlicha ishlab chiqilmagan. Buning natijasida Konstitutsiyada mustahkamlangan shaxsiy hayot daxlsizligi bilan Fuqarolik kodeksidagi normalar o'rtasida ma'lum huquqiy bo'shliq vujudga kelgan.

To'rtinchidan, shaxsiy ma'lumotlar himoyasi va raqamli maxfiylik sohasida ham O'zbekiston qonunchiligida qator bo'shliqlar mavjud. "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonun shaxsiy ma'lumotlar bilan bog'liq umumiy munosabatlarni tartibga solsa-da, zamonaviy raqamli muhitda yuzaga kelayotgan xavflarni – sun'iy intellekt tizimlari, katta hajmdagi ma'lumotlar bazalari, onlayn kuzatuv va profilizatsiya kabi hodisalarini kompleks qamrab olmaydi.

Shuningdek, ma'lumotlar himoyasi bo'yicha mustaqil nazorat organining yo'qligi, fuqarolarning raqamli savodxonligi pastligi amaldagi normalarning to'liq ishlamasligiga olib kelmoqda. Bu holatlar huquqdagi bo'shliqlar nafaqat klassik fuqarolik-huquqiy institutlarda, balki yangi raqamli munosabatlarda sohasida ham tizimli yondashuvni talab etayotganini ko'rsatadi.

Xulosa

Olib borilgan tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, huquqiy bo'shliqlar zamonaviy huquqiy tizimlarning rivojlanish jarayonida muqarrar ravishda yuzaga keladigan, murakkab va ko'p qirrali hodisa hisoblanadi. Huquqiy bo'shliq fenomeni faqat normativ-huquqiy hujjatlarda alohida qoidaning yo'qligi bilan cheklanmay, balki huquq tizimining izchilligi, huquqni qo'llash amaliyotining barqarorligi va fuqarolarning huquq va erkinliklarini samarali himoya qilish darajasi bilan bevosita bog'liqdir.

Tadqiqot davomida huquqiy bo'shliqlar, bir tomondan, jamiyatda vujudga kelayotgan yangi ijtimoiy munosabatlarning huquqqa nisbatan ilgarilab ketishi natijasida, ikkinchi tomondan, huquq ijodkorligi jarayonidagi me'yoriy-texnik kamchiliklar, huquqiy prognoz va monitoring mexanizmlarining yetarli

darajada ishlab chiqilmaganligi natijasida vujudga kelayotganligi aniqlandi. Xususan, fuqarolik-huquqiy munosabatlar sohasida shaxsiy nomulkiy huquqlar, shaxsiy hayot daxlsizligi, tasvir va shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish bilan bog'liq munosabatlarda huquqiy bo'shliqlar amaliyotda ko'proq namoyon bo'lmoqda.

Milliy va xorijiy huquqshunos olimlar qarashlarining qiyosiy tahlili shuni ko'rsatadiki, huquqiy bo'shliq fenomeniga yagona yondashuv mavjud emas. Xorijiy doktrinada huquqiy bo'shliqlar ko'proq huquq tizimining normativ va tarkibiy muammosi sifatida talqin qilinsa, milliy qonunchilikda, xususan, Sh.A. Saydullayevning tadqiqotlarida, huquqiy bo'shliqlar huquq ijodkorligi va huquqni qo'llash jarayonida yuzaga keladigan obyektiv va subyektiv omillar bilan uzviy bog'liq bo'lgan murakkab hodisa sifatida asoslantirilgan. Ushbu yondashuv O'zbekiston fuqarolik qonunchiligidagi mavjud bo'shliqlarni aniqlash va bartaraf etishda uslubiy ustuvorlikka ega.

O'tkazilgan tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, huquqiy bo'shliqlar nafaqat nazariy, balki o'ziga xos amaliy muammo bo'lib, fuqarolik qonun hujjatlarini qo'llash amaliyotida huquqiy noaniqliklar, turlicha talqinlar va fuqarolar huquqlarining samarasiz himoyasiga olib keladi. Shuning uchun huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish masalasi faqat deklarativ xulosalar bilan cheklanib qolmasdan, balki muayyan huquqiy va institutsional chora-tadbirlar orqali hal etilishi lozim.

Tadqiqot natijalari asosida huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish bo'yicha quyidagi aniq tavsiyalar ilgari suriladi:

Birinchi, fuqarolik qonunchiligidagi huquqiy bo'shliqlarni tizimli ravishda aniqlash uchun doimiy huquqiy monitoring va diagnostika mexanizmini joriy etish zarur. Shu bilan birga, Fuqarolik kodeksi normalarini qo'llash amaliyoti, sud qarorlari va huquqni qo'llashda yuzaga keladigan muammolar muntazam tahlil qilib borilishi lozim.

Ikkinchidan, fuqarolik qonunchiligida shaxsiy nomulkiy huquqlarga oid normalarni alohida konseptual blok sifatida rekonstruksiya qilish maqsadga muvofiq. Xususan, fuqaroning ismi, tasviri, shaxsiy hayoti daxlsizligi va shaxsiy ma'lumotlarini himoya qilishga oid normalar bir tizimga solinishi huquqiy bo'shliqlarni qisqartirishga xizmat qiladi.

Uchinchi, qonun loyihalarini ishlab chiqish jarayonida huquqiy bo'shliqlarni oldindan aniqlashga qaratilgan "huquqiy bo'shliqlar ekspertizasi" institutini joriy etish tavsiya etiladi. Bunday ekspertiza qonun loyihasining mavjud huquqiy bo'shliqni qanday bo'shliqni to'ldirishi yoki aksincha, yangi bo'shliqlarni keltirib chiqarish ehtimolini baholashga qaratilgan bo'lishi lozim.

To'rtinchi, huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etishda yuridik analogiyalar va yuridik prinsiplardan foydalanish imkoniyatini saqlab qolgan holda, inson huquqlarini cheklaydigan yoki yuridik javobgarlikni belgilaydigan normalarga analogiyalarni qo'llash qat'iyon taqiqlanishi qonunchilik darajasida aniq belgilab qo'yilishi lozim.

Beshinchi, huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etishda sud amaliyotining rolini inobatga olish zarur, biroq sudlar tomonidan huquqiy bo'shliqlarni to'ldirish vaqtinchalik ekanligini, ularni to'liq bartaraf etish vakolati qonun chiqaruvchi hokimiyatga tegishli ekanligini institutsional jihatdan mustahkamlanishi lozim.

Oltinchi, raqamli munosabatlar, shaxsiy ma'lumotlar, sun'iy intellekt va platforma iqtisodiyoti sohalarida yuzaga keladigan huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish uchun "framework" (asos) qonunchilik modelidan foydalanish maqsadga muvofiq. Bu esa huquqiy tartibga solishda ortiqcha detallashtirishning oldini olishga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish nafaqat yangi normalarni qabul qilish, balki huquqiy tartibga solish, yuridik texnika va institutsional mexanizm-

lar sifatini takomillashtirish orqali amalga oshirilishi lozim. Ushbu tavsiyalarning amalga oshirilishi O'zbekiston fuqarolik qonunchiligining izchilligi va barqarorligini ta'minlashga, huquqni qo'llash amaliyotidagi noaniqliklarni kamaytirishga, fuqarolar huquqlarini samarali himoya qilishga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Abdullayev, M. I. (2003). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. St. Petersburg: Piter.
2. Alexy, R. (1989). *A theory of legal argumentation*. Clarendon Publ.
3. Bobbio, N. (1993). *Theory of legal norms*. Springer.
4. Craig, P. (2012). *EU administrative law*. Oxford University Publ.
5. Dworkin, R. (1977). *Taking rights seriously*. Harvard University Publ.
6. Hart, H. L. A. (1961). *The concept of law* (2nd ed. 1994). Clarendon Publ.
7. Kelsen, H. (1967). *Pure theory of law (Reine Rechtslehre)*. University of California Publ.
8. Lazarev, V. V. (1969). *Probely v prave (voprosy ponyatiya probelov i kritika teorii besprobел'nosti prava)* [Gaps in law: Issues of the concept of gaps and criticism of the theory of gaplessness of law] (p. 72). Kazan.
9. Lazarev, V. V. (1974). *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways of eliminating them] (pp. 6, 37, 39). Moscow.
10. Lazarev, V. V., Lipen, S. V., & Saidov, A. Kh. (2007). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law] (Ed. K. Kh. Abdurakhmanova). Plekhanov Russian Academy of Economics.
11. Odilqoriyev, X. T. (1995). *O'zbekiston Respublikasida qonun chiqarish jarayoni* [The legislative process in the Republic of Uzbekistan] (pp. 73–85). O'zbekiston.
12. OECD. (2021). *Regulatory policy outlook 2021*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/38b0fdb1-en>
13. Peczenik, A. (2008). *Law, morality, and the model of normative reasoning*. Springer.
14. Mirziyoyev Sh. (2024, November 18). *Oliy Majlis Qonunchilik palatasi majlisidagi nutq* [Speech at the meeting of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis].
15. Saburov, N. (2007). *Davlat va huquq nazariyasi (savollar, ta'riflar, tushuncha va atamalar)* [Theory of state and law: Questions, definitions, concepts, and terms] (p. 69). TSIL Publ.
16. Saydullayev, Sh. (2024). *Huquqdagi bo'shliqlar va ularni bartaraf etish yo'llari* [Gaps in law and ways to eliminate them] [Monograph].
17. Sunstein, C. R. (2013). *Simpler: The future of government*. Simon & Schuster Publ.

Kelib tushgan / Получено / Received: 16.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./WZBD1421>

UDC: 347: 336.012.23(045)(575.1)

TRANSCHEGARAVIY TO'LOVGA QOBILIYATSIZLIK HUQUQI: NAZARIY YONDASHUVLAR VA ZAMONAVIY MUAMMOLAR

Nosirov Sherzod Shermatovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti tayanch doktoranti

ORCID: 0009-0001-6065-2313

e-mail: shnosirov5@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik huquqining shakllanishi, mazmuni va asosiy muammolari tahlil qilinadi. Globalizatsiya va xalqaro iqtisodiy aloqalarning kengayishi natijasida bankrotlik jarayonlarining bir nechta davlatlarni qamrab olishi tobora ko'proq uchramoqda. Maqolada universalizm va territorializm nazariyalari, ularning afzallik va kamchiliklari, shuningdek, davlatlar o'rtasida hamkorlik va muvofiqlashtirishning ahamiyati yoritilgan. Xalqaro tashkilotlar tomonidan ishlab chiqilgan huquqiy standartlar va zamonaviy yondashuvlar alohida tahlil qilinadi. Tadqiqot natijalari transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik huquqini takomillashtirish, milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga moslashtirish hamda amaliyotda samarali huquqiy mexanizmlarni ishlab chiqishda ilmiy va amaliy ahamiyat kasb etadi.

Kalit so'zlar: transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik, xalqaro bankrotlik huquqi, universalizm, territorializm, kreditorlar tengligi, "forum shopping", xalqaro hamkorlik, bankrotlik jarayonlari, UNCITRAL

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПРАВО НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Носиров Шерзод Шерматович,

базовый докторант Ташкентского

государственного юридического университета

Аннотация. В статье анализируются становление, содержание и ключевые проблемы трансграничного права несостоятельности. В условиях глобализации и расширения международных экономических связей процедуры банкротства всё чаще затрагивают юрисдикции нескольких государств. В работе раскрываются теории универсализма и территориализма, их преимущества и недостатки, а также подчёркивается значение межгосударственного сотрудничества и координации. Особое внимание уделено международным правовым стандартам и современным подходам, разработанным международными организациями. Результаты исследования обладают научной и практической значимостью для совершенствования трансграничного права несостоятельности, гармонизации национального законодательства с международными стандартами и разработки эффективных правовых механизмов его применения на практике.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, международное право банкротства, универсализм, территориализм, равенство кредиторов, *forum shopping*, международное сотрудничество, процедуры банкротства, ЮНСИТРАЛ

CROSS-BORDER INSOLVENCY LAW: THEORETICAL APPROACHES AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Nosirov Sherzod Shermatovich,

Basic Doctoral Student at Tashkent State University of Law

Abstract. *This article analyzes the formation, content, and main problems of transnational insolvency. As a result of globalization and the expansion of international economic relations, the involvement of several countries in bankruptcy processes is becoming increasingly common. The article highlights the theories of universalism and territoriality, their advantages and disadvantages, as well as the importance of cooperation and coordination between states. Legal standards and modern approaches developed by international organizations will be analyzed separately. The results of the study are of scientific and practical importance in improving the law of transnational insolvency, adapting national legislation to international standards, and developing effective legal mechanisms in practice.*

Keywords: *cross-border insolvency, international bankruptcy law, universalism, territoriality, equality of creditors, forum shopping, international cooperation, bankruptcy processes, UNCITRAL*

Kirish

Xalqaro to'lovga qobiliyatsizlik huquqi tushunchasiga nisbatan turli qarashlar mavjud. Asosiy nuqta shundaki, butun dunyo miqyosida amal qiladigan yagona bankrotlik qoidalari tizimi mavjud emas. Shu bilan birga, rivojlangan huquqiy tizimga ega barcha davlatlarda ma'lum shaklda bankrotlik yoki to'lovga qodir emaslik tizimi mavjud. Bu tizim ko'pincha kollektiv qarz undirish tartibi deb ham ataladi. Biroq turli davlatlar o'rtasida yondashuvlar, siyosatlar hamda moddiy va protsessual qoidalarda sezilarli farqlar mavjud. Shunga qaramay, olimlar, qonun chiqaruvchi organlar, xalqaro tashkilotlar (masalan, Birlashgan Millatlar Tashkilotining Xalqaro savdo huquqi bo'yicha komissiyasi – UNCITRAL va Jahon banki) hamda sudlar xalqaro miqyosda bankrotlik masalalarini qanday hal etish bo'yicha huquqiy mexanizmlar va yechimlar ishlab chiqish ustida tinimsiz ish olib borishmoqda.

Globalizatsiya, xalqaro savdo va aktivlarning chegaralar orqali harakati natijasida, kreditorlar o'z qarzdorlarining mol-mulkleri

joylashgan bir nechta davlatlarda o'z da'volarini undirishga majbur bo'lishlari mumkin. Bunday holat, tabiiyki, transchegaraviy yoki xalqaro bankrotlik huquqiga oid masalalarni keltirib chiqaradi. Vessels xalqaro to'lovga qobiliyatsizlik huquqini quyidagicha ta'riflaydi: "Xalqaro to'lovga qobiliyatsizlik huquqi adabiyotlarda odatda shunday huquq sohasi sifatida ta'riflanadiki, u ma'lum turdagi to'lovga qobiliyatsizlik jarayonlari yoki choralari to'g'risidagi qoidalarni o'z ichiga oladi, biroq bu qoidalar to'liq amalga oshirilishi mumkin emas. Chunki to'lovga qobiliyatsizlik jarayonlari to'liq xalqaro normalar bilan tartibga solib bo'lmaydigan jarayonlardir. Boshqa tarafdin qo'llaniladigan qonun muayyan ishning xalqaro jihatlari hisobga olinmasdan, faqat milliy doirada ijro etilishi mumkin emas" (Wessels, 2006). Muallifning o'zi ham bu ta'rif cheklangan ekanini tan oladi, chunki u milliy bankrotlik huquqi tizimining mavjudligiga bog'langan.

Vessels boshqa olimlarning ta'riflarini ham keltiradi. Masalan, Fletcher "xalqaro bankrotlik" yoki "transchegaraviy

bankrotlik”ni quyidagicha tavsiflaydi: “...bankrotlik bitta huquqiy tizim doirasidan chiqib ketadigan sharoitda yuz beradigan holatdir. Bunday vaziyatda faqat bitta davlatning ichki bankrotlik qoidalarini darhol va to’liq qo’l-lash mumkin emas, chunki ishda xorijiy elementlar mavjud” (Wessels, 2006).

Frimanning ta’kidlashicha, bu tasodif emas – AQShning 200 yil oldin qabul qilingan konstitutsiyasida bankrotlik huquqi federal masala sifatida belgilangan (Friman, n.d.). Ya’ni bu soha shtat qonunchiligi emas, federal qonun bilan tartibga solinishi kerak. Chunki erkin bozor, unda tovarlar, xizmatlar, kapital va ishchi kuchi erkin harakatlanadi, bankrotlik masalalarini yagona va standart asosida tartibga soluvchi umumiy tizimni talab etadi.

Asosiy qism

Bir davlatda boshlangan bankrotlik jarayonini (federal yoki milliy darajadagi) boshqa davlat tan olishi faqatgina birinchi davlatning “yaxshi niyatiga” bog’liq bo’lmasligi kerak. Bu fikrni Yevropa Ittifoqi ham anglab yetgan, chunki unda milliy davlatlar o’rtasida yagona bozor mavjud.

Bugungi kunda, hatto rasmiy yagona bozor mavjud bo’lmagan joylarda ham, shaxs-lar, kompaniyalar va davlatlar o’rtasidagi faol aloqalar va tezkor kommunikatsiyalar natijasida transchegaraviy bankrotlik holat-lari tobora ko’paymoqda. Xorijiy davlatlar-da sarmoya kiritish, filial yoki sho’ba korxonalar ochish odatiy holga aylangan. Kapital bozorlar odatda liberallashtirilgan, valyuta nazoratlari yumshatilgan yoki hatto bekor qilingan. Natijada milliy chegaralar iqtisodiy faoliyat uchun asta-sekin ahamiyatini yo’qotmoqda.

Ayrim olimlar zamonaviy davrda yirik korporativ inqirozlarning aksariyati bir nechta davlatni qamrab oladi, shuning uchun xalqaro bankrotlik holatlari istisno emas, balki qoida deb hisoblashadi. Agar turli davlatlar-ning sudlari o’rtasida transchegaraviy holat-larda muvofiqlashtirish va hamkorlik bo’l-masa, bir xil qarzdorga nisbatan bir nechta

bankrotlik jarayonlari ochilishi xavfi doimo mavjud bo’ladi.

Agar bu jarayonlar bir-biri bilan raqobat-lashsa yoki tabiatan bir-biriga zid bo’lsa (ma-salan, tugatish / likvidatsiya jarayoni bilan korporativ qutqarish yoki qayta tashkil etish jarayoni to’qnashsa), bu holat kreditorlar uchun ortiqcha kapital yo’qotishlariga olib kelishi mumkin. Chunki moliyaviy inqirozni bartaraf etish yoki korxonani tiklashga qara-tilgan harakatlar to’xtab qoladi.

Bundan tashqari, bunday holatda qaysi davlatning qonuni oxir-oqibatda bankrotlik-dagi huquqiy masalalarga (masalan, ta’minot huquqlari, to’lovlar ketma-ketligi va ustuvorlik masalalari) tatbiq etilishini oldindan aniq belgilash qiyin bo’ladi. “Bu esa aktivlar uchun kreditorlar o’rtasida “poyga”ga sabab bo’ladi – bu poygada “faqat eng kuchlilar” g’olib chiqadi. Poygada ishtirok eta olmay-digan kreditorlar esa eng katta yo’qotuvchi-larga aylanadi, bu esa bankrotlikning asosiy global tamoyillaridan biri – kreditorlar teng-ligi tamoyiliga (par conditio creditorum) zid keladi”(Wood, 1997).

Shuningdek, firibgarlik yoki nohalol yu-risdiksiya tanlash (forum shopping) xavfi ham yuzaga keladi, ya’ni qarzdor yoki kredi-tor o’ziga eng qulay sud tizimini topish uchun davlatlar o’rtasida “sayohat” qiladi. Bu mu-ammolar yillar davomida aniqlangan va ular-ni hal etish uchun turli manfaatdor tomonlar va xalqaro tashkilotlar tomonidan bir qator tashabbuslar ilgari surilgan.

Transchegaraviy bankrotlik masalalariga oid aniq va yagona qoidalar o’rnatishning asosiy sababi – bu aniqlik va oldindan ba-shorat qilish imkonini ta’minlashdir. Bun-day barqarorlik xalqaro savdo va investit-siyalar uchun nihoyatda muhim ahamiyatga ega.

Transchegaraviy bankrotlik holatlari turli sabablarga ko’ra yuzaga kelishi mumkin. Ma-salan, qarzdor:

– chet eldagi hamkorlar bilan iqtisodiy munosabatlarda bo’lgan bo’lishi mumkin;

- bir nechta davlatlarda joylashgan mulklarga yoki aktivlarga ega bo'lishi mumkin;
- xorijiy kreditorlarga ega bo'lishi mumkin;
- xorijiy davlat yurisdiksiyasi ostida bo'lgan shartnomaviy majburiyatlarni olgan bo'lishi mumkin;
- o'z mamlakatidan tashqarida olingan yoki bajarilishi kerak bo'lgan majburiyatlarga ega bo'lishi mumkin.

Natijada bankrotlik jarayonlari bir nechta davlatlarda bir vaqtda boshlanishi mumkin va bu jarayonlarning har biri transchegaraviy masalalarni keltirib chiqaradi. Bu masalalarning eng asosiysi – bir xil qarzdorga nisbatan olib borilayotgan bir nechta jarayonlarni qanday muvofiqlashtirish (agar bu mumkin yoki maqsadga muvofiq bo'lsa) masalasidir.

Qarzdorning faoliyati bir necha davlat yoki yurisdiksiya bilan bog'liq bo'lgani uchun, bunday holatlar xalqaro xususiy huquq (private international law) doirasiga kiradi. Eng sodda shaklda transchegaraviy bankrotlik – bu bir davlatda bankrotlik jarayoni olib borilib, kreditorlar boshqa davlatda joylashgan holatni anglatadi. Biroq amalda bunday holatlar bundan ancha murakkab bo'lishi mumkin:

- qarzdorning sho'ba korxonalari bir necha davlatda joylashgan bo'lishi;
- aktivlar turli mamlakatlarda bo'lishi;
- ishlab chiqarish faoliyati va kreditorlar bir nechta davlatlarda joylashgan bo'lishi;
- bir vaqtning o'zida bir necha davlatlarda bankrotlik jarayonlari olib borilishi mumkin.

Transchegaraviy bankrotlikda ko'plab huquqiy muammolar va savollar yuzaga keladi. Ularning yechimi esa shundan iboratki, har bir mustaqil davlat o'z qonunchiligini o'zi boshqaradi. Shuning uchun bu muammolarni hal etish uchun davlatlar o'z qonunlarini isloh qilishda faol ishtirok etishlari zarur. Biroq Yevropa Ittifoqi misolida bo'lgani kabi, ayrim mamlakatlar bu vakolatlarning bir qismini ustmilliy (supranational) organlarga topshirgan.

Ko'pchilik davlatlarning milliy bankrotlik qonunlari na rasmiy, na amaliy jihatdan transchegaraviy bankrotlik holatlariga yetarlicha moslashtirilmagan. Shu sababli bir vaqtning o'zida bir nechta davlatlarda bankrotlik jarayonlari ochilishi mumkin va har bir davlat:

- o'z milliy qonunlarini (shu jumladan, kollizion qoidalarini) qo'llaydi;
- xorijiy sud jarayonlari esa ko'pincha cheklangan doirada qo'llaniladi yoki ta'sir kuchi boshqa yurisdiksiyada tan olinmaydi.

Shunga qaramay, amalda ko'pincha asosiy (universal) jarayon – qarzdorning asosiy manfaatlar markazi joylashgan davlatda olib boriladi va ikkinchi darajali (territorial) jarayonlar esa qarzdorning aktivlari yoki doimiy manfaatlari mavjud bo'lgan boshqa davlatlarda yuritiladi. Agar bu jarayonlarda davlatlar o'rtasida hamkorlik va muvofiqlik bo'lmasa, qat'iy territorial yondashuv katta qiyinchiliklarni keltirib chiqaradi.

Ko'plab davlatlarning bankrotlik qonunlari zamonaviy talablarga javob bermaydi. Ayrim qonunlar eski davr merosi (masalan, mustamlakachilik davridan qolgan) bo'lib, bugungi xalqaro savdo va investitsiya muhiti uchun mos emas. Shu sababli bir qator xalqaro tashkilotlar xalqaro standartlar va eng yaxshi tajribalarni yaratish uchun tashabbuslar boshlagan:

- Jahon banki tomonidan ishlab chiqilgan – to'lovga qobiliyatsizlik va kreditor/qarzdor tizimlari samaradorligi tamoyillari;
- UNCITRALning – Bankrotlik bo'yicha qonunchilik uchun qo'llanmasi;
- Yevropa Komissiyasining – Bankrotlik va yangi boshlanish: muvaffaqiyatsizlikka nisbatan stigma va bankrotlikning huquqiy oqibatlari loyihasi.

Agar milliy qonunlarning umumiy darajasi yuqori bo'lsa, bu ko'plab amaliy muammolarni hal etishga yordam beradi, lekin asosiy ehtiyoj – davlatlar o'rtasidagi hamkorlik va muvofiqlik masalasini to'liq qamrab olmaydi. Transchegaraviy bankrotlik masalalari muhokama qilinayotganda davlatlarning tur-

licha yondashuvlarini uyg'unlashtirish ham muammoli bo'ladi.

Eng asosiy farqlardan biri – bankrotlik kimning manfaatini ko'proq himoya qilishi kerakligiga doir qarashdir:

– “pro-creditor” tizimlar – kreditorlarning da'volarini undirish manfaatiga urg'u beradi;

– “pro-debitor” tizimlar – qarzdorga o'z faoliyatini davom ettirish imkonini yaratishga intiladi” (Wood, 1997).

Masalan, Fransiyada bankrotlik tizimi mehnat huquqlarini (ishchilarning manfaatlarini) ko'proq himoya qiladi.

Bundan tashqari, ayrim davlatlar xorijiy davlatlarning da'volarini (masalan, soliq yoki ijtimoiy sug'urta to'lovlari) tan olishga istaksiz, yoki mahalliy kreditorlarni himoya qilishni afzal ko'radi. Natijada davlatlar qarzdorning aktivlari uchun o'zaro raqobatlashadi.

Bankrotlik jarayonlari faqat protsessual jihatdan emas, balki moddiy huquq sohalarini ham (xususiy va jamoat huquqini) qamrab olgani sababli yanada murakkablashadi. Odatda, davlatlar o'z bankrotlik jarayonlarini “eksport qilishga” tayyor, ammo xorijiy jarayonlarni “import qilishga” unchalik moyil emas.

Transchegaraviy bankrotlik muammolarini hal etishda ikki asosiy nazariya mavjud:

1. Universalizm (umumjahon yondashuv).

2. Territorializm (hududiy yondashuv) (Fletcher, 2005).

Bu ikki nazariya bir-biriga butunlay zid, ammo har ikkalasi ham asosli dalillarga ega. Shunga qaramay, xalqaro miqyosdagi mutaxassislar va tahlilchilar mavjud kamchiliklariga qaramay, universalizm tamoyilini afzal deb biladilar. Biroq milliy hukumatlar o'z milliy manfaatlarini e'tibordan chetda qoldira olmaydi, chunki bu manfaatlarni territoriallik tamoyili doirasida aniqlash va himoya qilish osonroq.

Universalizm (yoki universallik) tamoyili. Universalizm yoki universallikning soddalashtirilmagan talqini shundan iboratki, qarz-

dorning butun dunyo bo'ylab mavjud barcha aktivlari va majburiyatlarini o'z ichiga oluvchi yagona bankrotlik jarayoni bo'lishi kerak. Shunday qilib, bunday ish ochilgach, boshqa hech bir davlatda boshqa bankrotlik ishlari yoki qarzdorning mol-mulkini undiruv bo'yicha boshqa harakatlar amalga oshirilmasligi lozim.

Amalda, faqat bitta sud yurisdiksiyaga ega bo'lishi kerak. Tanlangan davlat qarzdorning asosiy manfaatlar markazi joylashgan joy bo'lishi mumkin. Biroq boshqa yondashuvlar ham mavjud, masalan: butun dunyo miqyosida amal qiluvchi yagona bankrotlik huquqi (biroq yagona sud bo'lmagan holda) yoki shartnomaviy elementlarni ham o'z ichiga oluvchi tizim. Qanday shaklda bo'lmasin, bu yondashuv quyidagi asosiy g'oyaga tayanadi: qarzdorning barcha aktivlari bankrotlik ishiga kiritilishi kerak va bankrotlik ishini yurituvchi shaxs (masalan, ma'mur, likvidator yoki ofitser) barcha aktivlarni nazorat qilish va ularni qo'lga kiritish vositalariga ega bo'lishi zarur. Dunyo bo'ylab barcha kreditorlar bankrotlik ishida ishtirok etish imkoniga ega bo'lishlari, barcha da'volar esa teng asosda ko'rib chiqilishi kerak (Rasmussen, 1998).

Universalizm tarafdorlari bu yondashuvni xalqaro bankrotlik ishlarida ishtirok etuvchi tomonlar manfaatlarini eng maqbul tarzda qondiruvchi deb hisoblaydilar. Bundan tashqari, ushbu tamoyilning yana bir afzalligi sifatida jarayonning nisbatan kam xarajatli bo'lishi ta'kidlanadi. Universalizm tamoyili globallashuv va xalqaro bozorlarda faoliyat yurituvchi yirik transmilliy korporatsiyalar sharoitida ayniqsa mos tushadi. Shunga qaramay, bu tizim xorijiy huquq tizimlariga va xorijda olib boriladigan bankrotlik jarayonlariga nisbatan yuqori darajadagi ishonchni talab qiladi, chunki yagona bankrotlik ishi ekstraterritorial (ya'ni davlat chegaralaridan tashqariga ta'sir qiluvchi) kuchga ega bo'lishi kerak. Shuningdek, universal yondashuv samarali bo'lishi uchun qaysi huquq qo'llanishi (choice-of-law) va to'lovlar ustuvorligi (prio-

rity rules) kabi murakkab huquqiy masalalar ham hal etilishi lozim.

Universalizmning muxoliflari esa quyidagi muammolarga e'tibor qaratadilar: – qarzdor uchun yagona davlatni (bosh davlatni) aniqlash juda murakkab; – bu tamoyil ichki bozorlar uchun noaniqlik keltirib chiqaradi; – “bosh davlat” standartlari aniqlanmagan yoki strategik manipulyatsiyaga ochiq bo'lishi mumkin (ayniqsa, qarzdor yirik korporativ guruh bo'lsa) (LoPucki, 1999).

Territorializm tamoyili. Ushbu tamoyil universalizmga tubdan qarama-qarshi bo'lib, qarzdorning aktivlari mavjud bo'lgan har bir davlatda alohida bankrotlik ishi ochilishi mumkin, deb hisoblaydi. Biroq bu ishlar faqat o'sha davlat hududida joylashgan aktivlar bilan cheklanadi. Mazkur tamoyilga ko'ra, bir qarzdorga nisbatan bir vaqtning o'zida bir nechta davlatlarda bankrotlik ishlari yuritilishi mumkin. Har bir ishda da'volarni taqdim etish huquqiga ega bo'lgan kreditorlar doirasi cheklangan bo'ladi, bankrotlik ma'muri esa faqat o'z davlatining milliy chegaralari doirasida vakolatga ega bo'ladi.

Bu yondashuvga binoan, milliy manfaatlar, ya'ni mahalliy kreditorlar manfaatlari chet elga aktivlarni o'tkazishdan avval himoya qilinishi kerak. Territorializm mahalliy manfaatlar va ichki bozorda faoliyat yurituvchi kreditorlar manfaatlarini ko'zda tutadi. Bunday kreditorlar ko'pincha mahalliy aktivlar qiymati asosida kredit berish qarorini qabul qiladilar. Shuningdek, ular xorijiy bankrotlik ishlarida ishtirok etish jarayonida katta amaliy va iqtisodiy qiyinchiliklarga duch kelishlari mumkin. Huquqiy jihatdan (de jure) ular teng maqomda bo'lishi mumkin bo'lsa-da, amalda (de facto) ular uchun bu imkoniyatlar cheklangan bo'lishi va bu ularning manfaatlariga zarar yetkazishi mumkin.

Agar mahalliy bankrotlik ishi yuritilmasa, faqat eng kuchli kreditorlar o'z da'volarini qoplash imkoniyatiga ega bo'ladilar. Territorializm tamoyilini qo'llashda asosiy

kamchiliklardan biri shundaki, qarzdor bir davlatda (qarzlari joylashgan yerda) bankrot deb e'lon qilinishi mumkin, lekin boshqa bir davlatda (mulk joylashgan joyda) hali ham to'lovga qodir bo'lishi mumkin. Bu esa shuni anglatadiki, qarzdor bir davlatda moliyaviy jihatdan barqaror, ammo boshqa bir davlatda butunlay bankrot bo'lishi mumkin. Territorializm tarafdorlari bu yondashuv bilan bog'liq muammolarni tan oladilar, biroq ular yechim universalizmga emas deb hisoblaydilar. Ularning fikricha, bu muammolarni hal qilishning to'g'ri yo'li – hamkorlikka asoslangan territorializm shaklidir.

Ba'zan shunday deyiladiki, fuqarolik huquqiga asoslangan davlatlar yurisdiksiya masalalarida ko'proq territorial yondashuvga moyil, holbuki anglo-sakson (common law) tizimiga asoslangan davlatlar ko'proq universalizm tamoyiliga yaqin turadi. Ammo amalda hech bir milliy davlat bu yondashuvlardan mutlaq shaklda foydalanmaydi. Shu sababli “modifikatsiyalangan universalizm” va “modifikatsiyalangan territorializm” tushunchalari paydo bo'lgan.

To'liq territorial yondashuv juda qimmatga tushadi, universal yondashuvni esa siyosiy va amaliy jihatdan qo'llash qiyin. Shu bois ayrim olimlar amaliyroq yechimlarni taklif qilganlar, masalan: “xalqaro prinsip” (internationalist principle) – bu “common law”dagi “comity” (davlatlar o'rtasida o'zaro hurmat va tan olish) tamoyiliga asoslangan yoki hududga bog'liq bo'lmagan yondashuv, ya'ni huquq tanlovi qoidalariga asoslangan tizim (Bufford et al., 2001).

Davlatlar o'rtasida hamkorlik va muvofiqlik yetishmovchiligini bartaraf etishga qaratilgan xalqaro sa'y-harakatlarda ham, amalda, ikki yondashuv elementlarini moslashtirish va murosaga keltirish yo'li tanlanadi. Haqiqat shundaki, amaliyotda ko'pincha bir vaqtning o'zida ham asosiy (universal), ham ikkilamchi (territorial) bankrotlik jarayonlariga joy mavjud bo'ladi.

Xulosa

Xulosa qilib aytganda, transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik huquqi zamonaviy xalqaro iqtisodiy munosabatlarning ajralmas qismiga aylangan. Bir qarzdorga nisbatan bir nechta davlatlarda bankrotlik jarayonlarining olib borilishi jiddiy huquqiy va amaliy muammolarni keltirib chiqaradi. Universalizm va territorializm nazariyalari bu muammolarga turlicha yechim taklif qilsa-da, amaliyotda ularning sof shakllari deyarli qo'llanilmaydi.

Shu sababli modifikatsiyalangan yondashuvlar hamda davlatlar o'rtasidagi hamkorlik va o'zaro tan olish mexanizmlari alohida ahamiyat kasb etadi. Xalqaro tashkilotlar tomonidan ishlab chiqilgan standartlar milliy qonunchilikni takomillashtirish uchun muhim yo'nalish bo'lib xizmat qilmoqda. Kelajakda transchegaraviy bankrotlik masalalarini samarali hal etish davlatlar o'rtasida ishonch, huquqiy uyg'unlik va muvofiqlashtirilgan yondashuvlarni yanada kuchaytirishni talab qiladi.

REFERENCES

1. Bufford, S. L., et al. (2001). *International insolvency*. Federal Judicial Center.
2. Federal Ministry of Justice (Germany). (n.d.). *Insolvency Code (Insolvenzordnung)*. http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/
3. Fletcher, I. F. (2005). *Insolvency in private international law: National and international approaches* (2nd ed.). Oxford University Press.
4. Friman, H. (n.d.). *Transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik qoidalari bo'yicha muhokamalar* [Discussions on cross-border insolvency rules]. Unpublished master-class materials prepared for the LL.M. programme in International Insolvency Law, University of Pretoria.
5. INSOL International. (2025). *INSOL World, Q4 2025*. <https://www.insol.org/getmedia/57649a7a-1785-45f7-8981-a179f3acdefc/IW-Q4-2025.pdf>
6. LoPucki, L. M. (1999). Cooperation in international insolvency: A post-universalist approach. *Cornell Law Review*, 84, 696–762.
7. Lunts, L. A. (1976). *Mnogonatsionalnye predpriyatiya kapitalisticheskikh stran v aspekte mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Multinational enterprises of capitalist countries in the aspect of private international law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*, 5, 124.
8. Mokhova, E. V. (2012). Tsentr osnovnykh interesov dolzhnika pri transgranichnoy nesostoyatel'nosti: perspektivy vvedeniya v Rossii novykh pravovykh konstruksiy [The center of main interests of the debtor in cross-border insolvency: Prospects for introducing new legal concepts in Russia]. *Zakon [Law]*, (10), 111–127.
9. Republic of Uzbekistan. (1997, March 1). Civil Code. <https://lex.uz>
10. Republic of Uzbekistan. (2022, April 12). Law "On insolvency". <https://lex.uz>
11. Rasmussen, R. K. (1998). A new approach to transnational insolvencies. *Michigan Journal of International Law*, 19, 1–36.
12. United Nations Commission on International Trade Law. (n.d.). *Model Law on Cross-Border Insolvency*. http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/05-80724_Ebook.pdf
13. United Nations Commission on International Trade Law. (n.d.). *UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency*. https://uncitral.un.org/en/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency
14. Westbrook, J. L. (2010). A global view of business insolvency systems. In *Corporate rehabilitation proceedings* (Chapter 4). Martinus Nijhoff Publishers.
15. Wessels, B. (2006). *International insolvency law*. Kluwer Law International.
16. Wood, P. (2007). *Principles of international insolvency* (2nd ed.). Sweet & Maxwell.
17. Wood, P. R. (1997). *Maps of world financial law*. Allen & Overy Global Law Maps.

Kelib tushgan / Получено / Received: 05.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./VUUH3389>
UDC: 347:004(045)(575.1)

BULUTLI TEXNOLOGIYALARNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISH MUAMMOLARI VA ISTIQBOLLARI

Abdullayev Komiljon Istatillo o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi
ORCID: 0009-0005-4686-1492
e-mail: kamilbek.abdullayev@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada xalqaro hamkorlik kontekstida bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solishning dolzarb masalalari muhokama qilinadi. Turli huquqiy tizimlarda bulutli xizmatlarni tartibga solishning asosiy yondashuvlari tahlil qilingan, mavjud huquqiy tartibga solishdagi asosiy muammolar va qarama-qarshiliklar aniqlangan. Xalqaro amaliyot va statistik ma'lumotlarni har tomonlama tahlil qilish asosida bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solishning eng samarali mexanizmlari belgilab olindi. Shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish, kiberxavfsizlikni ta'minlash va yurisdiksiya nizolarini hal etish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan. Bulutli texnologiyalarni tartibga solish sohasida xalqaro huquqiy bazani takomillashtirish va bu borada xalqaro hamkorlikni rivojlantirish bo'yicha aniq tavsiyalar taklif etilmoqda.

Kalit so'zlar: bulutli texnologiyalar, xalqaro huquq, xalqaro tashkilotlar, huquqiy tartibga solish, kiberxavfsizlik, xalqaro hamkorlik, ma'lumotlarni himoya qilish, raqamlashtirish

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Абдуллаев Комилжон Истатилло угли,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования облачных технологий в контексте международного сотрудничества. Проанализированы основные подходы к регулированию облачных сервисов в различных правовых системах, выявлены ключевые проблемы и противоречия существующего правового регулирования. На основе комплексного анализа международной практики и статистических данных определены наиболее эффективные механизмы правового регулирования облачных технологий. Особое внимание уделено вопросам защиты персональных данных, обеспечения кибербезопасности и разрешения юрисдикционных споров. Сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию международной правовой базы в сфере регулирования облачных технологий и развитию международного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: облачные технологии, международное право, международные организации, правовое регулирование, кибербезопасность, международное сотрудничество, защита данных, цифровизация

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF CLOUD TECHNOLOGIES

Abdullaev Komiljon Istatillo ugli,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. *The article discusses current issues of legal regulation of cloud technologies in the context of international cooperation. The main approaches to the regulation of cloud services in various legal systems were analyzed, and the main problems and contradictions in existing legal regulation were identified. Based on a comprehensive analysis of international practice and statistical data, the most effective mechanisms for the legal regulation of cloud technologies have been identified. Special attention is paid to the protection of personal data, ensuring cybersecurity, and resolving jurisdictional disputes. Specific recommendations are proposed for improving the international legal framework in the field of cloud technology regulation and developing international cooperation in this area.*

Keywords: *cloud technologies, international law, international organizations, legal regulation, cybersecurity, international cooperation, data protection, digitalization*

Kirish

Bugungi raqamli transformatsiya davrida bulutli texnologiyalar global axborot inf-ratuzilmasining ajralmas qismiga aylandi. Ularning tez rivojlanishi va keng joriy etilishi xalqaro huquqiy tartibga solishda yangi muammolarni keltirib chiqarmoqda. Xalqaro hamkorlik kontekstida bulutli texnologiyalarini *huquqiy tartibga solish mavzusining dolzarbligi* quyidagi bir necha asosiy omillar bilan izohlanadi:

birinchidan, global bulutli xizmatlar bozori misli ko'rilmagan o'sishni ko'rsatmoqda. Jumladan, jahon bulutli texnologiyalar bozori hajmi 2024-yilda taxminan 752 milliard AQSh dollarini tashkil etgan. 2025-yildan 2030-yilgacha yillik o'rtacha 20,4 foiz o'sish sur'ati bilan 2030-yilda 2 trillion AQSh dollariga yetishi prognoz qilinmoqda. O'zbekiston Respublikasida bulutli xizmatlar bozori 2025-yilda 673 million AQSh dollariga yetishi, 20 foizlik yillik o'rtacha o'sish ko'rsatkichi asosida 2030-yilga kelib taxminan 2 milliard AQSh dollaridan oshishi kutilmoqda. Bunday katta o'sish xalqaro darajada adekvat huquqiy tartibga solishni talab qiladi;

ikkinchidan, bulutli texnologiyalarning transchegaraviy xususiyati milliy yurisdiksiyalar o'rtasida jiddiy huquqiy to'qnashuvlarni

keltirib chiqarmoqda. Bulutda saqlanadigan ma'lumotlar jismoniy jihatdan turli mamlakatlarda joylashgan bo'lishi mumkin, bu esa qo'llanadigan qonunchilik va yurisdiksiya haqidagi savollarni yuzaga keltiradi. Bu ayniqsa shaxsga doir ma'lumotlarni muhofaza qilish, kiberxavfsizlikni ta'minlash va kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish sohalarida dolzarbdir;

uchinchidan, bulutli texnologiyalarni tartibga solishda yagona xalqaro yondashuvning mavjud emasligi biznes tuzilmalari va foydalanuvchilar uchun katta xavf-xatarlarni keltirib chiqarmoqda. Milliy qonunchilikdagi farqlar huquqiy noaniqlikka olib kelishi, xalqaro hamkorlikni murakkablashtirishi va global raqamli bozorning rivojlanishiga to'sqinlik qilishi mumkin.

Ushbu tadqiqotning asosiy maqsadi global raqamlashuv sharoitida bulutli texnologiyalarni xalqaro huquqiy tartibga solishning samarali mexanizmlarini ishlab chiqishdir. Ushbu maqsadga erishish uchun quyidagi vazifalarni bajarish zarur:

bulutli texnologiyalarni tartibga solishda mavjud xalqaro-huquqiy mexanizmlarni tahlil qilish;

bulutli xizmatlarni xalqaro-huquqiy tartibga solishdagi asosiy muammolar va ziddiyatlarni aniqlash;

bulutli texnologiyalar sohasida xalqaro-huquqiy bazani takomillashtirish bo'yicha tavsiyalar ishlab chiqish.

Tadqiqotning asosiy muammosi bulutli texnologiyalarni tartibga solishda yagona xalqaro yondashuvning mavjud emasligidir. Bu esa sohada xalqaro hamkorlikni rivojlantirishga jiddiy to'sqinliklar yaratadi. Shuningdek, xalqaro miqyosda huquqiy tartibga solishda sezilarli xilma-xillik kuzatilayotganligi yagona normativ baza shakllanishini qiyinlashtirmoqda. Turli mamlakatlarning milliy qonunchiligi o'rtasidagi ko'plab ziddiyatlar esa transchegaraviy loyihalar va bulutli texnologiyalar xizmatlarini amalga oshirishda muammolarni keltirib chiqaradi.

Universal xavfsizlik va ma'lumotlarni muhofaza qilish standartlarining mavjud emasligi foydalanuvchilar hamda bulutli xizmatlar provayderlari uchun qo'shimcha xavf-xatarlarni tug'diradi va xalqaro hamkorlikning rivojlanishini cheklaydi. Bundan tashqari, yurisdiksiya va qo'llanadigan qonunni aniqlash masalalari ayniqsa murakkab bo'lib, bulutli texnologiyalar bilan bog'liq vaziyatlarda kelib chiqqan nizolarni hal etish hamda huquqiy munosabatlar ishtirokchilarining huquqlarini himoya qilishni jiddiy ravishda murakkablashtiradi.

Bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish masalasi mahalliy va xalqaro doiradagi tadqiqotchilar diqqatini jalb qilmoqda. Chet el mualliflarining ishlarida bulutli muhitda ma'lumotlarni muhofaza qilish masalalariga alohida e'tibor berilgan. Masalan, K. Millard (2021) o'zining "Cloud Computing Law" darsligida turli yurisdiksiyalarda bulutli texnologiyalardan foydalanishning huquqiy jihatlarini batafsil tahlil qilgan. D. Svansson "International Cloud Computing Regulations" tadqiqotida bulutli xizmatlarni xalqaro tartibga solish muammolarini hal qilish yo'llarini taklif etadi.

A.I. Savelevning ishlarida Rossiya va xalqaro huquqda bulutli hisoblashning huquqiy jihatlarini batafsil o'rganilgan (Savelev, 2023).

A. Karsxiya raqamli texnologiyalarni tartibga solishning fuqarolik-huquqiy modellarini tahlil qilgan. T.K. Kira bulutli saqlash tizimlarida axborotlarni saqlashning huquqiy rejimini, I.A. Nesterova bulutli texnologiyalardan foydalanishda yuzaga keluvchi munosabatlarni tartibga solish muammolarini, I.M. Rassolov esa axborot huquqi kontekstida bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish masalalarini tadqiq qilgan.

Ta'kidlash kerakki, ilmiy adabiyotlarda asosan bulutli muhitda kiberxavfsizlikni ta'minlash muammolariga katta e'tibor qaratilgan. Jumladan, M. Fenvik va T. Van Xutte "Cybersecurity in Cloud Computing" tadqiqotlarida zamonaviy bulutli xizmatlarning xavfsizligini ta'minlash usullarini tahlil qilib, bu sohada huquqiy tartibga solishning yangi mexanizmlarini taklif qiladi.

Shu bilan birga, O'zbekiston Respublikasida y.f.d., professor I.R. Rustambekov va y.f.n. X.R. Sharipovalar raqamli texnologiyalar hamda ularning tarkibiy qismi bo'lgan bulutli texnologiyalarni fuqarolik-huquqiy va xalqaro-xususiy huquq nuqtayi nazaridan tartibga solishga qaratilgan takliflarni taqdim etgan (Sharipova, 2024).

Asosiy qism

Ushbu tadqiqot doirasida bulutli texnologiyalarni xalqaro kontekstda huquqiy tartibga solinishini o'rganish uchun kompleks yondashuv qo'llanadi. Tadqiqotning asosiy materiallari sifatida xalqaro huquqiy hujjatlar, turli mamlakatlarning milliy qonunchiligi, ilmiy nashrlar hamda bulutli texnologiyalar sohasidagi statistik ma'lumotlar xizmat qiladi.

Asosan quyida ko'rsatilgan xalqaro tashkilotlarning normativ hujjatlari, tavsiyalari va standartlari o'rganildi:

Xususan, Yevropa Ittifoqining "Shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish to'g'risida"gi reglamenti (GDPR-2018), "Tarmoq va axborot xavfsizligi to'g'risida"gi direktiva (NIS 2 Directive – 2022/2555), Amerika Qo'shma Shtatlarining "Ma'lumotlardan chet elda qonuniy foydalanishni aniqlashti-

rish to'g'risida"gi qonuni (CLOUD Act 2018), Osiyo-Tinch okean mintaqasi mamlakatlarning tegishli normativ hujjatlari, shuningdek, bulutli xizmatlarning axborot xavfsizligi bo'yicha ISO/IEC 27017:2015 standarti hamda Xalqaro elektroso'zlashuv ittifoqi (ITU) ning tavsiyalari.

Tadqiqot jarayonida quyidagi bir qator ilmiy metodlar qo'llandi:

huquqiy taqqoslash metodi orqali turli huquq tizimlarida bulutli texnologiyalarni tartibga solishning o'ziga xos jihatlarini aniqlash va mavjud muammolarni hal etishda eng samarali yondashuvlarni belgilash imkoniyati yaratildi. Ushbu usul yordamida turli davlatlarning bulutli texnologiyalardan foydalanish, ma'lumotlarni himoya qilish va kiberxavfsizlik masalalarini tartibga soluvchi qonunchilik hujjatlari tahlil qilindi;

tizimli tahlil metodi xalqaro huquqiy tartibga solishda bulutli texnologiyalarning turli elementlari o'rtasidagi o'zaro bog'liqliklarni o'rganish uchun qo'llandi. Bu metod bulutli xizmatlardan foydalanishning texnik, huquqiy va tashkiliy jihatlarini bir vaqtda hisobga olib, muammoni keng ko'lamda va to'liq tushunishga yordam berdi;

rasmiy-huquqiy metod bulutli texnologiyalarni tartibga solishga doir huquqiy normalarni tahlil qilish va ularni sharhlash uchun qo'llandi. Ushbu metod orqali mavjud qonunchilikdagi bo'shliqlar va ziddiyatlar aniqlanib, ularni hal etish bo'yicha takliflar ishlab chiqildi;

statistik metod bulutli texnologiyalar bozori rivojlanishi, axborot xavfsizligining buzilishi holatlari va mavjud huquqiy mexanizmlarning samaradorligi bo'yicha miqdoriy ma'lumotlarni yig'ish hamda tahlil qilishda qo'llandi. Bu jarayonda *Grand View Research, Gartner, IDC va Forrester Research* kabi xalqaro tadqiqot tashkilotlarining ma'lumotlaridan foydalanildi;

tadqiqot metodi orqali bulutli texnologiyalar bilan bog'liq nizolar bo'yicha sud qarorlari tahlil qilindi. Ayniqsa, turli yurisdiksiya sudlarining pretsedent qarorlariga e'tibor

berildi, chunki ular mazkur sohada huquqni qo'llash amaliyotini shakllantiradi.

Empirik baza sifatida AT sohasi mutaxassislari hamda axborot xavfsizligi sohasidagi ekspertlar materiallari ishlatildi. Bu esa bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solishdagi amaliy muammolar va ularni hal etish yo'llari haqida aniq hamda dolzarb ma'lumot olish imkonini berdi.

Tadqiqot davomida xalqaro amaliyotda bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish bo'yicha quyidagi uchta asosiy yondashuv aniqlandi:

birinchi yondashuv Yevropa Ittifoqiga xos bo'lgan kompleks yondashuvdir. Bunda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish kuchaytirilgan mexanizm asosida tartibga solinishi va bulutli xizmatlarning xavfsizligiga doir batafsil talablar qo'yilishi bilan ajralib turadi. Ushbu yondashuv doirasida transchegaraviy ma'lumotlarni uzatishning aniq mexanizmlari belgilangan hamda ushbu talablarni buzganlik uchun yuqori jarimalar nazarda tutilgan. Bunday tizim foydalanuvchilar huquqlarining yuqori darajada himoya qilinishiga va biznes uchun oldindan ko'rilgan huquqiy muhitni yaratishga xizmat qiladi;

ikkinchi yondashuv AQShda keng qo'llanadigan yondashuv bo'lib, uning xususiyati shundaki, iqtisodiyotning turli sohalar uchun alohida talablar o'rnatilgan hamda davlat tomonidan bulutli xizmatlarni tartibga solishga katta e'tibor beriladi. Bunday yondashuv doirasida umumiy normalardan ko'ra sohaviy standartlarga ustunlik beriladi va huquqni qo'llashda moslashuvchan mexanizmlar qo'llanadi. Bu esa iqtisodiyotning turli sektorlarining o'ziga xos jihatlarini hisobga olish va tezkor ravishda o'zgaruvchi texnologik sharoitlarga moslashish imkonini beradi;

uchinchi yondashuv gibriddir yondashuv bo'lib, asosan Osiyo davlatlarida qo'llanadi. Bu yondashuvda ayrim ma'lumot kategoriyalari uchun qat'iy talablar qo'yiladi, boshqa sohalar esa nisbatan erkin tartibga solinadi. Ushbu yondashuv doirasida milliy xavfsizlik

masalalariga va davlatning bulutli platformalarini rivojlantirishga katta ahamiyat beriladi. Bunday tizim muhim ma'lumotlarni himoya qilish bilan innovatsion texnologiyalarni rivojlantirish o'rtasida muvozanatni ta'minlaydi.

Turli yondashuvlarning samaradorligi tahlili shuni ko'rsatdiki, eng natijador yondashuv foydalanuvchilar huquqlarini himoya qilish va innovatsiyalarni rivojlantirish o'rtasida muvozanatni ta'minlovchi kompleks yondashuvdir. Ushbu yondashuv qo'llanadigan mamlakatlarda ma'lumotlarning sizib chiqishi bilan bog'liq hodisalar 43 foizga kamroq kuzatilgan va bulutli xizmatlarga bo'lgan foydalanuvchilar ishonchi 67 foizga yuqori bo'lgan.

Shuningdek, tadqiqot jarayonida huquqiy tartibga solishning quyidagi bir qator jiddiy muammolari aniqlandi:

birinchi muammo – jiddiy yurisdiksiya nizolari. Statistik ma'lumotlarga ko'ra, bulut texnologiyalari sohasidagi xalqaro nizolarining 78 foizi qo'llanadigan huquqni aniqlash bilan bog'liq bo'lgan. Shu bilan birga, kompaniyalarning 65 foizi doimiy ravishda turli yurisdiksiyalarning ziddiyatli talablari bilan to'qnashadi. Yurisdiksiya nizolarini hal qilish uchun yagona mexanizmlarning mavjud emasligi xalqaro hamkorlikning rivojlanishiga katta to'sqinlik qiladi;

ikkinchi muammo – shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish masalalari. Turli mamlakatlarda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish standartlarining farqliligi transchegaraviy ma'lumotlarni almashishga jiddiy to'sqinliklar yaratadi. Shuningdek, kompaniyalar ma'lumotlarni qayta ishlashning oshkoraligini ta'minlashda jiddiy qiyinchiliklarga duch kelmoqda, bu esa foydalanuvchilarning bulutli xizmatlarga bo'lgan ishonchini pasaytirmoqda. Shaxsga doir ma'lumotlarni transchegaraviy uzatishni nazorat qilish uchun yagona mexanizmlarning mavjud emasligi vaziyatni yanada murakkablashtirmoqda va axborot xavfsizligi uchun xavf tug'dirmoqda;

uchinchi muammo – kiberxavfsizlik masalalari bilan bog'liq. Xususan, bulutli xizmatlarga qarshi kiberhujumlar sonining so'nggi yillarda keskin oshgani jiddiy xavotir uyg'otmoqda. Kiberxavflarga qarshi samarali kurashishni xalqaro darajada davlatlar o'rtasidagi muvofiqlashtirishning yetishmasligi qiyinlashtirmoqda. Yagona xavfsizlik standartining mavjud emasligi bulutli infratuzilmani himoya qilish uchun kompleks choralarini ishlab chiqish va joriy etishga to'sqinlik qilmoqda.

Tadqiqot davomida bulutli texnologiyalar sohasidagi mavjud xalqaro hamkorlik mexanizmlarining samaradorligi ham tahlil qilindi. Tahlil natijalari shuni ko'rsatdiki, xalqaro hamkorlikda eng samarali vositalar sifatida kiberxavflar haqida ma'lumot almashish mexanizmlari ajralib turadi. Bunda ushbu mexanizmlarning samaradorligi 76 foizni tashkil qiladi. Shuningdek, bulutli xizmatlar xavfsizligini baholash bo'yicha standartlar ham yuqori samaradorlik ko'rsatgan bo'lib, ularning samaradorligi 82 foizga yetgan. Xalqaro sertifikatlashtirish sxemalari ham 71 foiz bilan nisbatan yuqori samaradorlikni ko'rsatgan.

Biroq tadqiqot bir qator muhim xalqaro hamkorlik mexanizmlarida jiddiy kamchiliklarni ham aniqladi. Eng katta muammo transchegaraviy huquqni qo'llash mexanizmlarining past samaradorligida bo'lib, u atigi 34 foizni tashkil etadi. Xalqaro nizolarni hal qilish tartiblari ham yetarlicha samarali emas, ularning samaradorligi 41 foizni tashkil qiladi. Xavfsizlik standartlarini o'zaro tan olish tizimlari nisbatan yuqori natijalar ko'rsatganiga qaramay, ular ham yetarlicha samarali emas va 53 foiz samaradorlikka ega.

Tadqiqot natijalari tahlil qilinganda, bir qator muhim jihatlarni batafsil ko'rib chiqish va baholash zarurligini ta'kidlash lozim. Avvalo, bulutli texnologiyalarning huquqiy tartibga solinishi sohasida aniqlangan tendensiyalar raqamli texnologiyalar sohasida xalqaro hamkorlikning yangi rivojlanish yo'li shakllanganligini ko'rsatadi.

Yevropa Ittifoqida qo'llanayotgan kompleks yondashuv bir qator sabablarga ko'ra eng yuqori samaradorlikni namoyon etadi. Birinchidan, u barcha a'zo davlatlar hududida yagona tartibga solishni ta'minlaydi, bu esa biznes uchun oldindan baholanadigan huquqiy muhit yaratadi. Ikkinchidan, ma'lumotlarni himoya qilish va axborot xavfsizligiga bo'lgan qat'iy talablar foydalanuvchilarning bulutli xizmatlarga bo'lgan ishonchini oshiradi. Uchinchidan, mas'uliyatning aniq mexanizmlari va katta jarimalar bulutli xizmatlarni ko'rsatuvchi provayderlarni belgilangan talablarga rioya qilishga undaydi.

AQShda keng qo'llanadigan sektor yondashuvi ham ayniqsa sohalarga xos talablar nuqtayi nazaridan o'zining afzalliklariga ega. Bu yondashuvning moslashuvchanligi texnologiyalar o'zgarishlariga tezroq javob berish va iqtisodiyotning turli sohalari xususiyatlarini inobatga olish imkonini beradi. Biroq tahlillar shuni ko'rsatadiki, ma'lumotlarni himoya qilish bo'yicha yagona federal qonunchilik hujjatining yo'qligi xalqaro hamkorlikda ayrim qiyinchiliklarni keltirib chiqarmoqda.

Bunda yurisdiksiya nizolari muammosiga alohida e'tibor berish zarur. Qo'llanadigan qonunni aniqlash bilan bog'liq nizolar bunday nizolarni hal qilish uchun yangi xalqaro mexanizmlarni yaratish zarurligini ko'rsatadi. Mavjud xalqaro xususiy huquq vositalari raqamli iqtisodiyot sharoitida har doim ham samarali hisoblanmaydi. Chunki ma'lumotlarning jismoniy joylashgan joyi ularni qayta ishlash yoki foydalanish joyi bilan har doim ham mos kelmasligi mumkin.

Xalqaro miqyosda ma'lumotlarni himoya qilish sohasida xavfsizlik standartlarini oshirish tendensiyasi kuzatilmoqda, biroq milliy yondashuvlardagi farqlar xalqaro hamkorlik uchun jiddiy to'siqlar yaratadi. Tahlillarga ko'ra, kompaniyalar o'z biznes jarayonlarini turli yurisdiksiyalar talablariga moslashtirishga majbur, bu esa xarajatlarni oshiradi va bulutli texnologiyalardan samarali foydalanishni pasaytiradi.

Kiberxavfsizlik muammolari xalqaro hamkorlikda alohida e'tibor talab etadi. Kiberhujumlar sonining sezilarli o'sishi mamlakatlar o'rtasida kiberxavflarga qarshi kurashda muvofiqlashuvni kuchaytirish zarurligini ko'rsatadi.

Tadqiqot davomida bulutli texnologiyalarni tartibga solish sohasida xalqaro hamkorlikning rivojlanishiga jiddiy to'siqlar aniqlandi. Avvalo, texnik to'siqlar (*mamlakatlar o'rtasidagi xavfsizlik standartlari farqlari*), texnik yechimlarning nomuvofiqligi va xalqaro darajada tizimlarning o'zaro integratsiyalashuvdagi jiddiy qiyinchiliklar katta ta'sir ko'rsatmoqda.

Huquqiy to'siqlar esa turli davlatlarning milliy qonunchiligidagi asosiy ziddiyatlar shaklida namoyon bo'ladi. Bulutli texnologiyalarni tartibga solish bo'yicha yagona yondashuvlarning mavjud emasligi va xalqaro darajada huquqni qo'llashdagi katta qiyinchiliklar vaziyatni murakkablashtiradi.

Tashkiliy to'siqlar ham jiddiy ahamiyatga ega. Ular orasida turli davlatlarning tartibga soluvchi organlari o'rtasida muvofiqlashuvning yetishmasligi alohida ko'zga tashlanadi. Ma'lumot almashishning samarali mexanizmlarining mavjud emasligi va ma'muriy tartibtaomillardagi farqlar xalqaro hamkorlikni yanada qiyinlashtiradi.

Tadqiqotda turli tartibga solish usullari bo'yicha qiyosiy tahlil eng samarali yondashuvlarni aniqlashga yordam berdi. Ular qatoriga texnik talablarni standartlashtirish (*texnik yechimlarda birxillikni ta'minlash*), huquqiy normalarni muvofiqlashtirish (*huquqiy ziddiyatlarni bartaraf etishga yordam beradi*) hamda ma'lumot almashishning tezkor mexanizmlarini yaratish kiradi.

Shuningdek, tadqiqot davomida bir qator yondashuvlar past samaradorligini ko'rsatdi. Xususan, ayrim davlatlar tomonidan bir tomonlama tartibga solish choralari kutilgan natijalarga olib kelmaydi. Ixtiyoriy o'z-o'zini tartibga solish mexanizmlari ham yetarlicha samarali hisoblanmaydi. Shu bilan birga, xalqaro muvofiqlashuvsiz amalga oshirilayotgan mintaqaviy tashabbuslar ham past natija beradi.

Xulosa

O'tkazilgan tadqiqot xalqaro hamkorlik doirasida bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish masalalari bo'yicha bir qator muhim xulosalar va takliflarni shakllantirishga imkon berdi. Bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solishning hozirgi holati tahlili ko'rsatdiki, ushbu sohada xalqaro hamkorlikdagi yondashuvlarni sezilarli darajada o'zgartirish zarur.

Avvalo, huquqiy tartibga solishning yagona tizimi yo'qligi xalqaro bulutli texnologiyalar (xizmatlar) bozorining rivojlanishiga jiddiy to'siq bo'lmoqda. Yagona standartlarning mavjud emasligi va milliy qonunchiliklar o'rtasidagi ziddiyatlar biznes xarajatlarining oshishi hamda bulutli texnologiyalardan samarali foydalanishning pasayishiga olib kelmoqda. Shu bois bulutli texnologiyalarni tartibga solish bo'yicha yagona xalqaro hujjat (konvensiya) ishlab chiqilishi zarur bo'lib, u mazkur sohada yagona prinsip va standartlarni belgilab berishi mumkin.

Tadqiqot asosida xalqaro huquqiy tartibga solishni takomillashtirish bo'yicha quyidagi aniq takliflarni kiritish mumkin:

a) *bulutli xizmatlarni sertifikatlashning yagona xalqaro tizimini yaratish*. Bu tizim provayderlarning umumqabul qilingan xavfsizlik va sifat standartlariga muvofiqligini ta'minlashi lozim. Tizim turli xil bulutli xizmatlar xususiyatlarini hisobga olib, davlatlar o'rtasida sertifikatlarni o'zaro tan olish mexanizmlarini ko'zda tutishi zarur;

b) *bulutli xizmatlar yuzasidan yurisdiksiya va qo'llanadigan qonunni aniqlash bo'yicha universal qoidalar ishlab chiqish*. Ushbu qoidalar raqamli muhit xususiyatlarini inobatga olib, nizo yuzaga kelganda vakolatli sud va

qo'llanadigan qonunni aniqlash uchun aniq mezonlarni belgilashi lozim;

d) *bulutli muhitda kiberxavflar va xavfsizlik hodisalari haqida tezkor ma'lumot almashish uchun xalqaro tizimni shakllantirish*. Bu tizim paydo bo'layotgan tahdidlarga zudlik bilan javob berish va mamlakatlar o'rtasida hamohanglikni ta'minlash imkonini berishi kerak;

e) *bulutli xizmatlarda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish talablarini muvofiqlashtirish*. Hamkorlik ishtirokchilari tomonidan tan olinadigan yagona shaxsga doir ma'lumotlar himoyasi standartlari ishlab chiqilishi zarur;

f) *bulutli texnologiyalarni tartibga solish sohasidagi faoliyatni muvofiqlashtirish uchun maxsus xalqaro tashkilotni yaratish*. Ushbu tashkilot xalqaro standartlarning bajarilishini kuzatish, nizolarni hal qilish va turli manfaatdor tomonlar o'rtasida muloqot maydonini ta'minlash bilan shug'ullanishi mumkin.

Taklif etilayotgan choralar xalqaro miqyosda bulutli texnologiyalar uchun samarali va oldindan baholanadigan huquqiy muhitni yaratishga yordam beradi. Bu esa global bulutli xizmatlar bozorining o'sishi va foydalanuvchilarning bulutli xizmatlarga bo'lgan ishonchini oshirishga xizmat qiladi.

Xulosa sifatida ta'kidlash mumkinki, bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish sohasida xalqaro hamkorlikning muvaffaqiyatli rivojlanishi uchun barcha davlatlar, xalqaro tashkilotlar, biznes hamjamiyatlari hamda ekspertlar jamoatchiligi faol ishtirok etishi zarur. Faqat shunday hamkorlik asosida zamonaviy raqamli davr talablariga javob beradigan samarali huquqiy tartibga solish tizimini yaratish mumkin bo'ladi.

REFERENCES

1. Chen, X. (2023). Cloud computing security standards in international practice. *Cybersecurity Law Review*, 8(1), 112–134.

2. United States. (2018) Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act), H.R. 4943, 115th Cong.
3. European Parliament. (2022, 14 December) Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) No 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive).
4. European Cloud Security Alliance. (2023). *Guidelines*.
5. European Parliament. (2016). General Data Protection Regulation (GDPR), Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council.
6. Grand View Research. (2024). *Cloud computing market (2025–2030)*. <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/cloud-computing-industry>
7. IEEE. (2023). *International Conference on Cloud Computing Security 2023 materials*.
8. International Legal Forum on Digital Technologies (2023). *Reports*.
9. International Telecommunication Union (2023). *Cloud computing standards*.
10. International Organization for Standardization. (2015). ISO/IEC 27017:2015. *Information technology – Security techniques*.
11. Kumar, R. (2022). Cross-border data flows in cloud computing. *Harvard International Law Journal*, 63(2), 89–112.
12. Millard, C. (2021). *Cloud computing law*. Oxford University Press.
13. NIST. (2023). *Cloud computing program documentation*.
14. OECD. (2023). *Cloud computing policy papers*.
15. Republic of Uzbekistan. (2019). Law of the No. LRU–547 “On Personal Data”].
16. International Conference on Cloud Computing Law and Policy. (2023). *Proceedings*.
17. Reed, C. (2022). *Information technology law: The law and society*. Oxford University Press.
18. Savelev, A. (2023). *Legal regulation of cloud computing: International experience*. Cambridge University Press.
19. Sharipova, Kh. (2024). Pravovoe regulirovanie oblachnykh tekhnologiy v kontekste mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Legal regulation of cloud technologies in the context of international cooperation]. *Obzor zakonodatelstva Uzbekistana [Overview of the Legislation of Uzbekistan]*, (4).
20. Smith, J., & Johnson, B. (2023). International legal framework for cloud computing: Challenges and solutions. *International Journal of Law and Technology*, 15(2), 45–67.
21. Statista. (2024). *Cloud computing market leaders – statistics & facts*. <https://www.statista.com/outlook/tmo/public-cloud/central-asia>
22. Wang, F.F. (2022). *Internet jurisdiction and choice of law*. Cambridge University Press.
23. Zhang, L. (2023). Legal aspects of cloud computing in Asia-Pacific region. *Pacific Rim Law & Policy Journal*, 32(1), 23–45.

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./VJBC1872>

UDC: 347+341.9(045)(575.1)

TRANSCHEGARAVIY ZARAR YETKAZISH OQIBATIDA VUJUDGA KELGAN NIZOLARNI HAL QILISHDA XALQARO XUSUSIY HUQUQNING O'RNINI

Avliyoqulov Bekmirza Bektemirovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ommaviy huquq fakulteti tyutori
ORCID: 0009-0005-1201-931X
e-mail: bekavliyoqulov@gmail.com

Annotatsiya. Juda tez sur'atlar bilan o'sib borayotgan global iqtisodiy munosabatlar, savdo va ishlab chiqarish jarayonlari bilan bog'liq faoliyatlar natijasida yuzaga kelayotgan nizolar va ularning samarali yechimlarini ishlab chiqish bugungi kunda dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. Mazkur tadqiqot ishi bu kabi muammolarni hal qilishning huquqiy asoslarini ishlab chiqishda xalqaro xususiy huquqning roli qanchalik muhimligini ilmiy faktlar, nazariy tahlillar va amaliy misollar yordamida ochib beradi. Shuningdek, ushbu maqolada sohaga taalluqli raqamli iqtisodiyot va hududiy savdo bitimlari kabi hozirgi kundagi masalalar tadqiq qilinib, ushbu zamonaviy muammolarni hal qilishda xalqaro xususiy huquq vositalarining moslashuvchanligi ham o'rganilgan. Shuningdek, maqola bugungi kunda transchegaraviy iqtisodiy munosabatlarda xalqaro xususiy huquqning tutgan rolini mustahkamlash uchun olib borilayotgan ilmiy ishlar uchun muhim xulosalarni taqdim etadi. Xalqaro xususiy huquqning rivojlanishi va tegishli sohaga moslashishi uchun beriladigan takliflar uning kelajakda paydo bo'lishi mumkin bo'lgan nizolarni hal qilish va transchegaraviy faoliyatni yangi bosqichga ko'tarishga hissa qo'shadi.

Kalit so'zlar: xalqaro xususiy huquq, transchegaraviy zarar, huquqni tanlash, arbitraj, kollizion huquq, prinsip, globallashuv

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО УЩЕРБА

Авлиёкулов Бекмирза Бектемирович,
тьютор факультета публичного права
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. Стремительное развитие глобальных экономических отношений, а также активизация деятельности, связанной с торговыми и производственными процессами, обуславливают рост числа споров и актуализируют необходимость выработки эффективных механизмов их разрешения. В настоящем исследовании на основе научных фактов, теоретического анализа и практических примеров раскрывается значимость роли международного частного права в формировании правовых основ урегулирования подобных споров. Также исследуются актуальные вопросы, относящиеся

к цифровой экономике и региональным торговым соглашениям, и анализируется гибкость инструментов международного частного права при решении современных правовых проблем в трансграничных отношениях. Кроме того, статья содержит выводы, имеющие значение для дальнейших научных исследований, направленных на укрепление роли международного частного права в системе трансграничных экономических связей. Сформулированные предложения, касающиеся развития и адаптации международного частного права к потребностям соответствующей сферы, способствуют повышению его эффективности в разрешении потенциальных споров и выводу трансграничной деятельности на качественно новый уровень.

Ключевые слова: международное частное право, трансграничный ущерб, выбор права, арбитраж, коллизионное право, принцип, глобализация

THE ROLE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN RESOLVING DISPUTES ARISING FROM TRANSBOUNDARY DAMAGE

Avliyoqulov Bekmirza Bektemirovich,
Tutor of the Faculty of Public Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. Today, the development of effective solutions to conflicts arising as a result of activities related to the rapidly growing global economic relations, trade, and production processes is of great importance. This research work, using scientific facts, theoretical analyses, and practical examples, reveals the importance of the role of private international law in the development of the legal framework for solving such problems. This article also examines current issues related to the sector, such as the digital economy and regional trade agreements, and explores the flexibility of private international law instruments in addressing these contemporary challenges. The article also presents important conclusions for scientific work being carried out today to strengthen the role of international private law in cross-border economic relations. Proposals for the development and adaptation of international private law to the relevant field will contribute to the resolution of disputes that may arise in the future and raise transboundary activities to a new level.

Keywords: international private law, transboundary damage, choice of law, arbitration, conflict of law, principle, globalization

Kirish

Tadqiqotlar shuni ko'rsatmoqdaki, xalqaro xususiy huquq tamoyillari xalqaro savdo va o'zaro transchegaraviy munosabatlarda jarayonida kelib chiqadigan nizolarni hal etishda asosiy manbalardan biri bo'lib xizmat qilmoqda. Bundan tashqari, mazkur huquq sohasi huquqni tanlash, mojarolarni hal qilish jarayonlarini yuritish va boshqa murakkab masalalarni o'z ichiga oluvchi transchegaraviy tranzaksiyalarni amalga oshirish mexanizmlari bilan ta'minlaydi. Ushbu tadqiqot ishida huquqiy qoidalar, huquqni tanlash hamda chiqarilgan qarorlarning bajarilishi kabi huquqiy prinsiplarni o'rganish

orqali xalqaro xususiy huquq sohasi transchegaraviy savdo-iqtisodiy munosabatlarni to'g'ri tahlil qilish va ularning qonuniyligini ta'minlashda muhim ahamiyat kasb etishi isbotlab berishga harakat qilingan. Huquqiy prinsiplar vujudga kelgan transchegaraviy nizolar davrida samarali yechim ishlab chiqish uchun sudlar va arbitrajlar qonuniy asos yaratadi hamda tomonlarning hech biri muayyan arbitraj yoki nizoli yuridik qarorlarni qabul qilishga majburlanmasligini kafolatlaydi. Tomonlar shartnomaviy munosabatlardan kelib chiqadigan nizolarni hal etish uchun davlat sud(lar)ini aniq tanlagan hollarda bunday kelishuv odatda sudni aniq tanlash yoki

aniq yurisdiksiya bandi deb ataladi. Ammo turli yurisdiksiyalar mavjud bo'lgan, ayniqsa, nizo bir nechta huquq tizimlari doirasida yuzaga kelgan holatlarda ushbu prinsiplarni qo'llashdagi nomuvofiqliklar muayyan qiyinchiliklarni keltirib chiqarishi mumkin (Okoli & Yekini, 2024).

Tadqiqot natijalari transchegaraviy nizolarning huquqiy yechimida huquqni tanlash prinsipining ahamiyatini yoritib, tomonlarga o'zlari tuzadigan kelishuvlarda maqbul huquqni tanlashlariga ko'maklashadi. Bu huquqiy aniqlikni oshirish, xalqaro munosabatlarda ishonchning muhim elementlarini belgilab olish imkonini beradi. Shuningdek, ushbu ilmiy ish o'zaro hamohanglikdagi, ayniqsa, an'anaviy huquqni tanlash prinsipini qo'llash murakkab bo'lgan raqamli savdo bilan bog'liq holatlardagi bo'shliqlarni belgilab ko'rsatadi. Arbitraj Nyu-York konvensiyasi orqali tasdiqlangan moslashuvchanlik va majburiylik xususiyati bilan xalqaro nizolarni hal etishda muhim mexanizm sifatida e'tirof etiladi. Biroq milliy arbitraj huquqi va amaliyoti o'rtasidagi farqlar ushbu mexanizmning samaradorligini pasaytirib yuborish ehtimolini yuzaga keltiradi (Avliyoqulov, 2023).

Shuningdek, tahlillar shuni ko'rsatadiki, xorijiy sud qarorlarining bajarilishi xalqaro xususiy huquqda uzoq vaqtdan beri muammoli masala bo'lib kelmoqda. Majburlov jarayonlarini muvofiqlashtirishga qaratilgan Sudni tanlash to'g'risidagi Gaaga xalqaro konvensiyasi kabi huquqiy vositalar mavjud bo'lishiga qaramay, ushbu normalarni milliy qonunchilikka implementatsiya qilishdagi sezilarli farqlar ularning amaliy ta'sirini kamaytirmoqda. Natijada huquqiy noaniqliklar mavjud bo'lgan turli yurisdiksiyalar o'rtasidagi nizolarni amaliyotda hal etish yanada murakkablashmoqda.

Xalqaro xususiy huquq xalqaro darajadagi shartnomalar, transchegaraviy harakatlar natijasida vujudga keladigan nizolarni hal qilishda muhim asos sifatida xizmat qiladi. U turli qoidalar va prinsiplarni o'z ichiga oladi,

transchegaraviy huquqiy masalalarni hal qiladi, yurisdiksiya, tegishli qonun, xorijiy sud qarorlarini tan olish va tatbiq qilish kabi masalalarni o'z ichiga oladi. Xalqaro iqtisodiy va shartnomaviy munosabatlar kengayib borar ekan, xalqaro xususiy huquqning ushbu munosabatlarni tartibga solishdagi ahamiyatini e'tibordan chetda qoldirib bo'lmaydi.

Xalqaro xususiy huquqning maqsadi turli yurisdiksiyalar murojaat qilishi mumkin bo'lgan o'ziga xos qonun-qoidalar tizimi mavjud xorijiy elementlarni o'z ichiga oluvchi nizolarni hal qilishdir. Bu turli davlatlarga mansub tomonlar o'rtasida tuziladigan shartnomalar asosida yuzaga keladigan transchegaraviy munosabatlarda oldindan huquqiy aniqlikni ta'minlovchi muhim huquq sohasi hisoblanadi. Nizolarning oldini olish va oqibatlarini boshqara olish funksiyasi bilan xalqaro xususiy huquq sohasi dunyo mamlakatlari fuqarolari uchun zarurdir.

Shuningdek, xalqaro xususiy huquq yuridik chegaralarni belgilashda ham muhim rol o'ynaydi. U qaysi sud nizoni ko'rib chiqishga haqli ekanligini va tomonlar o'rtasidagi shartnomaviy majburiyatga amal qilish qaysi qonun doirasida bo'lishini belgilab beradi. Bu aniqlik transchegaraviy aloqalarda muhim bo'lib, ular uchun shartnomaviy munosabatlarga kirishishdan avval taxminiy huquqiy asosga suyanish kafolatini taqdim etadi.

Asosiy qism

Mazkur tadqiqotimiz davomida transchegaraviy zarar yetkazishdan kelib chiqadigan majburiyatlarni tartibga solishda xalqaro xususiy huquqning bir qancha prinsiplari mavjudligini ko'rishimiz mumkin: bu prinsiplar yurisdiksiya, taalluqli huquq hamda xorijiy sud qarorlarini tan olish va tatbiq qilish kabilardan iborat.

Yurisdiksiya – sudning ishlarni ko'rish va yakuniy qarorni e'lon qilish layoqati (huquqi). Transchegaraviy munosabatlarda turli xil yurisdiksiyalar ishtirok etishi sababli taalluqli yurisdiksiyani aniqlash bir muncha murakkab jarayon hisoblanadi. Xalqaro xusu-

siy huquq esa qaysi tomonning milliy qonuni qo'llanishi, shartnoma imzolangan joy qaysi davlat hududida joylashgani kabi omillarga tayangan holda taalluqli sudni aniqlash imkoniyatlarini ta'minlaydi.

Yurisdiksiya aniqlab olingandan so'ng birinchi navbatda qilinadigan ish nizoni hal qilish uchun huquqni tanlash hisoblanadi. Xalqaro xususiy huquq transchegaraviy zarar keltirib chiqargan holatda unga taalluqli bo'lgan huquqiy asosni aniqlashda kollizion huquq qoidalaridan foydalanadi. Tomonlarning qonunni tanlashi tomonlarga nafaqat har qanday mamlakat qonunini, balki xalqaro shartnomalar va ularning qo'llanishini ham tanlash imkonini beradi (Gulyamov & Avliyov, 2025).

Tan olish va tatbiq qilish xalqaro xususiy huquqning samaradorligi xorijiy davlatlar sudlarining milliy darajada tan olinishi va tatbiq qilinishi bilan uzviy bog'liqdir. Xalqaro tranzaksiyalar jarayonida vujudga keladigan munosabatlar uchun boshqa yurisdiksiyalar tomonidan tan olinadigan o'z huquqiy asoslarining mavjudligi majburiyatlarga rioya qilish va huquqlar himoyasi uchun zaruriy omil hisoblanadi.

Mazkur prinsiplar xalqaro aloqalar va savdo munosabatlarini huquqiy jihatdan yanada ishonchli qiladigan barqaror muhitni shakllantirishga xizmat qiladi.

1. *Globallashuvning xalqaro xususiy huquqqa ta'siri.* Globallashuv jarayoni xalqaro xususiy huquqning rivojlanishiga o'zining juda katta ta'sirini o'tkazmoqda. Savdo-sotiq, ishlab chiqarish, mol ayriboshlash transchegaraviy darajaga chiqib borgani sari, uning ishtirokchilari ayro huquqiy tizimlar va bir-biridan farqlanuvchi me'yoriy-huquqiy asoslarga duch keladi. Ushbu bo'lim globallashuv qanday qilib xalqaro xususiy huquqni o'zgartirganligi va uning nizolarni hal qilishdagi o'rnini tasvirlab beradi.

Globallashuvning asosiy ta'sirlaridan biri transchegaraviy sud ish yurituvining sezilarli darajada ortishidir. Bugungi kunda kompa-

niyalar turli yurisdiksiyalar mavjudligi, shuningdek, nizoni hal etishda kichik, ammo muhim huquqiy nomuvofiqliklarni aniqlash zarurati kabi murakkabliklarga duch kelmoqda. Xalqaro xususiy huquq aynan mana shu muammolarni hal etish uchun yurisdiksiya organini aniqlash va qo'llanadigan huquqni belgilash bo'yicha aniq ko'rsatmalar ishlab chiqish orqali samarali mexanizmlarni ta'minlaydi.

Shu bilan birga, globallashuv jarayoni yurisdiksiyalar o'rtasida huquqiy standartlarning muvofiqlashuvini ham rag'batlantirmoqda. Xalqaro nizomlar va konvensiyalar kabi huquqiy instrumentlarning asosiy maqsadi xalqaro xususiy huquq prinsiplari doirasida bir xillikni ta'minlash hamda nizolarni hal etishning soddaroq va barqaror mexanizmlarini ishlab chiqishdan iborat. Ushbu muvofiqlashuv, ayniqsa, bir nechta davlatlar hududida savdo-sotiq va iqtisodiy faoliyat olib boruvchi xususiy kompaniyalar uchun huquqiy oqibatlarining barqarorligini ta'minlash nuqtayi nazaridan muhim ahamiyat kasb etadi.

Bundan tashqari, globallashuv jarayoni xalqaro xususiy huquq sohasi mutaxassislari oldiga yangi qiyinchiliklarni ham qo'ymoqda. Turli davlatlarning huquqiy madaniyati va amaliyotidagi farqlar sababli mutaxassislar qonunlarning yurisdiksiyalararo qo'llanishi va ularning implementatsiyasi bilan bog'liq bahsli vaziyatlarga duch kelmoqda. Mazkur farqlarni aniqlash va samarali boshqarish mahalliy huquq normalari bilan bir qatorda xalqaro huquqiy standartlarni ham chuqur va tizimli ravishda tushunishni talab etadi (Imamova, 2024).

2. *Xalqaro xususiy huquq sohasidagi qiyinchiliklar.* Xalqaro xususiy huquqning muhim ahamiyatiga qaramasdan, xalqaro iqtisodiy munosabatlarda uning ijobiy ta'sirini cheklovchi bir qator muammolar mavjud. Xalqaro xususiy huquq chet el elementi mavjud bo'lgan murakkab munosabatlarga nisbatan qo'llanadigan kollizion tamoyillar tizimi orqali namoyon bo'lishini inobatga olgan holda,

ushbu bo'limda huquqiy kolliziya, huquqiy standartlarning xilma-xilligi hamda sud qarorlarini ijro etish bilan bog'liq muammolar muhokama qilinadi (Kaal & Painter, 2012).

Yuridik kolliziya odatda ma'lum nizoni hal qilishda bir qancha yurisdiksiyalar qo'llangan holatlarda yuzaga keladi. Oqibatda o'zlarining manfaatlariga mos keladigan yurisdiksiyani tanlashga intilishlari tomonlar o'rtasida bahsli vaziyatlarga sabab bo'ladi. Bu kabi kolliziyalar mavjud nizolarni hal qilishga bo'lgan urinishlarni qiyinlashtirishi, yechimning cho'zilishi yoki umuman nomaqbul natijalarga olib kelishi mumkin.

Bundan tashqari, yurisdiksiyalararo huquqiy standartlarning farqlanishi xalqaro munosabatlarda iqtisodiy hamkorlikka kirishda ikkilanishni yuzaga keltiradi. Shartnomani talqin qilishdagi tafovutlar, mos standartlar va ijro etish mexanizmlari muzokarlarni qiyinlashtirish, shuningdek noto'g'ri

tushunish yoki turlicha natijalarni kutish kabi nizolarni vujudga keltiradi

Ijro etish masalalari xalqaro xususiy huquq sohasidagi qiyinchiliklar orasida alohida o'rin egallaydi. Ko'plab mamlakatlarda xorijiy sudlarni tan olishning huquqiy asoslari bo'lishi bilan bir vaqtda ularni tatbiq qilish borasida bir qancha nomuvofiqliklar uchraydi. Ba'zi holatlarda mahalliy sudlar xorijiy sud qarorlarini davlat siyosati yuzasidan yoki jarayonlardagi tafovutlar sababli rad qilishi mumkin (Kramer, 2013).

3. Xalqaro xususiy huquqda Arbitrajning roli. Arbitraj xalqaro xususiy huquq sohasidagi nizolarni hal qilishda eng maqbul ko'riladigan metod hisoblanadi. Maqolaning ushbu qismida arbitrajning an'anaviy sudlov jarayonlari va nizolarni samarali hal qilishga qo'shadigan hissasi tadqiq qilinadi.

Arbitraj ayniqsa transchegaraviy nizolar jarayonida sud ish yurituvidan ko'ra bir qancha qulayliklarni taqdim etadi. Birinchi muhim omil maxfiylikdir. Arbitraj jarayonlari o'z xususiyatiga ko'ra yopiq bo'lib, iqtisodiy faoliyatning o'ziga xos jihatlarining omma-

ga oshkor etilishidan himoyalangan bo'ladi. Ushbu maxfiylik tergov jarayonlarida chiqishi mumkin bo'lgan ma'lumotlar obro'lariga putur yetkazishini istamagan katta kompaniyalar uchun muhim ahamiyatga egadir (Lehmann, 2020).

Shuningdek, arbitraj o'zlari uchun arbitrlarni tanlash va o'z xohishlariga ko'ra biror sohaga xos protsessual qoidalarni tanlashda tomonlarga ko'proq imkoniyatlar taqdim etadi. Ushbu moslashuvchanlik xususiyati o'zgarmas protsessual talablarga ega bo'lgan an'anaviy sud ishlariga solishtirganda samaraliroq jarayonlarni qo'llash imkonini beradi.

Arbitraj qarorlarining ijrosi masalasi Nyu-York konvensiyasi kabi xalqaro hujjatlar bilan tartibga solinishi sababli xalqaro xususiy huquqda arbitrajning rolini yanada mustahkamlaydi. Ushbu konvensiyaga a'zo bo'lgan mamlakatlar arbitraj qarorlarini tan olish va tatbiq qilish, boshqa yurisdiksiyalarni qo'llash hamda arbitraj natijalariga bo'ysunishni istayotgan tomonlarga buning uchun maqbul mexanizmlar bilan ta'minlash majburiyatini oladi (Michaels, 2004).

4. Xalqaro xususiy huquq kelajagi. Oldinga qaraydigan bo'lsak, xalqaro xususiy huquqning kelajagi mavjud transchegaraviy iqtisodiy munosabatlar hamda texnologiyalar rivoji bilan uzviy bog'liq holda shakllanib boradi. Quyida ehtimoliy o'zgarishlar va ularning nizolarni hal etish amaliyotiga ta'siri muhokama qilinadi.

E'tibor qaratish lozim bo'lgan o'zgarishlardan biri – nizolarni hal qilish jarayonlarida texnologiyalarni qo'llashning o'sishi. Nizolarni hal etishning onlayn platformalari sudlov jarayonlari yoki arbitraj usullariga muqobil, yanada samarali yechimlarni izlayotgan tomonlar orasida tobora keng ommalashib bormoqda. Ushbu platformalar uzoq davom etadigan va katta xarajatlarni talab qiladigan sud jarayonlarini qisqartirish bilan birga, nizolar bo'yicha tezkor natijalarga erishish imkonini ham yaratadi. Biroq avtomatlash-tirish va avtonom tizimlar ko'pincha shax-

siy ma'lumotlarni to'plash va qayta ishlash jarayonlarini o'z ichiga oladi (O'Connell & McCarthy, 2024).

Qolaversa, xalqaro iqtisodiy munosabatlar rivojlanib borgan sari yurisdiksiyalararo xalqaro xususiy huquq prinsiplarini o'zaro uyg'unlashtirishga qaratilgan sa'y-harakatlar kuchayishi mumkin. Bunday urinishlar xalqaro iqtisodiy jarayonlarda huquqiy natijalarni oldindan bashorat qilish imkoniyatini oshirish bilan birga, yuridik kolliziyalarni kamaytirishni maqsad qiladi.

Shu bilan birga, madaniyatlar va huquqiy an'analar o'rtasidagi farq bilan bog'liq qiyinchiliklar saqlanib qoladi. Xalqaro xususiy huquqning xalqaro iqtisodiy munosabatlarda asosiy vosita sifatida saqlanib qolishi uchun ushbu murakkabliklarni boshqarish huquq mutaxassislari, qonun ijodkorlari va yetakchi iqtisodiy soha vakillari orasida o'zaro muloqotni talab qiladi (Pistor, 2024).

5. *Xalqaro xususiy huquqda huquqiy ta'limning ahamiyati.* Bo'lajak mutaxassislarni xalqaro xususiy huquqning murakkabliklarini samarali hal qilish uchun zaruriy bilimlar bilan ta'minlashda huquqiy ta'lim juda muhim rol o'ynaydi. Maqolaning ushbu qismida ta'lim muassasalari tomonidan bilim oluvchilar orasida xalqaro xususiy huquq prinsiplari tushunchasi va ularni amaliyotda qo'llash ko'nikmalarini shakllantirish masalalari yoritiladi.

Xalqaro huquqqa alohida e'tibor qarataish amaliy mashg'ulotlardan foydalanish imkoniyatlarini ham o'z ichiga olishi lozim va bu talabalarga transchegaraviy nizolar bilan bog'liq hayotiy misollarni o'rganish imkoniyatini beradi. Xalqaro xususiy huquq masalalari to'g'risida simulatsiya yoki namunaviy sud musobaqalari talabalarni amaliy ko'nikmalar bilan ta'minlash qatorida nizolarni samarali hal qilishda muhim ahamiyatga ega bo'lgan tanqidiy fikrlash ko'nikmalarini ham rivojlantiradi.

Qolaversa, iqtisodiy ta'lim sohasiga oid bilimlar bilan o'zlashtirish kabi turli sohalar

nuqtayi nazaridan qarash talabalarning iqtisodiy omillarning huquqiy yechimlar bilan qanday aloqalari borligi xususidagi bilimlarini oshirishga xizmat qiladi. Bu kabi umumiy ta'lim bo'lajak mutaxassislarni nafaqat huquq sohasini tadqiq qilish, qolaversa, uning kengroq iqtisodiy ahamiyatini ham tushunishga yordam beradi (Ruhl & Dorsey, 2024).

Huquq sohasida faoliyat yuritadigan ta'lim muassasalari bilan iqtisodiy faoliyat bilan shug'ullanuvchi tomonlar o'rtasidagi hamkorlikni rivojlantirish eng so'nggi iqtisodiy muammolar bilan bog'liq yechimlarni topishga ko'maklashadigan samarali natijalarni taqdim etadi. Tajribali mutaxassislar yoki tadbirkorlar orasidan taklif etiladigan ma'ruzachilar o'z tajribalarini ulashish orqali nazariy bilim va amaliy ko'nikmalarni xalqaro xususiy huquq sohasiga qanday tatbiq etish mumkinligini namoyon etadi.

6. *Milliy sudlar va xalqaro arbitrajlarining ahamiyati.* Milliy sudlar va xalqaro arbitrajlarining o'zaro bir-biriga ta'siri xalqaro xususiy huquqning vujudga keladigan nizolarni xalqaro miqyosda hal qiluvchi muhim omillaridan biri hisoblanadi. Maqolamizning ushbu qismida har ikki usulning xalqaro xususiy huquqdagi o'rnini muhokama qilamiz.

Milliy sudlar xalqaro elementlar ishtirok etgan mahalliy darajadagi nizolarni hal etishning asosiy vositasi hisoblanadi. Biroq ayrim hollarda ushbu sudlar yuridik cheklovlar va davlatlar o'rtasidagi kollizion normalar sababli muayyan qiyinchiliklarga duch kelishi mumkin. Bunday vaziyatlarda ayrim tomonlar xalqaro shartnomalar va kelishuvlarga tayanib faoliyat yuritadigan xalqaro arbitrajlariga murojaat qilishni afzal ko'radi (Van Ho-ecke & Warrington, 2023).

Xalqaro arbitrajlar xalqaro huquq bilan bog'liq murakkab masalalarni hal etishda maxsus tajriba va bilimlarni taqdim etadi. Bu esa muammoning yechimini izlayotgan tomonlar uchun kechikishlar yoki turli huquqiy tizimlar o'rtasidagi nomuvofiqliklar sababli yuzaga keladigan qiyinchiliklarga ega bo'lgan

an'anaviy milliy sud tizimlariga nisbatan qulaylik yaratadi.

Biroq xalqaro arbitrajga bog'liqlik masalasi ma'lumotlarning ochiqligi bilan bog'liq xavotirlarni yuzaga keltiradi. Xususan, arbitraj jarayonlari bilan bog'liq xarajatlar hamda ehtimoliy korrupsiya, bir davlatni boshqasidan ustun qo'yish kabi holatlar mustaqil tashkilotlar doirasida ko'rib chiqiladigan arbitraj ishlarida noxolislik ehtimolini yuzaga chiqarishi mumkin (Van Zaten & Van der Meulen, 2024).

7. *Xalqaro xususiy huquq sohasining rivojlanishi.* Xalqaro xususiy huquq vositalari bugungi zamonaviy texnologiyalar davrida, shuningdek, savdo-iqtisodiy munosabatlarining yangi rivojlanish bosqichlarida vujudga kelayotgan turfa xil muammolar yechimlarini samarali hal qilishda muhim ahamiyatga ega.

Iqtisodiy munosabatlar transchegaraviy tus olib borgan sari xalqaro xususiy huquq negizida yotuvchi muhim prinsiplarni tushunish eng ustuvor vazifaga aylanib bormoqda. Bu holat nafaqat nizolarni hal etishni kafoflatlaydi, balki bir necha muzokara bosqichlaridan o'tuvchi tomonlar o'rtasidagi o'zaro ishonchni mustahkamlashga ham xizmat qiladi.

Shuningdek, ta'lim bilan uyg'unlashtirish jarayonining izchil davom ettirilishi xalqaro xususiy huquqning zamonaviy jamiyat ehtiyojlariga moslashuvchan huquqiy asos sifatida samarali xizmat qilish imkoniyatlarini yanada kengaytiradi. Hozirgi zamonaviy jamiyatda uchraydigan muammolarning aksariyati, avvalo, turli madaniyatga ega mamlakatlarning o'ziga xos huquqiy an'analari bilan bir-biridan farqlanishi bilan izohlanadi.

Xulosa

Xalqaro xususiy huquq xalqaro iqtisodiy munosabatlar jarayonida vujudga keladigan nizolarni transchegaraviy tranzaksiyalarning murakkabligiga murojaat qiluvchi tizimli huquqiy asosga tayanib hal qilishda muhim rol o'ynaydi. Xalqaro iqtisodiy mu-

nosabatlar kengayib borgan sari aniq yuridik yo'riqnomalar, huquqiy hujjatlarni hamda xorijiy sudlar qarorlarini tan olish va qo'llash mexanizmlariga bo'lgan ehtiyoj juda tez sur'atlarda o'sib boradi. Ushbu tadqiqot shuni ko'rsatib o'tdiki, xalqaro xususiy huquq faqatgina nizolarni hal qilish jarayonlarini yengillashtirishni emas, balki turli yurisdiksiyalardagi subyektlar uchun huquqiy oqibatlarini kutilganlik va ishonchliligini ta'minlashga xizmat qiladi. Aniq va to'g'ri tashkil qilingan huquqiy muhitni yaratish orqali, xalqaro xususiy huquq transchegaraviy munosabat ishtirokchilari o'rtasidagi ishonchni mustahkamlab, ushbu munosabatlarining yanada rivojlanishiga o'z hissasini qo'shadi. Albatta, mazkur jarayonda biz yuqorida qayd etib o'tganimizdek, nafaqat yangi normativ-hujjatlar va qonunlarni yaratish, qolaversa, yetarli darajada qo'llanmayotgan mavjud huquqiy vositalardan samarali foydalanish ustida izlanish olib borish zarur (Wong, 2024).

Ushbu tadqiqot natijasi yuridik konfliktlar va huquqiy standartlarning xilmaxilligini kamaytirish uchun xalqaro xususiy huquq prinsiplarini yurisdiksiyalararo uyg'unlashtirishga bo'lgan harakatlarning ulkan ahamiyatini ko'rsatib beradi. Shuningdek, xalqaro nizolarni hal qiluvchi bo'lajak mutaxassislarni tayyorlash maqsadida huquqiy ta'lim dasturlariga xalqaro xususiy huquq bo'yicha amaliy mashg'ulotlarni kiritishni taklif qiladi (Xazratqulov, 2024). Bundan tashqari, tadbirkorlik subyektlari transchegaraviy nizolarni samarali hal qilishda o'z imkoniyatlarini oshirish uchun xalqaro xususiy huquq tamoyillari va arbitraj kabi nizolarni hal qilishning muqobil metodlari bilan yaqindan tanishishi zarur. Ushbu tavsiyalarni qabul qilish va qo'llash orqali tomonlar kelib chiqishi mumkin bo'lgan transchegaraviy nizolar va ularning oqibatlarini hal qilishda qiyinchiliklarga duch kelish ehtimoli kamayadi.

REFERENCES

1. Okoli, C., & Yekini, A. (2024). Implied jurisdiction agreements in international commercial contracts: A global comparative perspective. *Journal of Private International Law*, 19(3), 321–361. <https://doi.org/10.1080/1744448.2023.2294615>
2. Avliyoqulov, B. (2023). Navigating the legal landscape of robots and AI in the workplace: Challenges and solutions. *Uzbek Journal of Law and Digital Policy*, 1(3).
3. Gulyamov, S. S., & Avliyoqulov, B. B. (2025). Ish joylarida sun'iy intellektning huquqiy maqomi va xodimlarga ta'siri [The legal status of artificial intelligence in the workplace and its impact on employees]. *Miasto Przyszłości [City of the Future]*, (59), 34–40.
4. Imamova, D. (2024). Improving the legal regulation of obligation relations in international private law. *Yuridik fanlar axborotnomasi [Review of Legal Sciences]*, 3, 8–14.
5. Kaal, W. A., & Painter, R. W. (2012). Forum competition and choice of law competition in securities law after Morrison v. National Australia Bank. *Minnesota Law Review*, 133(1), 165–185.
6. Kramer, X. E. (2013). *Private law and behaviour*. In W. H. van Boom, I. Giesen, & A. J. Verheij (Eds.), *Handboek empirie en privaatrecht* (pp. 141–142). Boom Juridische Uitgevers.
7. Lehmann, M. (2020). Regulation, global governance and private international law: Squaring the triangle. *Journal of Private International Law*, 16(1), 1–25.
8. Michaels, R. (2004). *Territorial jurisdiction after territoriality*. In P. J. Slot & M. Bulterman (Eds.), *Globalisation and jurisdiction* (pp. 105–115). Kluwer Law International.
9. O'Connell, D. P., & McCarthy, S. J. (Eds.). (2024). *The handbook of global commercial dispute resolution*. Wiley Blackwell.
10. Pistor, K. (2024). The role of private law in public interest litigation: Challenges and opportunities. *Global Constitutionalism*, 10(1), 1–20.
11. Ruhl, J. B., & Dorsey, E. M. (2024). Climate change litigation: The intersection with private international law and corporate accountability. *Harvard Environmental Law Review*, 48(1), 45–78.
12. Van Hoecke, M., & Warrington, M. E. (2023). The impact of globalization on private international law: A critical analysis. *European Journal of Legal Studies*, 15(1), 50–75.
13. Van Zanten, J. H., & Van der Meulen, R. J. (Eds.). (2024). *Cross-border dispute resolution: Theory and practice*. Edward Elgar Publishing.
14. Wong, W. (2024). A principled conflict of laws characterisation of fraud in letters of credit. *Journal of Private International Law*, 19(3), 383–419.
15. Xazratqulov, O. (2024). "Lex informatica" – raqamli huquqlarni amalga oshirishning kollizion prinsipi sifatida ["Lex informatica" as a conflict principle for the enforcement of digital rights]. *Yurisprudensiya [Jurisprudence]*, 4, 71–81.

Kelib tushgan / Получено / Received: 20.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 13.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./AIS07741>
UDC: 347.23(045)(575.1)

O'ZBEKISTONDA INTELLEKTUAL MULK HUQUQLARINI HIMOYA QILISH TIZIMINI TAKOMILLASHTIRISH YO'LLARI: KOMPENSATSIYAVIY MEXANIZMLAR

Mamadiyev Abror Abduraxmon o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Uzluksiz ta'lim bo'limi bosh mutaxassisi,
mustaqil izlanuvchi
ORCID: 0009-0007-1982-7664
e-mail: abroremamadiyev94@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada O'zbekiston Respublikasida intellektual mulk huquqlarini himoya qilishning kompensatsiyaviy mexanizmlari tahlil qilingan. Mamlakatda intellektual mulk huquqlarini samarali himoya qilish tizimini yaratish innovatsion iqtisodiyotni rivojlantirish va xalqaro standartlarga muvofiqlikni ta'minlashda katta ahamiyat kasb etadi. Tadqiqotda intellektual mulk huquqlarini himoya qilishga oid milliy qonunchilikdagi mavjud kamchiliklar o'rganildi. Xorijiy mamlakatlar sud amaliyotidan olingan misollarda yuqori miqdordagi kompensatsiyalarning preventiv ahamiyati ko'rsatildi. Shartli kompensatsiya miqdorlarini oshirish, uchlamchi kompensatsiya institutini joriy etish, isbotlash yukini yengillashtirish, maxsus intellektual mulk sudlarini tashkil etish, sudyalor va ekspertlarni tayyorlash hamda jamiyatda intellektual mulk madaniyatini shakllantirish bo'yicha amaliy takliflar berildi. Shuningdek, bu boradagi qonunchilikni takomillashtirishga oid fikrlar ilgari surildi.

Kalit so'zlar: intellektual mulk, kompensatsiyaviy mexanizmlar, patent huquqi, mualliflik huquqi, savdo belgilari, shartli kompensatsiya, uchlamchi kompensatsiya, preventiv choralar, baholash standartlari

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ: КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Мамадиев Аброр Абдурахмон угли,
самостоятельный соискатель,
главный специалист отдела непрерывного образования
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье проанализированы компенсационные механизмы защиты прав интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан. Формирование эффективной системы защиты прав интеллектуальной собственности имеет ключевое значение для развития инновационной экономики и обеспечения соответствия международным стандартам. В рамках исследования выявлены существующие недостатки национального

законодательства, регулирующего вопросы защиты интеллектуальных прав. На примерах судебной практики зарубежных государств показано превентивное значение высоких размеров компенсаций. В работе сформулированы практические предложения, направленные на повышение эффективности компенсационных механизмов, включая увеличение размеров условной компенсации, внедрение института тройной компенсации, облегчение бремени доказывания, создание специализированных судов по интеллектуальной собственности, подготовку судей и экспертов, а также формирование культуры уважения к интеллектуальной собственности в обществе. Кроме того, выдвинуты предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, компенсационные механизмы, патентное право, авторское право, товарные знаки, условная компенсация, тройная компенсация, превентивные меры, стандарты оценки

WAYS TO IMPROVE THE SYSTEM OF PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN UZBEKISTAN: COMPENSATORY MECHANISMS

Mamadiev Abror Abdurakhmon ugli,

Chief Specialist of the Department of Continuing Education,
Tashkent State University of Law,
Independent Researcher

Abstract. *The article analyzes compensatory mechanisms for the protection of intellectual property rights in the Republic of Uzbekistan. The creation of an effective system for the protection of intellectual property rights in the country is of great importance in the development of an innovative economy and ensuring compliance with international standards. The study examined existing shortcomings in national legislation on the protection of intellectual property rights. Examples from the judicial practice of foreign countries showed the preventive significance of large compensations. Practical proposals were made to increase the amount of conditional compensation, introduce the institution of tertiary compensation, ease the burden of proof, create specialized intellectual property courts, train judges and experts, and form a culture of intellectual property in society. Opinions were also put forward on improving legislation in this area.*

Keywords: *intellectual property, compensatory mechanisms, patent law, copyright, trademarks, conditional compensation, case law, preventive measures, valuation standards*

Kirish

Zamonaviy jahon iqtisodiyotida intellektual mulk obyektlari eng qimmatli aktivlardan biriga aylanmoqda. Manbalarda qayd etilishicha, AQShda IP-intensiv sohalar yalpi ichki mahsulotning 38 foizga yaqinini tashkil qiladi (MVIP Solutions, 2024). O'zbekiston Respublikasi ham innovatsion iqtisodiyotga o'tish jarayonida intellektual mulk huquqlarini samarali himoya qilish tizimini barpo etishga katta e'tibor qaratmoqda.

Shu bilan birga, intellektual mulk huquqlarining buzilishi holatlari ham tobora ko'payib bormoqda. Kontrafakt mahsulotlar

ishlab chiqarish, noqonuniy nusxa ko'chirish, patent huquqlarini rad etish kabi huquqbuzarliklar nafaqat huquq egalarining manfaatlariga putur yetkazmoqda, balki butun jamiyatning ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanishiga salbiy ta'sir ko'rsatmoqda.

Manbalarda aytilishicha, qalbaki mahsulotlar iste'molchilar, hukumatlar va intellektual mulk egalariga zarar yetkazadi. Ular 2016-yilda butun dunyo bo'ylab savdoning 3,3 foizini tashkil etgan va o'sha yili taxminan 509 mlrd dollar qiymatiga ega bo'lgan (Sharma, 2022). Ko'rinib turibdiki, kontrafakt, noqonuniy nusxa ko'chirish va patent huquqla-

rini buzish innovatorlar hamda huquq egalarining daromadlarini kamaytiradi. Shu bilan birga, bu holatlar rivojlanayotgan bozorlar uchun innovatsiyani rag'batlantirishni sekinlashtiradi, investitsiyalarni qisqartiradi va soliq tushumlarini pasaytiradi. Shu munosabat bilan buzilgan huquqlarni tiklash va zararni qoplashning samarali kompensatsiyaviy mexanizmlarini joriy etish dolzarb vazifaga aylanmoqda.

Tadqiqotning maqsadi O'zbekiston Respublikasida intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tizimidagi kompensatsiyaviy mexanizmlarning hozirgi holatini tahlil qilish, xalqaro tajribani o'rganish va milliy qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha amaliy takliflar ishlab chiqishdan iborat.

Asosiy qism

Xorijiy tajriba tahlillari shuni ko'rsatadiki, intellektual mulk huquqlarini buzganlik uchun yuqori miqdordagi kompensatsiyalar nafaqat jabrlanuvchining zararini qoplash, balki kuchli preventiv (profilaktik) ta'sir ko'rsatish vositasi hisoblanadi. "Adidas" ishida undirilgan 305 mln dollar, "Oracle" ishidagi 1,3 mlrd dollar va "Merck" kompaniyasi ishidagi 2,54 mlrd dollar miqdoridagi tovon pullari huquqbuzarlar uchun jiddiy ogohlantirish bo'lib xizmat qiladi.

O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida esa kompensatsiya miqdorlari xalqaro amaliyotga nisbatan ancha past darajada belgilangan. Bazaviy hisoblash miqdorining (BHM) 20 baravaridan 1000 baravarigacha bo'lgan oraliq nazariy jihatdan keng ko'rinsada, amalda ko'pincha minimal miqdorlar qo'llanmoqda. Natijada bu choralar huquqbuzarlar uchun yetarli darajada ogohlantiruvchi ta'sir ko'rsatmaydi va takroriy huquqbuzarliklarning oldini olmaydi.

Shuningdek, xorijiy tajribada kompensatsiyaning turli shakllari (haqiqiy zarar, noqonuniy olingan foyda, jarima xarakteridagi zarar) birgalikda qo'llanishi kuzatiladi. Bu yondashuv huquq egalariga to'liq va adolatli himoya kafolatini yaratadi hamda huquqbuzarlikdan olingan barcha noqonuniy foydani bartaraf etishga imkon beradi.

zarlikdan olingan barcha noqonuniy foydani bartaraf etishga imkon beradi.

Intellektual mulk huquqlarining buzilishi bilan bog'liq sud ishlarida zararlarni qoplash miqdori so'nggi yillarda keskin oshib borayotgani xorijiy davlatlar sud amaliyoti tahlilida yaqqol namoyon bo'lmoqda.

Tovar belgilariga bo'lgan huquqlarning buzilishi bilan bog'liq sud amaliyoti zararlarni qoplash institutining samaradorligini yaqqol ko'rsatgan. Xususan, 2008-yilda Portland shahrida ko'rib chiqilgan ishda hakamlar hay'ati "Adidas America" va uning bosh kompaniyasi – "Adidas AG" foydasiga 305 mln AQSh dollari miqdorida zarar undirish haqida qaror chiqargan. Mazkur ish "Payless Shoe-Source" kompaniyasiga qarshi qo'zg'atilgan bo'lib, undirilgan summa bir nechta zarar turlarini o'z ichiga olgan. Jumladan, 30,6 mln dollar real (haqiqiy) zarar, 137 mln dollar huquqbuzar tomonidan noqonuniy olingan foydani qaytarish (disgorged profits) hamda 137 mln dollar jarima xarakteridagi (punitive) zarar undirilgan (OregonLive, 2008).

Mualliflik huquqlarining buzilishi bilan bog'liq sud amaliyotida ham zararlarni qoplash bo'yicha juda yirik miqdordagi qarorlar mavjud. Xususan, 2010-yilda Kaliforniya shtatining Shimoliy okrugida ko'rib chiqilgan ishda hakamlar hay'ati "Oracle" kompaniyasi foydasiga 1,3 mlrd AQSh dollari miqdorida rekord darajadagi zarar undirish haqida qaror chiqardi. Ushbu ish SAP AG, "SAP America" hamda "TomorrowNow" kompaniyalariga qarshi qo'zg'atilgan bo'lib, unda "Oracle"ga tegishli dasturiy ta'minotga bo'lgan mualliflik huquqlarining buzilishi aniqlangan (Boies et al., 2010). Mazkur sud qarori, ayniqsa, dasturiy mahsulotlar sohasida mualliflik huquqlarining noqonuniy o'zlashtirilishi huquqbuzarlar uchun nihoyatda og'ir moliyaviy oqibatlarga olib kelishini ko'rsatadi hamda intellektual mulk huquqlarini himoya qilishda kompensatsiyaviy mexanizmlarning muhim preventiv ahamiyatga ega ekanini tasdiqlaydi.

Shuningdek, yana bir misolda aytilishicha, 2016-yilda ko'rib chiqilgan patent huquqlarining buzilishi bilan bog'liq ishda hakamlar hay'ati "Merck & Co." kompaniyasining bo'linmasi foydasiga 2,54 mlrd AQSh dollari miqdorida tovon puli undirish haqida qaror chiqargan. Mazkur ishda "Gilead Sciences, Inc." tomonidan "Merck" kompaniyasiga tegishli patentlangan birikmadan gepatit C kasalligini davolashga mo'ljallangan "Sovaldi" va "Harvoni" dorilarini ishlab chiqarishda ruxsatsiz foydalanilgani aniqlangan. Shu bilan birga, hakamlar hay'ati huquqbuzarlik qasddan sodir etilgan deb topgan bo'lib, bu holat AQSh Federal okrugi bosh sudyasi tomonidan zarar miqdorini uch baravargacha oshirish imkoniyatini yuzaga keltirgan. Ushbu sud qarori patent huquqlarining ongli ravishda buzilishi huquqbuzar uchun nihoyatda og'ir moliyaviy oqibatlariga olib kelishini ko'rsatadi hamda intellektual mulk huquqlarini himoya qilishda kompensatsiyaviy mexanizmlarning preventiv ahamiyatini oshiradi (Parr, 2018).

Keltirilgan xorijiy sud amaliyoti tahlili O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida ham shunga o'xshash samarali kompensatsiyaviy mexanizmlarni joriy etish zarurligini ko'rsatadi. Hozirgi vaqtda milliy qonunchilikda belgilangan kompensatsiya miqdorlari va ularni qo'llash mexanizmlari xalqaro amaliyotdan sezilarli darajada orqada qolmoqda.

Shuningdek, O'zbekiston Respublikasi Jahon Savdo Tashkiloti (JST) a'zosi sifatida TRIPS shartnomasi qoidalariga rioya qilishi lozim. TRIPS (World Trade Organization, 1994) shartnomasi sud orqali himoya choralari belgilaydi va yetarli darajadagi kompensatsiyalarni ta'minlashni talab qiladi.

Bundan tashqari, kuchli kompensatsiyaviy mexanizmlar investitsion muhitni yaxshilashga ham xizmat qiladi. Xorijiy investorlar va xalqaro kompaniyalar o'z intellektual mulkini ishonchli himoya qilinadigan mamlakatlarda faoliyat yuritishni afzal ko'radilar. Bu O'zbekiston Respublikasining innovatsion va texnologik rivojlanishga qaratilgan investitsi-

yalar uchun jalb qiluvchi mamlakat sifatidagi obro'sini oshiradi.

Shu munosabat bilan, milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga moslashtirishga qaratilgan qator takliflarni ko'rib chiqish maqsadga muvofiqdir.

Qonunchilikka kiritilishi lozim bo'lgan o'zgarishlar

Yuqorida keltirilgan tahlil va xalqaro tajriba asosida quyidagi qonunchilik o'zgarishlarini taklif qilish mumkin.

Shartli kompensatsiya miqdorlarini oshirish – hozirgi minimal va maksimal miqdorlar juda past. Shuningdek, mutaxassislarning aytilishicha, qonunchilikda kompensatsiya miqdorini belgilashda juda keng oraliq mavjud – ya'ni bazaviy hisoblash miqdorining (BHM) 20 baravaridan 1000 baravarigacha. Bu oraliq sudlarga katta diskretsiya (erkinlik) beradi, lekin aniq mezonlar bo'lmagani sababli qarorlar bir xillikdan yiroq, ayrim hollarda esa subyektiv baholarga tayaniladi (Mamadiyev, 2025a). Patent huquqlari uchun esa yanada yuqori miqdorlar belgilanishi maqsadga muvofiq. Bu borada Rossiya Federatsiyasining Fuqarolik kodeksining 1301-moddasida asarga bo'lgan mutlaq huquqni buzganlik uchun javobgarlik nazarda tutilgan bo'lib, o'n mingdan o'n million rublgacha, shuningdek, kodeksning 1406.1-moddasida ixtiro, foydali model yoki sanoat namunasiga bo'lgan mutlaq huquqni buzganlik uchun ellik mingdan o'n million rublgacha miqdorda javobgarlik belgilangan (Russian Federation, 2006).

Uchlamchi kompensatsiya institutini joriy etish – ataylab sodir etilgan huquqbuzarliklar uchun kompensatsiya miqdorini ikki yoki uch baravarga oshirish imkonini beruvchi mexanizm kiritilishi kerak. Bu, ayniqsa, takroriy huquqbuzarliklar va katta miqyosdagi huquqbuzarliklar uchun samarali bo'ladi.

Rossiya Federatsiyasi Fuqarolik kodeksining 1301-moddasida qayd etilishicha, asarning qalbaki nusxalari qiymatining ikki baravari miqdorida, asardan foydalanish huquqi qiymatining ikki baravari miqdorida,

o'xshash holatlarda odatda asardan huquqbuzar tomonidan qo'llangan usulda qonuniy foydalanish uchun undiriladigan narx asosida belgilanishi amaliyoti mavjud (Russian Federation, 2006).

Isbotlash yukini yengillashtirish – da'voga zararni isbotlashda yordam beradigan mexanizmlar joriy etilishi kerak. Masalan, huquqbuzarga o'z moliyaviy hujjatlarini taqdim etish majburiyati, sud ekspertizasini sud tomonidan tayinlash va uning xarajatlarini huquqbuzar zimmasiga yuklash kabi.

Ko'pgina davlatlarda (AQSh, Buyuk Britaniya, Yevropa Ittifoqi davlatlari) mualliflik huquqini buzishda jabrlanuvchi zararini isbotlash qiyin bo'lgan holatlar uchun "*statutory damages*" (ya'ni qonunda belgilangan minimal yoki maksimal kompensatsiya miqdori) instituti qo'llanadi (Mamadiyev, 2025b).

Boshqa bir muallifning ta'kidlashicha, Bolgariya, Moldova va Dominikan Respublikasida sud tomonidan statut zararlarni tayinlash faqat da'vogar haqiqiy zararlarni hisoblab chiqishning imkoni yo'qligi yoki jiddiy qiyinchiliklar mavjudligini isbotlagan taqdirda qo'llanadi. Xitoyda statut zararlari huquq egasiga faqat zararlarni miqdorini, huquqbuzarning daromadini yoki litsenziya qiymatini hisoblash imkonsiz bo'lgan holda qo'llanadi (Lukyanov, 2024).

Huquqbuzarning foydasini kompensatsiya sifatida to'lash institutini kengaytirish – qonunda aniq belgilanishi kerak bo'lgan norma shunday ifodalanishi kerak: "huquq egasi o'z zarari yoki huquqbuzarning foydasi o'rtasida tanlov qilish huquqiga ega". Bu, ayniqsa, huquqbuzar katta foyda olgan hollarda muhim sanaladi.

Rossiya Federatsiyasi Fuqarolik kodeksining 1301-, 1311-, 1406.1-, 1515- va 1537-moddalari mazmunidan kelib chiqib, sudga da'vo arizasi bilan murojaat qilganda da'voga undirilishi kerak bo'lgan kompensatsiyani hisoblashning formulalaridan (usullaridan) birini tanlash imkoniyati berilgan (Lukyanov, 2024).

Huquqbuzar tomonidan olingan daromadni undirib olish ko'plab xorijiy huquqiy tizimlarga xosdir. Xususan, mazkur javobgarlik chorasi Fransiya (2023-y.), Italiya (2005-y.), Shveysariya (Fausten & Hammesfahr, 2012) va AQSh (1950-y.) qonunchiligida nazarda tutilgan. Shuningdek, intellektual mulk huquqlarining natijalariga bo'lgan huquqlarni buzganlik uchun javobgarlik chorasi sifatida daromadni undirish imkoniyati Yevropa Ittifoqining Direktivasi (2004-y.)ning 13-moddasi 1-bandi qoidalari bilan to'g'ridan to'g'ri ruxsat etilgan.

Institutsional ishlanmalar

Qonunchilik o'zgarishlari bilan bir qatorda, institutsional ishlanmalar ham zarur:

Maxsus intellektual mulk sudlarini tashkil etish

Rivojlangan mamlakatlardagi tajribadan kelib chiqib, intellektual mulk bo'yicha ixtisoslashgan sudlar yoki sud palatalari yaratilishi maqsadga muvofiq. Bu sud qarorlarining sifatini oshiradi va bir xillikni ta'minlaydi.

Maxsus intellektual mulk sudlarini tashkil etish zarurligi ko'plab xalqaro tadqiqotlar natijasida isbotlangan. Qayd etilishicha, Xitoyda patent egalari umumiy sudlarga qaraganda intellektual mulk sudlarida ko'proq zarar uchun da'vo qilishlari va intellektual mulk sudlari ko'proq zararni qoplashlari aniqlangan (Zhang et al., 2022). Ma'lum bir yurisdiksiyada ixtisoslashgan sudlarni tashkil etish qanchalik foydali yoki zarurligi intellektual mulkdan tashqariga chiqadigan bir qator omillarga bog'liq, degan xulosaga kelingan.

Shu bilan birga, ayrim mutaxassislarining aytishicha, intellektual mulk bo'yicha ixtisoslashgan sudlarni tashkil etish o'z-o'zicha yetarli va mustaqil siyosiy vosita sifatida emas, balki intellektual mulk va innovatsiyalar sohasidagi umumiy siyosat vositalari majmuasidagi bir element sifatida ko'rilishi lozim. Shu bois, mazkur institut ijodkorlikni rag'batlantirish, innovatsiyalarni qo'llab-quvvatlash hamda intellektual mulk nizolarida adolatli sudlov sifatini oshirishga qaratil-

gan boshqa siyosiy vositalar bilan to'ldirilishi kerak (De Werra, 2016).

Shu sabablarga ko'ra, bosqichma-bosqich ehtiyoj va imkoniyatdan kelib chiqqan holda maxsus intellektual mulk sudlarini tashkil etish masalasini ko'rib chiqish maqsadga muvofiq.

Sudyalar va ekspertlarni tayyorlash dasturlarini rivojlantirish

Intellektual mulk bo'yicha ixtisoslashgan sud-yalar, advokatlar va ekspertlar tayyorlash tizimi yaratilishi kerak. Buning uchun xalqaro tashkilotlar (WIPO, YI) bilan hamkorlik qilish mumkin.

Masalan, *WIPO Academy* WIPOga a'zo davlatlar, ayniqsa, rivojlanayotgan mamlakatlar, eng kam rivojlangan mamlakatlar va o'tish davridagi mamlakatlar uchun intellektual mulk bo'yicha ta'lim, o'qitish va malaka oshirish markazi hisoblanadi. Akademiya innovatsiya va ijodkorlik uchun zarur bo'lgan intellektual mulk bo'yicha insoniy salohiyatni oshirishga yordam beradi" (World Intellectual Property Organization, n.d. a).

WIPO akademiyasi akademiyaning intellektual mulk bo'yicha umumiy masofaviy o'qitish kursi (DL-101) asosida intellektual mulk bo'yicha sud ta'limini taklif etadi. Sud tizimi a'zolari uchun mavjud bo'lgan versiya turli mintaqalar va huquqiy an'analarni ifodalovchi tajribali sud-yalar hay'ati tomonidan ishlab chiqilgan va ko'rib chiqilgan.

Sudyalar uchun intellektual mulk bo'yicha masofaviy ta'lim (DL) kursi butun dunyo bo'ylab mavjud va quyidagi modullardan iborat:

1-modul: intellektual mulk (IP) huquqlariga kirish;

2-modul: mualliflik huquqi va turdosh huquqlar;

3-modul: savdo belgilari;

4-modul: patentlar;

5-modul: geografik ko'rsatkichlar;

6-modul: tijorat sirlari / oshkor qilinmagan ma'lumotlar;

7-modul: sanoat dizayni;

8-modul: IP bo'yicha boshqa mavzular (World Intellectual Property Organization, n.d. b).

Yagona baholash standartlarini ishlab chiqish

Intellektual mulk obyektlarini baholash uchun yagona metodologiya va standartlar qabul qilinishi zarur. Bunda xalqaro standartlar (ISO10668 (International Organization for Standardization, 2010), IVS 210 (International Valuation Standards Council, 2025)) hisobga olinishi kerak.

Baholash standartlari tan olingan xalqaro tizimlarga moslashtirilganda, tomonlar baholangan intellektual mulk qiymatining xolisligi va aniqligiga ishonishlari mumkin. Global standartlardan izchil foydalanish baholashlar o'rtasidagi subyektiv tarafdashliklar va nomuvofiqliklarni minimallashtiradi, ularning huquqiy sharoitlarda qonuniyligini mustahkamlaydi.

"Intellektual mulkni baholash bo'yicha global standartlarning asosini tashkil etuvchi asosiy tamoyillar izchilik, shaffoflik va betaflakni ta'kidlaydi. Ushbu tamoyillar intellektual mulkni baholashning turli yurisdiksiyalar va sohalarida ishonchli va taqqoslanadigan bo'lishini ta'minlashga qaratilgan" – deya ta'kidlanadi boshqa manbada (Legal IP Strategies, 2024).

Intellektual mulkni baholashning xalqaro standartlarini (ISO 10668 (International Organization for Standardization, 2010), IVS 210 (International Valuation Standards Council, 2025)) O'zbekiston huquqiy tizimiga joriy etish zarurati ikki asosiy omil bilan asoslanadi:

birinchidan, global investitsiya va savdo oqimlarida ishtirok etish uchun xalqaro tan olinish zarur;

ikkinchidan, milliy intellektual mulk bozorini rivojlantirish va sud amaliyotini yaxshilash uchun yagona metodologik baza kerak.

Sud amaliyotini umumlashtirish va nashr etish tizimini yaratish

Oliy Sud tomonidan intellektual mulk bo'yicha ishlarni muntazam umumlashtirish va modeli qarorlarni e'lon qilish sud amaliyotini bir xil qilishga yordam beradi.

“Amaldagi sud amaliyotini tizimli ravishda tahlil qilish, shuningdek, undan yuzaga kelishi mumkin bo‘lgan og‘ishlarni aniqlash va ularning oldini olish maqsadida samarali nashr yoki hisobot yuritish tizimining joriy etilishi alohida ahamiyat kasb etadi”, – deya qayd etadi yana bir manba (Consultative Council of European Judges, 2017).

“Sud qarorlarining to‘plamlarini shakllantirish g‘oyasi yangilik bo‘lmasa-da, raqamlashtirish jarayoni tufayli u alohida ahamiyat kasb etmoqda. Veb-platfomalar orqali kirish imkoniyati va qidiruv tizimlarining joriy etilishi ushbu to‘plamlarni sud amaliyotidagi og‘ishlarni aniqlash yoki ularning oldini olishga xizmat qiluvchi samarali vositaga aylantirmoqda” (Council of Europe, 2023).

Oliy Sudning qarorlari pastki sudlar uchun muhim yo‘riqnoma bo‘lib xizmat qiladi. Natijada bir xil vaziyatlarda turli sudlar bir xil huquqiy yechimga keladi.

Shuningdek, Oliy Sudning qarorlari pastki sudlar uchun muhim yo‘riqnoma bo‘lishini inobatga olsak, bir xil vaziyatlarda turli sudlar bir xil huquqiy yechimga kela oladi.

Fuqarolar va biznes vakillari sud qarorlarini oldindan taxmin qilishi mumkin bo‘ladi. Bu narsa qonunlarni talqin qilishda ham muhim omil sanaladi.

Yangi masalalar va murakkab holatlar bo‘yicha yo‘riqnoma vujudga kelib, sud amaliyotidagi qarama-qarshiliklar bartaraf etiladi. Modelli qarorlar boshqa sudlar uchun namuna bo‘lib xizmat qiladi. Ayniqsa, intellektual mulkka oid nizoli ishlarni ko‘rib chiqib hal etishda ular zarur hisoblanadi. Chunki intellektual mulk huquqi tez rivojlanmoqda, yangi texnologiyalar va yangi huquqiy munosabatlar vujudga kelmoqda. Hozirgi kunda murakkab huquqiy masalalar ko‘p uchrayotgani sababli ularning xalqaro standartlarga muvofiqligini ta‘minlash ham dolzarb sanaladi.

Intellektual mulk huquqiga bo‘lgan hurmat va madaniyatni shakllantirish

Samarali himoya tizimi nafaqat qonunchilik va institut choralari bilan, balki jami-

yatda intellektual mulk huquqlariga hurmat madaniyatini shakllantirishni ham talab qiladi:

“IP Ambassador” – jamiyat elchilari dasturini joriy etish

Mashhur blogerlar, influyencerlar, sportchilar va san‘atkorlarni IP elchilari sifatida jalb qilish maqsadga muvofiqdir. Ular o‘z ijtimoiy tarmoqlarida qaroqchilikka qarshi va halol kontentni qo‘llab-quvvatlash bo‘yicha xabarlar tarqatadilar.

Yoshlar orasida intellektual mulk madaniyatini ommalashtirish uchun zamonaviy ijtimoiy tarmoqlarda mashhur bo‘ladigan (viral) kampaniyalar yaratish kerak. Buning uchun “TikTok”, “Instagram” va “YouTube” kabi platfomalarda qisqa, qiziqarli va tushunarli videokontentlar tayyorlash lozim. Bu yondashuv an‘anaviy targ‘ibot usullariga qaraganda samaraliroq ta‘sir ko‘rsatadi.

*Blokcheyn texnologiyasi asosida IP registri-
ni yaratish*

Mualliflik huquqlarini avtomatik ravishda blokcheynda ro‘yxatdan o‘tkazish tizimini joriy etish zamonaviy talab hisoblanadi. Bu raqamli asarlar (musiqa, video, dizayn) uchun darhol va shaffof himoyani ta‘minlaydi.

NFT va smart-kontrakt texnologiyalaridan foydalanib, mualliflar o‘z asarlaridan bevosita daromad olish imkonini yaratish mumkin. Bunday tizim vositachilarni kamaytiradi va mualliflarning huquqlarini yanada mustahkamlaydi.

“IP Incubator” – innovatorlar uchun inkubator markazi tashkil etish

Yoshlarning IP g‘oyalarini tijoratlashtirishga yordam beradigan maxsus inkubator yaratish zarur. Bu yerda bepul yuridik maslahat, patent yozish ko‘nikmalari va investor bilan bog‘lanish imkoniyati taqdim etiladi.

Muvaffaqiyatli loyihalarni davlat va xususiy sektor qo‘llab-quvvatlash fondi orqali moliyalashtirishi innovatsion faoliyatni rag‘batlantiradi. Bunday markaz startap ekotizimini rivojlantirishga ham xizmat qiladi.

Gamifikatsiya – IP o‘yinlar va ilovalar orqali ta’lim berish

Mobil o‘yinlar va interaktiv ilovalar orqali IP tushunchalarini o‘rgatish zamonaviy va samarali usul hisoblanadi. Masalan, virtual dunyoda o‘z biznesingni qurish, patent olish va himoya qilish jarayonini simulyatsiya qiluvchi o‘yin ishlab chiqish mumkin.

Maktab va universitetlarda IP olimpiadalari va tanlovlar o‘tkazishdan g‘oliblar stipendiya va startap grantlari oladi. Bu yondashuv ta’limni qiziqarli qiladi va amaliy ko‘nikmalarga yo‘naltiradi.

Xulosa

O‘zbekiston Respublikasida intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tizimi shakllanib kelmoqda, ammo kompensatsiyaviy mexanizmlar hali to‘liq rivojlanmagan. Tadqiqot natijalariga ko‘ra, quyidagi asosiy xulosalarni shakllantirish mumkin:

Birinchidan, mavjud qonunchilik bazasi umumiy tamoyillarni belgilagan bo‘lsa-da, kompensatsiya miqdorlarini aniqlash mexanizmlari aniq ishlab chiqilmagan. Shartli kompensatsiya miqdorlari juda past va preventiv ta’sir ko‘rsatmaydi. Haqiqiy zarar va yo‘qotilgan foydani isbotlash juda qiyin bo‘lib, bu huquq egalarning manfaatlarini himoya qilishni cheklaydi.

Ikkinchidan, sud amaliyotida bir xillik yo‘q va turli sudlar o‘xshash ishlar bo‘yicha

turli qarorlar qabul qilmoqda. Malakali sud-yalar va ekspertlarning yetishmasligi, yagona baholash standartlarining yo‘qligi muammo tug‘dirmoqda.

Uchinchidan, xalqaro tajriba samarali mexanizmlarni ko‘rsatadi: uchlamchi kompensatsiya, huquqbuzarning foydasini qoplash, isbotlash yukini yengillashtirish va ixtisoslashgan sudlar. Bu tajribalarni milliy qonunchilikka moslashtirgan holda qo‘llash mumkin.

Tizimni takomillashtirish uchun quyidagi asosiy yo‘nalishlar taklif etiladi:

– qonunchilikka o‘zgarishlar kiritish: kompensatsiya miqdorlarini oshirish, uchlamchi kompensatsiya institutini joriy etish, huquqbuzarning foydasini qoplash mexanizmini kengaytirish;

– institutsional ishlanmalar: maxsus intellektual mulk sudlarini tashkil etish, sud-yalar va ekspertlarni tayyorlash, yagona baholash standartlarini ishlab chiqish;

– jamiyatda intellektual mulk huquqlariga hurmat madaniyatini shakllantirish, ta’lim dasturlariga tegishli kurslarni kiritish.

Ushbu choralarning amalga oshirilishi O‘zbekiston Respublikasida intellektual mulk huquqlarini samarali himoya qilish tizimini yaratishga, innovatsion iqtisodiyotni rivojlantirishga va xalqaro standartlarga muvofiqlikni ta’minlashga yordam beradi.

REFERENCES

1. Boies, Sch., & Flexner LLP. (2010, December). *BSF wins largest damages verdict ever awarded for copyright infringement*. <https://www.bsflp.com/news-events/bsf-wins-largest-damages-verdict-ever-awarded-for-copyright.html>
2. Code de la propriété intellectuelle. (2023). [French Intellectual Property Code]. Art. L331-1-4.
3. Consultative Council of European Judges. (2017). *Opinion No. 20 (2017) on the role of courts with respect to the uniform application of the law* (pp. 7, 9). <https://rm.coe.int/opinion-no-20-2017-on-the-role-of-courts-with-respect-to-the-uniforma/16807661e3>
4. Council of Europe. (2023). *Issues affecting the consistency of judicial decisions and best practices in securing consistency in judicial decision making*. <https://rm.coe.int/issues-affecting-the-consistency-of-judicial-decisions-and-best-practi/1680afd8a5>

5. De Werra, J. (2016). *Specialised intellectual property courts – Issues and challenges* (pp. 15–41). In *Global perspectives for the intellectual property system* (Issue 2). CEIPI-ICTSD. <https://ssrn.com/abstract=2761209>
6. EC of the European Parliament and of the Council. (2004, April). Directive 2004/48/EC of the European Parliament and of the Council on the enforcement of intellectual property rights, art. 13(1). *Official Journal of the European Union*, L 157, 45.
7. Russian Federation. (2006). Civil Code. N 230-FZ.
8. International Organization for Standardization. (2010). *ISO 10668: Brand valuation — Requirements for monetary brand valuation*.
9. International Valuation Standards Council. (2025). *IVS 210: Intangible assets*. <https://ivsc.org/standards/>
10. Italian Industrial Property Code, Legislative Decree No. 30/2005, art. 125.
11. Legal IP Strategies. (2024). *Exploring international approaches to IP valuation in intellectual property law*. <https://legalipstrategies.com/international-approaches-to-ip-valuation/>
12. Lukyanov, R. L. (2024). *Kompensatsiya sifatida fuqarolik-huquqiy javobgarlik chorasi sifatida mutlaq huquqni buzganlik uchun* [Compensation as a measure of civil liability for infringement of exclusive rights]. [PhD Thesis]. RGUP, Moscow.
13. Mamadiyev, A. A. (2025a). *Intellektual mulkni himoya qilishda kompensatsiya institutini joriy qilish masalalari* [Issues of introducing the institution of compensation in the protection of intellectual property]. *ZDIF*, 4(23), 24–30. <https://zenodo.org/records/17286009>
14. Mamadiyev, A. A. (2025b). *Intellektual mulk huquqlarini kompensatsiyaviy himoya qilish: xalqaro amaliyot tahlili* [Compensatory protection of intellectual property rights: Analysis of international practice]. *Journal of Education, Ethics and Value*, 4(9), 256–261. <https://jeev.innovascience.uz/index.php/jeev/article/view/1567>
15. MVIP Solutions. (2024). *Measuring the impact of IP on GDP and/or economic growth: Can it be truly calculated?* <https://www.mvip.solutions/post/measuring-the-impact-of-ip-on-gdp-and-or-economic-growth-can-it-be-truly-calculated>
16. OregonLive. (2008, May). *Portland jury orders Payless to pay damages*. https://www.oregonlive.com/breakingnews/2008/05/portland_jury_orders_payless_t_1.html
17. Parr, R. L. (2018). *Intellectual property: Valuation, exploitation, and infringement damages* (5th ed., p. 401). John Wiley & Sons.
18. Fausten, T., & Hammesfahr, R. (2012). *Punitive damages in Europe: Concern, threat or non-issue?* Zurich, Switzerland: Swiss Reinsurance Company.
19. Sharma, S. (2022). *arXiv preprint*. <https://ui.adsabs.harvard.edu/abs/2022arXiv221202945S/abstract>
20. Legal Information Institute. (1950). 15 U.S.C. § 1117 — Recovery for violation of rights.
21. World Intellectual Property Organization. (n.d. a). *About WIPO Academy*. <https://www.wipo.int/en/web/wipo-academy>
22. World Intellectual Property Organization. (n.d. b). *Judicial training on intellectual property*. <https://welc.wipo.int/jtip/>
23. World Trade Organization. (1994). *Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS)*, Annex 1C of the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization (15 April 1994).
24. Zhang, Ya-Feng & Li, Li-Ming & Xu, Ke, 2022. *Do specialized intellectual property courts show a pro-patent propensity? Evidence from China*, *International Review of Law and Economics*, Elsevier, vol. 70(C).

Kelib tushgan / Получено / Received: 12.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 12.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./XTJM9482>

UDC: 347.7(045)(575.1)

MEZONIN KAPITALNING TADBIRKORLIK FAOLIYATINI MOLIYALASHTIRISHDAGI O‘RNI VA UNING HUQUQIY TARTIBGA SOLINISHI

Rahmatov Azizbek Iskandar o‘g‘li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi,
O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi
Dalat xizmatlarini tahlil qilish va rivojlantirish
boshqarmasi bo‘lim boshlig‘i
ORCID: 0000-0001-8590-4161
e-mail: rahmatov-azizbek95@mail.ru

Annotatsiya. Ushbu maqola tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishning an’anaviy usullari (bank krediti, lizing) moslashuvchanlik va innovatsion loyihalardagi xavfni qabul qilishda yetarli emasligi sharoitida mezonin moliyalashtirish kabi noan’anaviy, gibrid vositaning o‘rnini o‘rganishga qaratilgan. Mezonin qarz va kapital elementlarini birlashtirib, kompaniyalarga mavjud aksiyadorlik ulushini kamaytirmasdan katta hajmda kapital jalb qilish imkonini beradi va bankrotlik holatida ustuvorlikda yuqori kreditor va aksiyadorlar orasidagi o‘rta o‘rinni egallaydi. Tadqiqotning asosiy qismi mezoninning huquqiy tartibga solinishini qiyosiy tahlil qilishdan iborat. AQShda bu mexanizm Yagona tijorat kodeksi va 1933-yilgi Qimmatli qog‘ozlar to‘g‘risidagi qonun doirasida tartibga solinadi, bunda eng muhimi – mezonin kreditorning aksiya/ulush garovini tezkor va sudsiz musodara qilish huquqidir. Buyuk Britaniyada esa, “Companies Act 2006”, “Insolvency Act 1986” va “FSMA 2000” qoidalari mezoninning tuzilmaviy bo‘ysunishini tasdiqlaydi va uning professional faoliyatini litsenziyalashdan istisno qiladi. Maqolada mezonin bitimining asosiy ishtirokchilari – qarz oluvchi, yuqori kreditor va mezonin kreditor o‘rtasidagi o‘zaro munosabatlar, ularning navbati, garov obyekti (aksiyalar/ulushlar) va daromad talablari batafsil ochib berilgan. Xulosada, mezoninning O‘zbekistondagi an’anaviy moliyalash turlariga o‘xshash jihatlaridan kelib chiqib, milliy qonunchilikka tegishli normalarni implementatsiya qilish, jumladan, garovni tezkor joriy etish va xususiy investitsiyalar uchun huquqiy aniqlik berish zarurligi asoslanadi.

Kalit so‘zlar: gibrid kapital, mezonin moliyalashtirish, huquqiy tartibga solish, tadbirkorlik, investor, tuzilmaviy bo‘ysunish, aksiya

РОЛЬ МЕЗОНИННОГО КАПИТАЛА В ФИНАНСИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Рахматов Азизбек Искандар угли,
самостоятельный соискатель Ташкентского
государственного юридического университета,
начальник отдела Управления анализа
и развития государственных услуг
Министерства юстиции Республики Узбекистан

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию роли мезонинного финансирования как нетрадиционного гибридного инструмента в условиях, когда традиционные способы финансирования предпринимательской деятельности (банковский кредит, лизинг) оказываются недостаточно гибкими и не обеспечивают готовности принимать повышенные риски, присущие инновационным проектам. Мезонин, сочетая элементы долга и капитала, предоставляет компаниям возможность привлечь значительные объёмы финансирования без размывания долей действующих акционеров, а в случае банкротства занимает промежуточное место по очерёдности удовлетворения требований между старшими кредиторами и акционерами. Основная часть исследования представляет собой сравнительный анализ правового регулирования мезонинного финансирования. В США данный механизм регулируется в рамках Единого торгового кодекса и Закона о ценных бумагах 1933 года, при этом существенным элементом выступает право мезонинного кредитора на оперативное и внесудебное обращение взыскания на залог акций/долей. В Великобритании нормы Companies Act 2006, Insolvency Act 1986 и FSMA 2000 закрепляют структурную субординацию мезонина и предусматривают исключения из требований лицензирования профессиональной деятельности в данной сфере. В статье подробно раскрываются основные участники мезонинной сделки – заёмщик, старший кредитор и мезонинный кредитор – характер их взаимосвязей, очерёдность требований, предмет залога (акции/доли), а также параметры требований к доходности. В заключении обосновывается необходимость имплементации в национальное законодательство соответствующих норм с учётом сходства мезонина с традиционными формами финансирования в Узбекистане, включая внедрение механизмов оперативного обращения взыскания на залог и обеспечение правовой определённости для частных инвестиций.

Ключевые слова: гибридный капитал, мезонинное финансирование, правовое регулирование, предпринимательство, инвестор, структурная субординация, акция

THE ROLE OF MEZZANINE CAPITAL IN FINANCING ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND ITS LEGAL REGULATION

Rahmatov Azizbek Iskandar ugli,
Independent Researcher at Tashkent State University of Law,
Head of Department of the Department
for Analysis and Development of State Services
of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This article is aimed at studying the role of such a non-traditional, hybrid tool as mezzanine financing in the context of insufficient flexibility and risk acceptance in innovative projects of traditional methods of financing entrepreneurial activity (bank credit, leasing). Mezzanine, combining elements of debt and capital, allows companies to attract large amounts of capital without reducing the existing share of shareholders and occupies a middle position among the top creditors and shareholders in terms of priority in the event of bankruptcy. The main part of the research consists of a comparative analysis of the legal regulation of the criterion. In the USA, this mechanism is regulated within the framework of the Uniform Commercial Code and the Securities Act of 1933, the most important of which is the criterion — the creditor’s right to immediate and out-of-court confiscation of the pledge of shares/stakes. In Great Britain, the “Companies Act 2006,” “Insolvency Act 1986,” and “FSMA 2000” rules confirm the structural subordination of the criterion and exclude its professional activity from licensing. The article details the relationship between the main participants of the mezzanine transaction — the borrower, senior creditor, and mezzanine creditor — their sequence, collateral object (shares/stakes), and income requirements. In conclusion, based on the similarities of the criterion with traditional types of financing in Uzbekistan, the need to implement relevant norms

into national legislation, including the prompt introduction of collateral and providing legal clarity for private investments, is substantiated.

Keywords: *hybrid capital, mezzanine financing, legal regulation, entrepreneurship, investor, structural subordination, share*

Kirish

Bugungi kunda dunyo moliya bozoridagi tendensiyalar, ayniqsa, kichik va o'rta biznesning ehtiyojlaridan kelib chiqib, qarz va kapitalning afzalliklarini birlashtirgan yangi moliyalashtirish vositalariga ehtiyoj ortmoqda. Gibrid moliyalashtirishning asosiy xususiyati shundaki, investor dastlab qarz beruvchi sifatida qat'iy foiz daromadini oladi, ammo kelajakda kompaniyaning o'sishiga qarab, ushbu qarzni aksiyaga aylantirish huquqiga ega bo'ladi.

AQShda startaplar konvertatsiya qilinadigan zayomlar (convertible loans) orqali venchur kapitalni faol jalb qilsa, Yevropa Ittifoqi va Yaponiya kabi rivojlangan bozorlarda yirik korporatsiyalar konvertatsiya qilinadigan obligatsiyalar yordamida kapital bazasini kengaytirmoqda. Gibrid instrumentlar nafaqat kompaniyalar uchun qulaylik yaratadi, balki investorlarga ham yuqori daromad va pastroq xatarlarni taklif qiladi.

Ushbu tendensiyalar gibrid moliyalashtirish mexanizmlarini o'rganish va ularni milliy qonunchilikka joriy etish, huquqiy tartibga solish jarayonida har ikkala tomonning huquqlarini himoya qilish uchun zarur choralar ko'rishni talab etadi.

Mazkur maqola tadqiqot sifatida turli manbalar tahlilini o'z ichiga oladi. Ushbu maqolada sohaga oid ilmiy tushunchalar, amaliyotchi olimlarning qarashlari, xulosa va fikrlari o'rganilgan. Shuningdek, mezonin moliyalashning turli davlatlarda tartibga solinishi qiyosiy-huquqiy jihatdan tahlil qilingan. Shuningdek, moliyalashtirishning ushbu yangi mexanizmini amaliyotga keng joriy etish, qonunchilik hujjatlarini takomillashtirish bo'yicha xulosalar berilgan. Bu xulosalarning amalga oshishi tadbirkorlarning o'z faoliyatini amalga oshirishda mustahkam moliya-

viy-huquqiy yechimlarning vujudga kelishi, shuningdek, investorlarning huquqlari kafoflatlanib, ular hamda tadbirkorlar o'rtasida ishonch muhitini yaratish kabi maqsadlarga erishishga xizmat qiladi.

Asosiy qism

Tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishning bank krediti, lizing va faktoring kabi an'anaviy usullari hozirda ham biznesni rivojlantirishda muhim rol o'ynab kelmoqda. Ularning asosiy afzalligi barqarorlik, aniq qoidalar va keng tarqalganlikdir. Biroq bugungi kundagi tez o'zgaruvchan, raqamlashgan va innovatsiyalar rivojlangan davrda ularning moslashuvchanlik va tezkorlik borasidagi kamchiliklari ko'zga tashlanmoqda.

Aynan shu kamchiliklar sababli noan'anaviy moliyalashtirish, xususan, gibrid mexanizmlar bugungi kunda tobora muhim ahamiyat kasb etib bormoqda. Bular o'zlarida ham qarz majburiyatlari, ham kapitalda ishtirok etish vositalari elementlarini birlashtiruvchi qimmatli qog'ozlar desak to'g'ri bo'ladi.

Rivojlangan davlatlarda gibrid moliyalashning eng keng tarqalgan turlaridan biri bu mezonin moliyalashtirish hisoblanadi. Mezonin – bu ham qarz, ham to'g'ridan to'g'ri investitsiya xususiyatlariga ega bo'lgan moliyalashtirish turi. Unga ko'ra, investor, odatda, kompaniya kapitaliga kirmaydi, balki uni rivojlantirish uchun qarz majburiyatlari orqali mablag' taqdim etadi, shu bilan birga, kelajakda qarz oluvchining aksiyalarini oldindan belgilangan narxda sotib olish huquqiga ega bo'ladi (Pirkova, 2017).

Mezonin moliyalashtirish (Mezzanine financing) AQShda 1980-yillarda paydo bo'lgan bo'lsa, Rossiyada birinchi mezonin moliyalashtirish fondi 2009-yilda "Volga River Credit Opportunity" nomi bilan tashkil etilgan (Mokina & Strelnikov, 2017).

AQShda mezonin bozori ancha rivojlangan va standartlashtirilgan bo'lib, unda ko'proq xususiy kapital firmalari faoliyat yuritadi. Yevropa bozorida esa, mezonin moliyalashtirish ko'proq tijorat banklari tomonidan amalga oshiriladi.

Ushbu moliyalashning ijobiy jihatlari shundaki, mezonin kreditorlar bankka qaraganda kamroq garov talab qiladi, chunki ular riskni kompaniyaning kelajakdagi daromadlari hisobidan qoplashni mo'ljallaydi. Bundan tashqari, kompaniya aksiyalarining katta ulushini sotmasdan, katta miqdordagi kapitalni jalb qilish imkonini beradi (Strelnikov, 2017).

Mezonin moliyalashning yana bir o'ziga xos xususiyati, korxonada bankrotlik holatida mezonin qarzni qoplash o'rta bosqichdagi zarurat deb hisoblanadi. Ya'ni majburiyatni ta'minlash birinchi navbatda bank kreditlariga, ikkinchi navbatda mezonin qarzlarga, so'ngra aksiyadorlarning talabiga qaratiladi (Chernikov, 2024).

Professor Jeyms Fosettning fikricha, bu bitimlardagi asosiy huquqiy muammo "kreditorlar iyerarxiyasi"dir. Mezonin qarz beruvchi, odatda, yuqoridagi kreditorlarga nisbatan (masalan, banklarga) past darajadagi himoyaga ega. Shu sababli huquqiy hujjatlarda to'lovlarga oid barcha tartib-qoidalar va ehtimoliy bankrotlik holatlaridagi huquqlar aniq ko'rsatilishi kerak (Fawcett, 2010).

Mezonin moliyalashtirish dastlab bozor amaliyotida paydo bo'lgan va keyinchalik aksariyat rivojlangan mamlakatlarning (AQSh, Buyuk Britaniya, Germaniya) qonunchiligida o'z aksini topgan. AQShda mezonin bitimlari "Uniform Commercial Code" (Uniform Commercial Code, 1953), ya'ni Yagona tijorat kodeksi hamda 1933-yilgi Qimmatli qog'ozlar to'g'risidagi qonun (Securities Act, 1933) bilan tartibga solinadi. Yevropa Ittifoqi davlatlarida mezonin moliyalashtirishga oid maxsus qonunlar mavjud emas. Uning huquqiy jihatlari asosan fuqarolik kodekslari, tijorat qonunchiligi va investitsiya fondi faoliyatini tartibga soluvchi qoidalar doirasida tartibga solinadi.

Rossiya Federatsiyasining Fuqarolik kodeksiga asosan, mezonin moliyalashtirishda dastlab qarz shartnomasi, so'ngra opsiya shartnoma imzolanadi. Opsiya shartnomada investorning subyektga tegishli aksiya yoki ulushlarni olish tartibi belgilanadi (Chernikov, 2024).

Moliyalashni rasmiylashtirish jarayonlari ham qolgan investitsiya turlarini rasmiylashtirishga o'xshab ketadi. Xususan, mablag'ga ehtiyoji bo'lgan korxonada dastlab mezonin fondga ariza beradi. Fond kompaniyaning moliyaviy holati, biznes modeli va o'sish istiqbollari chuqur tahlil qiladi. Fond va kompaniya moliyalashtirish shartlari, jumladan, foiz stavkasi, to'lov muddati va kapitalga kirish shartlari bo'yicha kelishib oladi. Kelishuvga erishilgandan so'ng, fond mablag'larni kompaniyaga o'tkazadi. Kompaniya kelishilgan muddat davomida foiz to'lovlari amalga oshiradi va belgilangan muddatda asosiy qarzni qaytaradi. Agar kompaniya sotilsa yoki IPOga chiqsa, fond o'z ulushini sotish orqali foyda ko'radi (Sazonov, 2016).

L. Tetrenova va J. Svedik mezonin moliyalashtirishni 2 xil turga bo'ladi: xususiy (subordinatsiyalangan qarzlarga, sindikatlashgan qarzlarga, "yashirin" ishtirok) va ommaviy mezonin (Tetrenova & Svedik, 2018).

"Leach and Melicher" (2014) ham ommaviy mezonin vositalari sifatida konvertatsiya qilinadigan obligatsiyalar, opsiya obligatsiyalar va imtiyozli aksiyalarni keltiradi.

Hozirgi vaqtda mezonin moliyalashtirish amaliyotida quyidagi shakllarda qo'llanilmoqda (Lurie & Melikhov, 2013):

1) mezonin qarzi. AQShda odatda ta'minlanmagan shaklda, G'arbiy Yevropada esa subordinatsiyalangan shaklda bo'ladi. Subordinatsiya shuni anglatadiki, kreditorga mulkni keyinchalik ushlab qolish yoki garovga qo'yish huquqi beriladi, ya'ni birinchi navbatda yuqori kreditning manfaati ko'zlanadi;

2) investorning "oshkor qilinmaydigan" ishtiroki bilan moliyalashtirish. Bunda inves-

tor qarz oluvchi kompaniyaning aksiyalarini sotib oladi, lekin kompaniyaning kreditorlari oldida hech qanday javobgarlikni o'z zimmasiga olmaydi;

3) konvertatsiya qilinadigan obligatsiyalar chiqarish orqali ta'minlangan moliyalashtirish. Bu obligatsiyalar foizlarning qat'iy to'lovlarini va moliyalashtirish muddati tugaganda asosiy qarzni qaytarishni nazarda tutadi;

4) imtiyozli aksiyalar chiqarish orqali ta'minlangan moliyalashtirish. Bunda qarz oluvchi kompaniyaning imtiyozli aksiyalari chiqariladi. Bunday aksiyalar kompaniyaning boshqa aksiya egalari nisbatan foydada ishtirok etishda va tugatish qiymatida imtiyozli huquqlarni beradi.

Mezonin moliyalashtirish tuzilmasida uch asosiy taraf mavjud:

- qarz oluvchi kompaniya (borrower/issuer): moliyalashtirish olayotgan kompaniya;
- yuqori kreditor (senior lender): eng xavfsiz qarz beruvchi, moliyalashtirish tuzilmasida eng yuqori ustuvorlikka ega bo'lgan tomon;
- mezonin kreditor (mezzanine lender): subordinatsiya qilingan (ikkilamchi) qarz beruvchi.

Kreditor va qarzdor kompaniya o'rtasida qarz shartnomasi imzolanganach ushbu shartnoma kompaniyaning aksiyalari yoki ulushlari bilan ta'minlanadi, ya'ni qarzlar qaytarilmasa, aksiyalar ustidan nazoratni qo'lga oladi.

Ikkala kreditor o'rtasidagi huquqiy munosabatlar kreditorlararo kelishuv (Intercreditor agreement) deb nomlangan huquqiy hujjatda aniq belgilanadi. Bu kelishuv mezonin kreditorning yuqori kreditoridan keyin to'lov olishini, shuningdek, "defolt" holatida mezonin kreditorning nazoratni qo'lga kiritish huquqi yuqori kreditorning huquqlariga qanday bo'ysunishini belgilab beradi.

Mezonin kreditorlar odatda yuqori kreditor (bank) kabi oddiy moliya instituti emas, balki ixtisoslashgan investitsion fondlardir. Mezonin kreditorlar o'z mablag'larini xususiy

kapital fondlari yoki maxsus mezonin fondlaridan oladi. Bu fondlar esa, o'z navbatida investorlar (masalan, pensiya fondlari, sug'urta kompaniyalari, yirik korporatsiyalar yoki juda boy shaxslar) tomonidan kiritilgan kapitalni boshqaradi (Silbernagel & Vaitkunas, 2010).

Mezonin moliyalashtirishni tartibga solish bo'yicha turli davlatlarning qonunchiligida turli normalar belgilangan. Xususan, Buyuk Britaniyada mezonin moliyalashtirish asosan umumiy huquq (common law) va quyidagi qonunlar bilan tartibga solinadi:

Jadval

Buyuk Britaniyada mezonin moliyalashtirishni tartibga soluvchi qonunchilik hujjatlari

Asosiy qonun/qoida	Mezoninga aloqasi
To'lovga qobiliyatsizlik to'g'risidagi qonun (Insolvency Act 1986) (Insolvency Act, 1986)	Kompaniya bankrotlik holatiga tushganda, kreditorlarning, ayniqsa, mezonin kreditorning ustuvorlik tartibini va garovni joriy etish (musodara) jarayonini belgilaydi. Mezonin kreditorining asosiy qarz beruvchidan keyingi o'rnini aynan shu qonun doirasida himoya qilinadi.
Umumiy huquq (Common Law) qoidalari	Mezonin bitimi (qarz shartnomasi)ning amal qilishi, "kovenant"lar (majburiyatlar) va "defolt" shartlarini tartibga soladi. Buyuk Britaniyada huquqlarning "egalik" yoki "nazorat" orqali emas, balki shartnomada aniq yozilganligi asosida belgilanishini tasdiqlaydi.
Companies Act 2006 (Companies Act, 2006)	Aksiyadorlik ulushi (Equity kicker) va direktorlarning majburiyatlarini belgilaydi.
Yerni ro'yxatdan o'tkazish to'g'risidagi qonun (Land Registration Act 2002)	Agar mezonin bitimi ba'zi hollarda bevosita ko'chmas mulkka ham tegishli bo'lsa, bu qonun ko'chmas mulk garovining ro'yxatdan o'tkazilish tartibini belgilaydi.
Moliyaviy xizmatlar va bozorlar to'g'risidagi qonun (FSMA 2000)	Mezonin moliyalashtirishidagi aksiyalar bilan bog'liq muayyan moliyaviy operatsiyalar va investorlarni himoya qilish talablarini qisman tartibga solishi mumkin.

AQShda mezonin moliyalashtirishdagi eng muhim huquqiy xatarlardan biri – bu AQSh Bankrotlik kodeksining 510-moddasida (United States Code, 1984) belgilangan “Adolatli subordinatsiya” doktrinasidir.

Kodeksning ushbu bandi sudga keng va-kolat beradi. Unga ko‘ra, talab dastlab yuqori navbatda turgan bo‘lsa ham, sud uni pastki navbatga o‘tkazib yuborishi mumkin. Natijada mezonin kreditorning talabi hatto garovga olinmagan boshqa kreditorlar talablaridan ham pastga tushib ketishi mumkin.

Anglo-sakson huquq tizimidagi (AQSh, Buyuk Britaniya) mezonin moliyalashtirish asosan garov ta‘minotiga va “qarz” (debt) tabiatiga asoslangan bo‘lsa, kontinental huquq oilasiga mansub Germaniya qonunchiligida ushbu vosita “korporativ hamkorlik” va “majburiyat huquqi” kesishmasida tartibga solinadi.

Germaniyada mezonin moliyalashtirishning huquqiy asosi maxsus qonun bilan emas, balki Germaniya Savdo kodeksi (Handelsgesetzbuch, 2024) normalari orqali belgilangan ikki asosiy vosita: “jim” sheriklik (Stille Gesellschaft) va foydada ishtirok etish huquqi (Genussrechte) orqali amalga oshiriladi.

Germaniyada mezonin kapitalini jalb qilishning eng keng tarqalgan shakli – bu Savdo kodeksining 230–237-moddalarida tartibga solingan “jim” sheriklikdir. Ushbu modelning mohiyati shundaki, investor kompaniyaga sarmoya kiritadi, ammo tashqi uchinchi shaxslar (kreditorlar yoki mijozlar) uchun ko‘rinmas bo‘lib qoladi.

230-moddaga ko‘ra, “jim” sherik (mezonin investor) tomonidan kiritilgan sarmoya to‘liq tadbirkorning (kompaniyaning) mulkiga o‘tadi. AQSh modelidan farqli o‘laroq, bu yerda investor kompaniya aktivlariga nisbatan “garov huquqi”ga ega bo‘lmaydi, balki kompaniyaning ichki sherigiga aylanadi.

236-moddaga binoan, kompaniya to‘lovga layoqatsiz deb topilganda, mezonin investor (agar uning sarmoyasi zararlar tufayli to‘liq yo‘qolmagan bo‘lsa) qolgan mablag‘ini talab

qilib, kreditor sifatida chiqishi mumkin.

Mezonin moliyalashtirish nuqtayi nazaridan quyidagi o‘ziga xos xususiyatlari bilan ajralib turadi:

1) boshqaruv huquqining yo‘qligi: bu xususiyat kompaniya nazoratini o‘z qo‘lida saqlab qolishni istagan ta‘sischilar uchun ayniqsa jozibadordir;

2) mulkiy huquqlarning ustuvorligi: gar-chi boshqaruv huquqi bo‘lmasa-da, investor xuddi aksiyador kabi kompaniyaning sof foydasidan ulush olish huquqiga ega bo‘ladi;

3) kapitalni qaytarish: shartnoma mud-dati tugagach, investor kiritgan sarmoya-sini nominal qiymatda (ba‘zan qo‘shimcha mukofot bilan) qaytarib olish huquqiga ega bo‘ladi.

“Genussrechte” oddiy qarz majburiyatiga aylanib qolmasligi va mezonin maqomini olishi uchun shartnomaga maxsus subordi-natsiya bandi kiritiladi. Ushbu bandga ko‘ra, kompaniya to‘lovga layoqatsizlik holatiga tushib qolganda, “Genussrechte” egasining talablari barcha boshqa kreditorlar (banklar, ta‘minotchilar) talablari qondirilgandan keyingina, ammo aksiyadorlardan oldin qa-noatlantiriladi.

Xulosa qilib aytganda, Germaniya qonun-chiligi mezonin moliyalashtirishni qat‘iy ga-rov va musodara (AQSh modeli) mexanizmi orqali emas, balki investor va tadbirkor o‘rta-sidagi moslashuvchan shartnomaviy munosa-batlar orqali tartibga solish yo‘lidan borgan. Bu esa, O‘zbekiston kabi kontinental huquq tizimiga mansub davlatlar uchun alternativ huquqiy yechimlarni taklif etadi.

Germaniyaning “Genussrechte” modeli O‘zbekiston qonunchiligi uchun muhim ahamiyatga ega. Sababi ushbu vosita yangi qonun qabul qilishni talab qilmaydi, balki mavjud Fuqarolik kodeksi doirasidagi “shartnoma erkinligi” tamoyili orqali amalga oshirilishi mumkin. Xususan, O‘zbekistonda “Foydada ishtirok etuvchi obligatsiyalar” yoki maxsus “Investitsion qarz shartnomalari”ni joriy etishda “Genussrechte” tajribasidan

foydalanish mumkin. Bunda investorlarga ovoz berish huquqini bermagan holda, ularga kompaniya foydasidan yuqori dividend olish huquqini kafolatlovchi va bankrotlikda subordinatsiya qilingan mexanizmni yaratish maqsadga muvofiqdir.

Rivojlangan davlatlarda mezonin moliyalashtirish bozorining barqarorligi nafaqat bitim shartlarini, balki kapital egalari – investitsiya fondlari faoliyatini tartibga solish orqali ham ta'minlanadi. Bu borada Yevropa Ittifoqining 2011-yil 8-iyundagi 2011/61/EU sonli "Muqobil investitsiya fondlarini boshqaruvchilar to'g'risida"gi direktivasi (European Parliament & Council of the European Union, 2011) (Alternative investment fund managers directive – AIFMD) eng muhim huquqiy hujjat hisoblanadi.

Direktivaning 26–30-moddalari mezonin va xususiy kapital fondlarining faoliyatiga aniq cheklovlar o'rnatuvchi asosiy normalar hisoblanadi. Bu normalarning asosiy mohiyati "24 oylik muzlatish" davrini joriy etishdan iborat. Investor kompaniya ustidan nazoratni qo'lga kiritgan kundan boshlab, keyingi 2 yil (24 oy) davomida kompaniyaning moliyaviy barqarorligiga zarar yetkazishi mumkin bo'lgan har qanday harakatlarni amalga oshirishi qat'iy qat'iy taqiqlanadi.

Shuningdek, ushbu davrda mezonin fondlari yoki ular boshqaruvchilari bo'lgan kompaniyalar quyidagi uchta asosiy moliyaviy qarorni qabul qilishi man etiladi: kapitalni kamaytirish, aksiyalarni qaytarib sotib olish, katta miqdorda dividendlar tarqatish.

Xulosa

Mezonin moliyalashtirishning samarali faoliyati uch asosiy ustunga tayanadi: qonuniy tartibga solish, shartnomaviy standartlashtirish va institutsional nazorat.

Tahlil natijalari kontinental (Germaniya) va anglo-sakson (AQSh / Buyuk Britaniya) huquq tizimlari o'rtasidagi prinsipial farqni namoyish etdi. AQSh va LMA standartlari

asosan garov va talablarning navbati (subordinatsiya) orqali "qarz" munosabatlarini tartibga solsa, Germaniyaning "jim" sheriklik instituti moliyalashtirishni kompaniyaning zarariga sherik bo'lish orqali "kapital" munosabatlariga yaqinlashtiradi.

Yevropa Ittifoqi direktivasi va AQShning "Adolatli subordinatsiya" doktrinasi mezonin moliyalashtirishning axloqiy jihatini ta'minlaydi. Ushbu mexanizmlar investorlarga kompaniya ustidan nazoratni qo'lga kiritgandan so'ng aktivlarni bo'lib sotish yoki boshqa kreditorlar hisobidan nohaq ustunlik olishni taqiqlaydi.

Mezonin moliyalashtirishning ahamiyati uning innovatsiyalarni rag'batlantirish, kapital bozorini chuqurlashtirish va an'anaviy moliyalashtirish instrumentlari bera olmaydigan moslashuvchanlikni ta'minlash qobiliyatidir. Ushbu vositadan samarali foydalanish, shubhasiz, mamlakat iqtisodiyotining diversifikatsiyasi va uzoq muddatli, barqaror rivojlanishining muhim shartidir.

Shunga ko'ra, nobank kredit tashkilotlari to'g'risidagi qonunchilikni takomillashtirish orqali mezonin moliyalashtirish fondlari va institutlarining paydo bo'lishi uchun asos yaratish, Fuqarolik kodeksida mezonin shartnomasining huquqiy asosini belgilash, "To'lovga qobiliyatsizlik to'g'risida"gi hamda "Aksiyadorlik jamiyatlari va aksiyadorlarning huquqlarini himoya qilish to'g'risida"gi Qonunlarga bankrotlik vaqtida mezonin kreditorining talablarini qondirish navbatini aniq belgilash ushbu moliyalash turining milliy qonunchiligimizga joriy etishning dastlabki qadamlari hisoblanadi.

Ushbu sohadagi qonunchilikni takomillashtirish nafaqat faoliyatini boshlayotgan tadbirkorlarning imkoniyatlarini kengaytiradi, balki huquqiy xavflarni kamaytirish va yuridik aniqlikni ta'minlash orqali respublikaga kirib kelayotgan xorijiy investitsiyalar oqimining ortib borishiga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Chernikov, V. E. (2024). Mezaninnoe finansirovanie kak instrument privilecheniya sredstv v proekty gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*, (8), 95.
2. Companies Act 2006. (2006). Companies Act 2006 [Law of the United Kingdom on companies]. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>
3. European Parliament & Council of the European Union. (2011). Directive 2011/61/EU on Alternative Investment Fund Managers [Directive on alternative investment fund managers]. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2011/61/oj/eng>
4. Fawcett, J. (2010). *Corporate finance and legal risk*. Sweet & Maxwell.
5. Financial Services and Markets Act 2000. (2000). Financial Services and Markets Act 2000 [Law of the United Kingdom on financial services and markets]. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents>
6. Handelsgesetzbuch. (2024). German Commercial Code. https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hgb/
7. Insolvency Act 1986. (1986). Law of the United Kingdom on insolvency. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents>
8. Land Registration Act 2002. (2002). Law of the United Kingdom on land registration. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/9/contents>
9. Leach, J., & Melicher, R. (2014). *Entrepreneurial finance* (1st ed.). South-Western Cengage Learning.
10. Lurie, V., & Melikhov, E. (2013). *Mezzanine financing: International experience and Russian practice*.
11. Mokina, L., & Strelnikov, E. (2017). Mezoninnoe finansirovanie kak alternativnyy istochnik korporativnogo finansirovaniya: rossiiskiy opyt [Mezzanine financing as an alternative source of corporate financing: Russian experience]. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Economic Research]*, 3(12), 6–7.
12. Pirkova, G. X. (2017). Mezoninnoe finansirovanie kak istochnik finansirovaniya na sovremennom etape razvitiya predprinimatelskoy deiatelnosti v Rossiiskoy Federatsii [Mezzanine financing as a source of financing at the present stage of entrepreneurial activity development in the Russian Federation]. *Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship]*, 18(7), 1151–1158.
13. Sazonov, S. P. (2016). Alternative sources of business development: Mezzanine financing. *Scientific Papers of the University of Pardubice. Series D, Faculty of Economics & Administration*, 23(37).
14. Securities Act of 1933. (1933). Law of the United States on securities. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1884/pdf/COMPS-1884.pdf>
15. Silbernagel, C., & Vaitkunas, D. (2010). Mezzanine finance. Bond Capital.
16. Strelnikov, E. V. (2017). K voprosu o modelirovanii finansovogo rynka [On the issue of financial market modeling]. *Upravlenets [The Manager]*, 1(65), 54–59.
17. Tetreva, L., & Svedik, J. (2018). Mezzanine financing instruments in comparison to the classic financing sources. *Business, Management and Economics Engineering*, 16, 133–146. <https://doi.org/10.3846/bme.2018.2205>
18. Uniform Commercial Code. (1953). <https://www.uniformlaws.org/acts/ucc>
19. United States Code. (1984). Title 11, Section 510: Subordination. Bankruptcy Code. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/510>

Kelib tushgan / Получено / Received: 20.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 13.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./USIR3833>

UDC: 347.7(045)(575.1)

LEGAL STATUS OF ONLINE MARKETPLACE OPERATORS

Saidova Nigorakhon Akmal kizi,

Manager of the Center for Interdisciplinary Applied Research,
Central Asian University,
Independent Researcher at Tashkent State University of Law

ORCID: 0009-0004-0303-297X

e-mail: nigosh.saidi@gmail.com

Abstract. *This article analyzes the legal status of online platforms acting as intermediaries in the process of concluding electronic contracts. The study examines contemporary scholarly debates on defining the role and civil liability of information intermediaries within civil law relations. The author demonstrates that although online platforms were initially perceived as neutral information intermediaries, their growing involvement in setting trading rules, standardizing contractual terms, and actively influencing transaction processes reveals the limitations of this approach. The article examines the legal relationships between online platforms, sellers, and buyers from a civil law perspective and substantiates the need to apply a functional approach in determining platform liability. The research is conducted using a comparative legal methodology based primarily on European Union directives, with reference to relevant judicial practice concerning the liability of online platforms. The findings contribute both theoretically and practically to the improvement of legal regulation in the field of electronic commerce.*

Keywords: *electronic contract, information intermediary, online platform, electronic commerce, civil liability, European Union directives, functional approach*

ONLAYN MARKETPLAYS OPERATORLARINING HUQUQIY MAQOMI

Saidova Nigoraxon Akmal qizi,

Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi,
“Central Asian University”

Fanlararo amaliy tadqiqotlar markazi menejeri

Annotatsiya. *Mazkur maqolada elektron shartnomalarni tuzish jarayonida vositachi sifatida ishtirok etuvchi onlayn platformalarning huquqiy maqomi tahlil qilinadi. Tadqiqot doirasida axborot vositachilarining fuqarolik-huquqiy munosabatlardagi oʻrni va fuqarolik javobgarligini belgilashga doir zamonaviy ilmiy munozaralar oʻrganiladi. Muallif garchi onlayn platformalar dastlab xolis axborot vositachisi sifatida qabul qilingan boʻlsa-da, ularning savdo qoidalarini belgilash, shartnomaviy munosabatlarni standartlashtirish va bitimlar tuzish jarayonlariga faol taʼsir koʻrsatishda ishtiroki ortib borishi natijasida ushbu yondashuvning cheklanganini koʻrsatib beradi. Maqolada onlayn platformalar,*

sotuvchilar va xaridor o'rtasidagi munosabatlar fuqarolik huquqi nuqtayi nazaridan tahlil qilinib, platforma javobgarligini belgilashda funksional yondashuvni qo'llash zarurligi asoslanadi. Tadqiqot asosan Yevropa Ittifoqi direktivalariga tayangan qiyosiy-huquqiy tahlil metodi asosida olib borildi, bunda onlayn platformalarning javobgarligiga oid tegishli sud amaliyotiga havola qilindi. Tadqiqot natijalari elektron tijorat sohasida huquqiy tartibga solishni takomillashtirish uchun nazariy va amaliy ahamiyatga ega.

Kalit so'zlar: elektron shartnoma, axborot vositachisi, onlayn platforma, elektron tijorat, fuqarolik-huquqiy javobgarlik, Yevropa Ittifoqi direktivalari, funksional yondashuv

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОПЕРАТОРОВ ОНЛАЙН-МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Саидова Нигорахон Акмал кизи,
самостоятельный соискатель Ташкентского
государственного юридического университета,
менеджер Центра междисциплинарных прикладных
исследований Central Asian University

Аннотация. В статье анализируется правовой статус онлайн-платформ, выступающих посредниками при заключении электронных договоров. Исследуются современные научные дискуссии относительно определения роли и гражданско-правовой ответственности информационных посредников в системе гражданских правоотношений. Автор показывает, что первоначальное восприятие онлайн-платформ как нейтральных информационных посредников утрачивает актуальность в условиях их возрастающего участия в установлении правил торговли, стандартизации договорных условий и активного влияния на процесс заключения сделок, что свидетельствует об ограниченности традиционного подхода. С гражданско-правовой позиции анализируются правоотношения между онлайн-платформами, продавцами и покупателями, обосновывается необходимость применения функционального подхода при определении объёма ответственности платформ. Исследование выполнено с использованием сравнительно-правовой методологии, преимущественно на основе директив Европейского союза, с учётом соответствующей судебной практики по вопросам ответственности онлайн-платформ. Полученные выводы имеют как теоретическое, так и практическое значение для совершенствования правового регулирования в сфере электронной коммерции.

Ключевые слова: электронный договор, информационный посредник, онлайн-платформа, электронная коммерция, гражданско-правовая ответственность, директивы Европейского союза, функциональный подход

Introduction

The rapid growth of digital technologies over the past decade has fundamentally transformed the structure of commercial relations, leading to the emergence of electronic marketplaces that act as intermediaries between sellers and consumers on a large scale. Such online platforms increasingly influence the allocation of risk and responsibilities within private law. They are a central

figure in modern commerce, structuring access to markets and shaping contractual relationships. Occupying a key position in modern economic relations, online marketplaces simultaneously challenge traditional legal categories developed for offline commerce.

A defining characteristic of electronic marketplaces is the indirect nature of their involvement in transactions. These platforms do not formally act as sellers of goods and

services, but rather facilitate transactions and interactions between users through digital interfaces, standardized contractual terms and conditions and algorithmic tools. This functional difference often leads to uncertainty about the legal status of marketplace operators, in particular with regard to their role in contractual relations and liability for damages arising from transactions carried out through the platform.

Legal scholarship remains divided, with different approaches to the qualification of online marketplace operators. The majority of scholars continue to view these platforms primarily as intermediaries, emphasizing their facilitative nature and the absence of contractual obligations towards consumers. On the other hand, the high degree of control exercised by platforms over key aspects of commerce (pricing, payment, fulfillment, and access to consumers) may justify their classification as operators, traders, or joint sellers. A relatively new position proposes the recognition of electronic marketplaces as separate legal entities, citing the inability of existing intermediary-seller dichotomies to adequately capture the specific hybrid functions (*Figure 1*).

In the Uzbek legal context, online platforms are not treated as neutral intermediaries, but are explicitly regulated as e-commerce operators. According to the Law of the Republic of Uzbekistan “On Electronic Commerce” (№ 792, 2022), marketplaces, aggregators and similar digital platforms are subject to mandatory registration and organization requirements (Republic of Uzbekistan, 2022). This approach is further reinforced by Resolution No. PP-885 (December 2025), which obliges platform operators to maintain the status of a local legal entity in Uzbekistan and to comply with consumer protection, data protection and advertising legislation;

platforms based abroad are prohibited from operating without local registration and may be sanctioned for non-compliance (Tashkent Times, 2026). A draft law planned for 2026 further refines the legal definitions of platform operators and aggregators, introduces enhanced transparency and competition obligations, and clarifies tax obligations (UzDaily.uz, 2026). Taken together, these developments indicate a shift away from intermediary-type immunity towards a functional allocation of liability, whereby the liability of platforms is linked to their organizational role and capacity to prevent harm, particularly in the context of consumer protection and the prevention of informal or “shadow” digital markets.

Such inconsistent classifications of these platforms lead to inconsistent legal outcomes across jurisdictions and legal regimes. Currently, the boundaries between the classifications of intermediaries, operators and hybrids remain fluid and highly context-dependent. This variability has direct implications for the allocation of contractual obligations, liability and the level of consumer protection afforded in transactions conducted through a platform.

Therefore, this article aims not only to review the main contemporary approaches to defining the legal status of e-marketplace operators, but also to critically assess their internal coherence and practical adequacy. It then pays particular attention to the extent to which traditional classifications of intermediaries remain viable in light of the functional control exercised by modern platforms. In doing so, the article argues that strict intermediary-seller dichotomies are increasingly insufficient to capture the legal reality of e-marketplaces, and that a more nuanced, function-based qualification of platform operators is needed within the framework of digital private law.

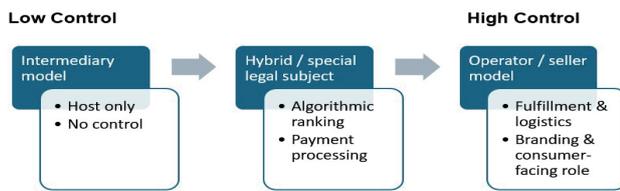

Figure. Functional continuum of market control illustrating the instability of fixed legal classifications

Definitions and classifications

2. 1. Intermediaries

The current dominant position in legal scholarship classifies online marketplaces as intermediaries. Under this approach, platforms are understood as services that allow business users to offer goods and services to consumers and facilitate transactions, rather than directly participating in the sale themselves. Often described as “virtual transaction spaces,” such platforms are not considered parties to the underlying contract between users and therefore bear no contractual obligations in relation to these transactions; Sørensen, for example, compares their role to that of a broker or advertising forum, especially when they simply host third-party content and charge a fee (Sørensen, 2018). The EU e-commerce rules and the Digital Services Act reflect this understanding by emphasizing functions such as data transfer, caching and hosting, and by treating online platforms as hosting service providers that store and distribute user information at their request (Filatova-Bilous, 2021). In private law, an intermediary platform is similarly described as an actor that “establishes contact between two parties” with varying degrees of involvement, but generally without assuming contractual obligations arising from the transaction itself (Table 1).

In Uzbek legal scholarship, electronic platforms are mostly discussed in the broader framework of electronic transactions and digital turnover, rather than as autonomous contracting parties. Sh. Ruzinazarov, for example, characterizes

online platforms as participants in digital civil turnover and emphasizes the need for enhanced consumer protection mechanisms, while pointing out the inadequacy of traditional civil law instruments when applied to transactions carried out through a platform (Ruzinazarov et al., 2023).

2. 2. Operators

Conversely, some scholars and courts argue that these marketplaces should be recognized as operators or even sellers or joint traders, as they exercise “decisive influence” over key aspects of transactions, such as pricing, terms, performance or payment flows. In this vein, the European Law Institute’s Model Rules and the revised EU Product Liability Directive of 2024 also aim to treat these platforms as economic operators (e.g., fulfillment service providers) in certain cases, imposing liability on them where the manufacturer or importer responsible for the product cannot be identified (Fairgrieve et al., 2024). Abrosimova further identifies the role of marketplaces in exercising control over transactions and interactions with customers, noting that they may possess a level of agency similar to that of direct sellers (Abrosimova, 2024). Furthermore, US case law on product liability (e.g., *Oberdorf v. Amazon*) and European commentaries note that platforms may be “the only member of the marketing chain available for compensation,” thus justifying the imposition of liability similar to that of a seller in certain circumstances (De Chiara et al., 2025). The Law of the Republic of Uzbekistan “On Electronic Commerce” introduces the concept of an electronic commerce operator and imposes organizational and compliance obligations on digital platforms. S. Erkoboev defines marketplaces as “information systems enabling remote purchase/sale of goods/services,” distinguishing operators (legal entities providing platform services) from simple information hosts, reflecting Article 1 of Law № 792 (Erkaboev, 2024).

Table 1

Doctrinal approaches to the legal classification of online marketplace operators

Approach	Legal status of the platform	Key classification criteria	Representative authors	Legal consequences (liability)
Intermediate model	Mediator / hosting service provider	Formal non-participation in the contract; passivity; lack of knowledge or control over illegal activity; provision of technical infrastructure only	Sørensen (2018); Filatova-Bilous (2021); Bulgakova and Deruma (2020)	Broad exemptions from liability through safe harbor regimes; limited duty to monitor; liability arising mainly from gaps in the notification and action system
Model Operator/ Salesman	Operator, trader or joint seller	Decisive influence over essential elements of the transaction (pricing, terms, payment, performance); representation as a contractual counterparty	Kraulin (2022); Verbruggen & Ulfbeck (2022); Abrosimova (2024); De Chiara et al. (2025)	Seller-like liability or joint liability for defective products and consumer harm; extended duties of care and compliance
Special legal entity (hybrid model)	The platform as a separate legal entity with context-dependent status	Degree of functional control; ability to prevent harm; internalization of risk; algorithmic management; ecosystem-level impact	Lefouili & Madio (2022); Fairgrieve and others. (2024); Onianova (2025); Ruzinazarov and Achilova (2023)	Gradual or risk-based liability; tailored duties of care, transparency and monitoring; liability proportionate to participation, not formal status
Uzbek doctrinal and legislative approach	E-commerce operator	Registration, compliance obligations, functional responsibility	Ruzinazarov (2023); Achilova (2023); Erkoboev (2024); Law № 792	Liability arising from the operator’s organisational and compliance obligations

2.3. Special legal entities

However, a growing body of research argues that neither the intermediary nor the operator classification fully captures the legal reality of online marketplaces, instead pointing to the need to recognize them as special legal entities. For example, A. Onianova presents a comparative analysis that shows that while marketplaces can be considered as intermediaries under existing laws, their operational complexity could justify a revision that recognizes them as distinct actors with specific rights and responsibilities (Onianova, 2025). The activities of online marketplaces extend beyond simple intermediation to include organizing markets, controlling data flows, and setting the rules of digital ecosystems

(Cohen, 2017). As a result, platforms can exert “overriding influence” on both sides of the market through mechanisms such as algorithmic curation, reputation systems, and standardized contractual terms. On this basis, scholars such as Lefuili and Madio argue for a tailored regulatory approach that combines “safe harbor” protections for intermediaries with tailored duties of care, transparency obligations, and risk-based responsibilities (Lefuili & Madio, 2022).

Although Uzbek legal doctrine does not explicitly formulate a sui generis or hybrid classification of market operators, many authors implicitly adopt a functional perspective. Sh. Ruzinazarov emphasizes the growing role of digital platforms in civil turnover, noting that

electronic transactions and online advertising are increasingly challenging traditional contractual mechanisms. According to him, platforms act as active participants in digital turnover, requiring clear legal rules to ensure consumer protection and transaction security, especially within the framework of the Digital Uzbekistan-2030 strategy. Together with L. Achilova, he emphasizes the hybrid nature of electronic transactions, which combine elements of civil law and information technology regulation, while pointing out gaps in law enforcement resulting from the lack of precise legal qualification of platform participants (Ruzinazarov et al., 2023).

These observations indicate that both foreign and Uzbek academic research are increasingly converging on the functional complexity of online marketplaces, even if they differ in terminology and conceptual framework. However, the practical application of intermediary, operator, and hybrid models continues to generate uncertainty and conflicting legal outcomes, as the boundaries between these classifications remain unstable and context-dependent. This in turn necessitates a critical examination of the internal coherence and practical adequacy of each model.

Main part

Critical analysis of doctrinal models

3.1. Degree of control over the transaction

A central criterion for assessing the adequacy of existing doctrinal models is the degree of control exercised by online marketplace operators over transactions mediated by the platform. However, control is not limited to formal participation in the contract, but extends to the ability to shape the conditions under which transactions are carried out, including their visibility, execution and enforcement. From this perspective, the classification of intermediaries fails to recognize these

functions when applied to contemporary market practices.

The traditional intermediary model assumes that platforms play a largely passive role, limited to providing a technical infrastructure that enables contact between buyers and sellers (Filatova-Bilous, 2021). This assumption underlies the safe harbor regimes established in EU e-commerce legislation and confirmed by the Digital Services Act, which provide for exemption from liability in the absence of knowledge and control over illegal activity. The intermediary is thus conceptualized as a neutral intermediary or hosting service provider whose involvement does not extend beyond the storage and transmission of user-generated content.

However, this characterization increasingly diverges from the operational reality of large online marketplaces. In practice, platforms often exert decisive influence over key elements of the transaction, including the presentation and ranking of offers, the standardization of contract terms, the organization of payment systems, and, in many cases, the provision of logistics and fulfillment services. Algorithmic ranking mechanisms determine which products are visible to consumers, while standardized interfaces structure consumer choices and behavior. Such forms of influence go beyond mere facilitation and allow platforms to actively shape market outcomes.

This functional control challenges the assumption of passivity that underlies the intermediary model. Although platforms cannot formally enter into contracts in their own name, their ability to determine the terms under which contracts are concluded raises questions about the appropriateness of treating them as legally neutral actors. Verbruggen and Wolfbeck note that the distinction between “facilitation” and “control” becomes increasingly blurred when platforms systematically intervene in the

transactional process, rather than simply hosting third-party content (Verbruggen & Wolfbeck, 2022). The reality that platforms dictate terms and potentially prioritize their own content over that of others creates an environment in which their control can, in functional terms, resemble that of a traditional seller.

The operator-like or seller-like model responds to this tension by focusing on functional involvement rather than formal contractual status. When a marketplace exercises control comparable to that of a traditional trader, for example, setting material terms, managing payments or organizing performance – it becomes difficult to justify excluding it from legal liability on the basis of formal non-involvement alone. This reasoning is reflected in recent developments in product liability law, in particular in Directive (EU) 2024/2853 on liability for defective products, where platforms can be treated as economic operators when they perform functions that position them similarly to other actors in the supply chain (European Union, 2024). A striking example of this is found in the regulatory framework established by the proposed EU Law on Artificial Intelligence, which calls for increased accountability for platforms using algorithmic systems (European Commission, 2025). These provisions illustrate the recognition that such platforms not only facilitate transactions, but also actively shape the transactional environment in ways that can have a significant impact on both consumers and sellers.

At the same time, the degree of control exercised by markets is neither uniform nor static. Platforms can act as relatively passive intermediaries in some transactions, while in others they take a far more active role. Such variability points to the limitations of rigid categorical classifications that give a single legal status

to the platform as a whole, regardless of its specific involvement in specific transactions. Uzbek scholars such as Yakovenko A. similarly emphasize that platforms that structure transactions through standardized terms and centralized payment mechanisms cannot be treated as neutral intermediaries, especially in hybrid B2C/C2C models (Yakovenko, 2021).

In practice, for example, a marketplace may remain formally separate from third-party sales while imposing detailed terms on product listings, thereby shaping communication and expectations between consumers and sellers. In other cases, such as during promotional campaigns, platforms may take a more active role, organizing logistics or coordinating marketing efforts. This functional flexibility highlights the inadequacy of classifications based on an abstract notion of passivity.

Accordingly, the assessment based on the degree of transactional control reveals a structural weakness in the intermediary model: its reliance on an abstract notion of passivity that fails to adequately reflect the functional realities of contemporary online markets.

3.2. Risk allocation and ability to prevent harm

A second crucial criterion for assessing doctrinal models on the legal status of online marketplace operators is the allocation of risk and the corresponding ability to prevent harm arising from transactions carried out through a platform. In private law, liability is traditionally linked not only to formal participation in contractual relations, but also to the participant's ability to foresee, monitor and mitigate risks. From this perspective, the classification of intermediaries raises concerns when it allocates liability away from the participants who, as described by the European Parliamentary Research Service, are best placed to prevent harm (Khambatta, 2021.).

(European Parliament Parliamentary Research Service, 2021). Under the intermediary model, marketplaces are largely insulated from liability, provided they neither control the content of transactions nor have sufficient knowledge of illegal activity. Safe harbor regimes reflect this logic, limiting liability when platforms act passively and respond promptly to notices. Kirk and Cullen therefore argue that this framework prioritizes the protection of innovation and the freedom to host user-generated content while minimizing monitoring obligations that could impose a disproportionate burden on digital service providers (Krik & Cullen, 2020).

However, this risk allocation is increasingly problematic in the context of large-scale online marketplaces. Unlike individual sellers or consumers, platform operators are “repetitive players” with centralized access to transaction data, technological tools for surveillance and the economic capacity to implement preventive measures. As highlighted in the European Parliamentary Research Service study, these structural advantages put platforms in a uniquely effective position to identify recurring patterns of illegal behavior, defective products or misleading practices and to intervene proactively through risk management mechanisms (European Parliament Parliamentary Research Service, 2021). However, the intermediary model often places the consequences of harm on consumers or third-party sellers, even when platforms have facilitated, structured or benefited from the transaction.

The mismatch between risk allocation and preventive capacity is particularly visible in cases involving defective products or illegal content. In such situations, consumers may face significant obstacles in identifying or pursuing claims against upstream actors, especially when sellers

are anonymous, foreign or economically insolvent. As De Chiara et al. note, the platform operator may in practice be “the only accessible and economically viable party capable of providing redress” (De Chiara et al., 2025). Attributing liability exclusively to third-party sellers in these circumstances risks undermining the effectiveness of consumer protection mechanisms.

In contrast, operator- and functional-oriented approaches emphasize the platform’s ability to internalize risks and allocate costs. From an economic and regulatory perspective, imposing liability on actors capable of preventing harm can create incentives to invest in monitoring, quality control, and compliance mechanisms. When platforms bear at least partial liability, Hua and Spear suggest, they are more likely to adopt preventive strategies, such as vetting sellers, restricting access to high-risk products, or intervening in transactions that pose increased risk to consumers, by internalizing the expected costs of harm (Hua & Spear, 2025).

Uzbek studies, including Lashina’s, also identify market operators as actors best positioned to prevent harm due to their centralized access to transaction data and monitoring tools, which justifies the allocation of liability on the basis of risk prevention (Lashina, 2026). At the same time, concerns remain that overly broad liability may discourage market entry or innovation, especially for smaller platforms. Scholars such as Verbruggen & Ulfbeck Fairgrieve et al. therefore advocate for graduated or risk-based liability regimes, in which liability increases in proportion to the degree of platform participation and control (Fairgrieve et al., 2024). (Verbruggen & Wolfbeck, 2022). Such approaches seek to avoid both extremes: absolute immunity under the intermediary

model and full liability of the seller, regardless of context.

Allocation of risk thus reveals another structural limitation of the classification of intermediaries. By prioritizing formal non-participation over functional capacity, one risks assigning liability to actors least able to prevent harm while protecting those who actively shape the transactional environment. This mismatch not only weakens consumer protection, but also challenges the coherence of intermediary-based liability frameworks in the context of modern digital markets.

3.3. Internal inconsistencies of the intermediate model

Beyond issues of control and risk allocation, an assessment of the doctrinal models reveals internal inconsistencies, particularly within the intermediary classification, which remains the dominant framework for qualifying online marketplace operators. While the intermediary model is formally based on the assumption of platform passivity, its practical application increasingly relies on regulatory expectations and obligations that imply active participation in transaction processes. This tension undermines the conceptual coherence of intermediary-based classifications (*Table 2*).

At a doctrinal level, intermediary immunity is justified by the presumed neutrality of the platform and the lack of substantial involvement in consumer transactions. Safe harbor regimes condition the exemption from liability on the lack of knowledge and control, thus framing the intermediary as a technical intermediary rather than a market participant. However, this characterization does not fit comfortably into legal frameworks that simultaneously impose obligations for monitoring, risk mitigation, and cooperation with public authorities. The coexistence of immunity based on passivity and obligations based on activity reveals a structural contradiction in the intermediary model itself.

This discrepancy becomes particularly apparent when platforms are required to implement mechanisms for content moderation, vendor vetting, notice and action procedures, or product tracking. Such obligations implicitly recognize that marketplaces have both the capacity and the responsibility to intervene in transactions mediated by the platform. Yet, under the intermediary model, these same platforms continue to benefit from liability limitations that deny the legal relevance of their functional involvement. As a result, the law oscillates between treating platforms as neutral hosts and as active regulators of digital markets.

The intermediary model is further challenged by the differentiated roles that platforms play in different legal contexts. A marketplace may be classified as an intermediary for the purposes of information society regulation while at the same time being treated as an economic operator under product liability rules or as a regulated entity under consumer protection law. This fragmentation not only reflects regulatory pluralism, but also reveals the inability of a single intermediary status to take into account the multifaceted functions of the platform. Maintaining a single classification tends to obscure rather than clarify the legal position of market operators.

Taken together, these inconsistencies suggest that the intermediary model no longer provides a coherent framework for regulating online markets. Its underlying assumption of passivity is difficult to reconcile with contemporary regulatory expectations and practices of platforms. While intermediary classifications may still retain their relevance in narrowly defined contexts, their generalized application to contemporary markets risks leading to fragmented, inconsistent, and normatively unstable legal outcomes.

Table 2

Comparative assessment of doctrinal models for legal qualification of online marketplace operators

Criterion	Intermediate model	Model Operator/ Salesman	Special legal entity (hybrid model)
Degree of control over the transaction	Assumes platform passivity; platform is limited to hosting and facilitating contact between users; no legally relevant control over transaction terms	Emphasizes decisive influence over pricing, payment, performance, or contractual terms; the platform is treated as a market participant	Evaluates control contextually; the role of the platform varies depending on the specific transaction and functions performed
Allocation of risk and liability	Responsibility is primarily placed on third-party sellers; the platform benefits from safe-zone protections	Responsibility is transferred to the platform as a merchant or co-seller	Risk is distributed proportionally to the platform’s involvement and capacity to influence outcomes
Ability to prevent harm	Limited preventive obligations; reliance on notice and action mechanisms	Strong preventive obligations; the platform is incentivized to monitor and control transactions	Graduated preventive obligations based on the functional role and technological capacity of the platform
Conceptual coherence	Relies on an abstract assumption of neutrality and passivity; increasingly incompatible with platform practices	Risks of overextension of liability when platform participation is limited	Maintains coherence by aligning legal qualification with factual relevance
Regulatory compliance	Fragmented application across legal regimes; intermediary status varies depending on context	More consistent within specific liability regimes, but difficult to generalize	Compatible with differentiated regulatory frameworks and modern platform management
Uzbek legal context	Largely rejected	Reflected in the legal concept of «e-commerce operator»	Implicitly supported by functional regulation and doctrine

Hybrid approach to the legal status of market operators

The preceding analysis shows that neither the traditional intermediary model nor the operator- or seller-based classification, when applied in isolation, adequately reflects the legal reality of modern online marketplaces. (Verbruggen & Wolfbeck, 2022). Although classifications of intermediaries remain influential in information society regulation, their reliance on assumptions of platform passivity has proven difficult to sustain given the degree of control, risk allocation and regulatory obligations that characterize modern platforms. At the same time, treating

marketplaces in a uniform and collaborative manner as sellers or co-sellers risks over-extending liability in contexts where platform involvement remains limited.

Against this backdrop, a functional or hybrid approach to the legal qualification of online marketplace operators emerges as the most consistent and normatively defensible framework. Rather than ascribing a single, abstract legal status to the platform as a whole, this approach assesses the role of the platform based on its specific functions within specific transactional contexts (Verbruggen & Wolfbeck, 2022). Legal liability is thus linked not only to

formal contractual involvement but also to the platform's actual capacity to shape transactions, prevent harm, and influence market outcomes, as proposed by Lefouili & Madio (2022) and Onianova (2025).

From a private law perspective, such an approach combines liability with control. Where the platform merely provides a technical infrastructure without influencing the terms of exchange, liability limitations similar to those of intermediaries may remain appropriate. However, where the platform standardizes contractual terms, controls payment flows, organizes performance or algorithmically structures access to users, its role increasingly resembles that of an economic operator. In these circumstances, the exclusion of the platform from liability on the basis of formal non-participation becomes difficult to justify.

The functional approach also offers a more consistent solution for the allocation of risk in platform transactions. As shown in Section 3, large marketplaces have centralized access to transaction data, monitoring technologies, and economic resources that allow them to detect patterns of illegal behavior and prevent harm more effectively than individual users or third-party sellers. According to Hua & Spier, assigning liability proportional to this preventive capacity not only improves consumer protection, but also creates incentives to invest in compliance, quality control, and risk management mechanisms (Hua & Spear, 2025). In this sense, the hybrid qualification reflects a rational distribution of responsibility between the participants who are in the best position to mitigate the harm.

It is important to note that this approach finds implicit support in the Uzbek legal framework and research, in particular in Ruzinazarov and Achilova (2023). The current legislation on e-commerce (Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-792, 2022; Resolution No. PP-885) (2022) treats

market operators as organized economic entities subject to registration, compliance, and consumer protection obligations, rather than as neutral hosts of information. Uzbek scholars also emphasize the active role of platforms in digital civil circulation and the hybrid nature of electronic transactions, combining elements of civil law and information technology regulation. While domestic doctrine has not yet formulated a fully developed hybrid classification, its functional reasoning converges with broader comparative trends identified in foreign research.

By taking into account the variability in platform behavior across transactional contexts, the functional approach avoids the conceptual rigidity of unitary classifications and reduces the risk of conflicting legal outcomes. It allows the same platform to be treated as an intermediary, an operator or a regulated digital participant depending on its actual involvement in the transaction in question. This preserves the benefits of protecting intermediaries where appropriate, while ensuring that platforms do not escape liability when they exercise significant control over market processes (Cohen, 2017).

Accordingly, a hybrid, function-based qualification of online marketplace operators provides a more precise, flexible and normatively sound framework for regulating digital markets. It reconciles doctrinal coherence with regulatory efficiency and offers a principled basis for aligning platform liability with modern commercial realities.

Conclusion

As this article has shown, traditional intermediary-based classifications, while historically influential, are increasingly constrained by the operational realities of modern electronic markets. The degree of transactional control exercised by platforms, their ability to prevent harm, and the expanding scope of regulatory obligations undermine the assumption of platform

passivity on which intermediary immunity is based.

At the same time, the analysis shows that treating marketplaces equally as sellers or co-merchants is equally problematic. Such an approach risks imposing excessive liability in situations where the platform's involvement remains limited and may fail to account for the variability of platform functions across transactional contexts. The binary intermediary-seller dichotomy therefore proves insufficient to capture the complex and evolving role of marketplace operators in digital commerce.

After examining the main doctrinal models in relation to the criteria of control, risk allocation and internal consistency, this article defends a functional, hybrid approach to the legal qualification of online marketplace operators. According to this framework, legal liability is linked to the actual participation of the platform in the transaction structure and its ability to influence the outcomes, and not only to formal contractual participation. Such an approach allows for a differentiated allocation of liability that better reflects economic realities and supports effective consumer protection.

It is important to note that this conclusion is consistent not only with comparative legal studies but also with emerging trends in Uzbek law and doctrine. The current regulation of e-commerce in Uzbekistan treats platform operators as organized economic entities subject to registration and compliance obligations, while local scholars strongly emphasize the hybrid nature of electronic transitions and the limitations of traditional categories used in the digital environment. This indicates an implicit move towards functional reasoning, even if it is not explicitly stated as such.

Ultimately, a functional qualification of online marketplace operators offers a coherent and adaptable framework for regulating digital marketplaces. It preserves protections for intermediaries where appropriate and ensures accountability where platforms exercise significant control, thereby reducing the risk of fragmented and inconsistent legal solutions. As digital commerce continues to grow, the adoption and refinement of such an approach will be essential to maintain doctrinal coherence and legal certainty within digital private law.

REFERENCES

1. Abrosimova, E. A. (2024). Dogovornaya otvetstvennost na rynkakh [Contractual liability in markets]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 8(2), 231–240. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-231-240>
2. Cohen, J. E. (2017). Law for the platform economy. *UC Davis Law Review*. https://lawreview.law.ucdavis.edu/sites/g/files/dgvnsk15026/files/media/documents/51-1_Cohen.pdf
3. De Chiara, A., Manna, E., Ganuza, J. J., Gómez Pomar, F., & Segura Moreiras, A. (2025, March 28). Legal policies on platform liability: An economic approach. *Oxford Law Blogs*. <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/03/legal-policies-platform-liability-economic-approach>
4. Erkaboev, S. (2024). Development trend of the legal regulation of electronic commerce in the Republic of Uzbekistan. *Teoreticheskie aspekty stanovleniya pedagogicheskikh nauk* [Theoretical aspects of the formation of pedagogical sciences], 3(15), 63–70. <https://inlibrary.uz/index.php/tafps/article/view/51349>
5. European Commission. (2025). *Law on Artificial Intelligence (AI Law)*. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai>

6. European Parliament Parliamentary Research Service. (2021). *Responsibility of online platforms*. European Parliament. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/656318/EPRS_STU\(2021\)656318_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/656318/EPRS_STU(2021)656318_EN.pdf)
7. European Union. (2024). *Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products*. Official Journal of the European Union. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj>
8. Fairgrieve, D., Bush, K., & Erdem-Buyuksagis, E. (2024). Product liability and online markets: Comparison and reform. *International and Comparative Law Quarterly*, 73, 1–28. <https://doi.org/10.1017/S0020589324000046>
9. Filatova-Bilous, N. (2021). Once again platform liability: On the edge of the Uber and Airbnb cases. *Internet Policy Review*, 10(2). <https://policyreview.info/articles/analysis/once-again-platform-liability-edge-uber-and-airbnb-cases>
10. Hua, H., & Spear, K. E. (2025). Platform responsibility. *American Economic Journal: Microeconomics*, 17(4), 68–101. <https://doi.org/10.1257/mic.20230282>
11. Khambatta, D. (2021, September 22). Product liability risks for online marketplaces: An international comparison of litigation profiles. *Kennedys Law*. <https://www.kennedyslaw.com/en/thought-leadership/article/product-liability-risks-for-online-marketplaces-an-international-comparison-of-litigation-profiles/>
12. Kirk, D., & Cullen, E. (2020). Liability in online marketplaces: Judgment of the Court of Justice of the European Union in the *Coty v. Amazon* case. *Intellectual Property & Technology Law Journal*, 32(6). <https://www.lw.com/admin/upload/SiteAttachments/IPTLJ%20article%20-%20Online%20Marketplace%20Liability.pdf>
13. Lashina, A. V. (2026). Elektronnaya kommertsiya kak obyekt pravovogo regulirovaniya [Electronic commerce as an object of legal regulation]. *Legal Science: History and Modernity*. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38577939>
14. Lefuili, J., & Madio, L. (2022). The economics of platform liability. *European Journal of Law and Economics*, 53(3), 319–351. <https://doi.org/10.1007/s10657-022-09728-7>
15. Onianova, A. (2025). Responsibility of the markets: A comparative analysis of legal approaches in the USA and France. *Digital Law Journal*, 5(3), 66–82. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-3-2>
16. Republic of Uzbekistan. (2022). Law “On Electronic Commerce”. *Lex.uz*. <https://lex.uz/ru/docs/6213428>
17. Ruzinazarov, Sh. N., Achilova, L. I., & Rakhmonkulova, N. (2023). Classification of types (business models) of electronic commerce and participating entities. *AIP Conference Proceedings*. <https://doi.org/10.1063/5.0147704>
18. Sørensen, M. J. (2018). Intermediary platforms – the contractual legal framework. *Nordic Journal of Commercial Law*, (1), 62–90. <https://journals.aau.dk/index.php/NJCL/article/download/2485/1967/8455>
19. Tashkent times. (2026). Foreign-based marketplaces and streaming services to be required to register in Uzbekistan. *The Tashkent Times*. <http://www.tashkenttimes.uz/national/14397-foreign-based-marketplaces-and-streaming-services-to-be-required-to-register-in-uzbekistan>
20. UzDaily.uz. (2026, January 6). Uzbekistan is preparing new rules for marketplaces and digital platforms. <https://www.uzdaily.uz/ru/v-uzbekistane-gotoviat-novye-pravila-dlia-marketpleisov-i-tsifrovoykh-platform/>
21. Yakovenko, A. (2021). On the issue of civil law regulation of electronic commerce in the Republic of Uzbekistan. *Scientific Journal* (6), 181–192.

Kelib tushgan / Получено / Received: 13.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./IKBW8717>
UDC: 347:338.43(045)(575.1)

QISHLOQ XO'JALIGI SOHASINI HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNI TAKOMILLASHTIRISH MUAMMOLARI

Isanov Xolmurod Ruziyevich,
Toshkent davlat agrar universiteti
Huquqshunoslik kafedrasida dotsenti,
yuridik fanlar doktori
ORCID: 0009-0003-2313-4730
e-mail: isanov59x@mail.ru

Annotatsiya. Ushbu maqolada qishloq xo'jaligi sohasini huquqiy tartibga solish bilan bog'liq muammolar ilmiy tahlil qilingan. Xususan, qishloq xo'jaligi sohasining asosiy subyektlari hisoblangan fermer xo'jaliklari va klasterlar o'rtasidagi huquqiy munosabatlar tizimi, ushbu subyektlarning huquq va majburiyatlari, ularning huquqiy maqomi va javobgarligi to'g'risida huquqshunos olimlar bildirgan ilmiy-nazariy qarashlar, shuningdek, qishloq xo'jaligi sohasiga oid Yevropa Ittifoqi va milliy qonunchilik normalari tahlil qilingan. Milliy huquq doktrinasida fermer xo'jaliklari va klasterlar o'rtasida yuzaga keladigan munosabatlarning huquqiy tabiati har tomonlama tadqiq etilmagani, ushbu subyektlar faoliyatiga davlat organlarining noqonuniy aralashishlari mavjudligi, klasterlar huquqiy maqomiga nisbatan yagona yondashuvning shakllanmagani, fermer xo'jaliklari huquqiy himoyasini kuchaytirish, xususan, ularning mol-mulki daxlsizligini kafolatlashga qaratilgan samarali huquqiy mexanizmlarni yaratish lozimligi to'g'risida fikrlar bildirilgan. Klasterlar faoliyatining huquqiy asoslarini takomillashtirishga qaratilgan "Klasterlar va klaster faoliyati to'g'risida"gi qonunni qabul qilish, shuningdek, ushbu qonunda klaster tushunchasi, uning faoliyatini tashkil etish va amalga oshirish tartib-taomillari, huquqiy maqomi, huquq va majburiyatlari, shuningdek, klaster ta'asischilari tarkibini belgilash va ular o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solish bo'yicha xulosalar ishlab chiqilgan.

Kalit so'zlar: qishloq xo'jaligi, qishloq xo'jaligi subyekti, klaster, fermer xo'jaligi, tadbirkorlik subyektlari, davlat organlari, huquqiy maqom, huquqiy tartibga solish

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЫ

Исанов Холмурод Рузиевич,
доктор юридических наук, доцент кафедры «Правоведение»
Ташкентского государственного аграрного университета

Аннотация. В статье проведён научный анализ проблем, связанных с правовым регулированием сферы сельского хозяйства. В частности, исследуется система правовых отношений между фермерскими хозяйствами и кластерами как основными субъектами аграрной сферы, их права и обязанности, правовой статус и ответственность, а также научно-теоретические взгляды учёных-юристов по данным вопросам. Наряду с этим анализируются нормы национального законодательства и законодательства Европейского

союза, регулирующие сферу сельского хозяйства. Отмечается, что в национальной правовой доктрине недостаточно комплексно исследована правовая природа отношений, возникающих между фермерскими хозяйствами и кластерами, сохраняются случаи незаконного вмешательства государственных органов в деятельность указанных субъектов, отсутствует единый подход к определению правового статуса кластеров. Обосновывается необходимость усиления правовой защиты фермерских хозяйств, в частности создания эффективных правовых механизмов, направленных на гарантирование неприкосновенности их имущества. Сформулированы выводы о целесообразности принятия закона «О кластерах и кластерной деятельности», направленного на совершенствование правовых основ функционирования кластеров, а также о необходимости закрепления в нём понятия кластера, порядка организации и осуществления его деятельности, правового статуса, прав и обязанностей, состава учредителей кластеров и регулирования отношений между ними.

Ключевые слова: сельское хозяйство, субъект сельского хозяйства, кластер, фермерское хозяйство, субъекты предпринимательства, государственные органы, правовой статус, правовое регулирование

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR

Isanov Kholmurod Ruzievich,

Associate Professor of the Department of Law,
Tashkent State Agrarian University,
Doctor of Science in Law

Abstract. In this article, problems related to the legal regulation of the agricultural sector are scientifically analyzed. In particular, the system of legal relations between farms and clusters, which are the main subjects of the agricultural sector, the rights and obligations of these subjects, the scientific and theoretical views expressed by legal scholars on their legal status and responsibility, and the norms of the European Union and national legislation in the field of agriculture were analyzed. In the doctrine of national law, opinions are expressed about the lack of a comprehensive study of the legal nature of relations arising between farms and clusters, the presence of illegal interference of state bodies in the activities of these entities, the lack of a unified approach to the legal status of clusters, and the need to create effective legal mechanisms aimed at strengthening the legal protection of farms, in particular, guaranteeing the inviolability of their property. Conclusions have been developed on the adoption of the Law "On Clusters and Cluster Activities," aimed at improving the legal framework for the activities of clusters, as well as the definition of the concept of a cluster in this law, the procedures for organizing and carrying out its activities, its legal status, rights, and obligations, as well as the composition of the founders of the cluster and the regulation of relations between them.

Keywords: agriculture, agricultural entity, cluster, farm, business entities, state bodies, legal status, legal regulation

Kirish

Qishloq xo'jaligi sohasi iqtisodiyotni rivojlantirishda asosiy tarmoqlardan biri bo'lib, qishloq xo'jaligi mahsulotlarini yetishtirish, qayta ishlash va aholini oziq-ovqat mahsulotlari bilan ta'minlashda muhim ahamiyat kasb etadi. BMTning Oziq-ovqat va qishloq xo'jaligi tashkilotiga (Food and Agriculture Organization) ko'ra, qishloq xo'jaligi subyekti

hisoblangan fermer xo'jaliklari, xususan, oilaviy fermerlar, ochlikni yo'qotishda haqiqiy muvaffaqiyatga erishmoqchi bo'lsa, qishloq xo'jaligi oziq-ovqat tizimlarini o'zgartirishga qaratilgan sa'y-harakatlar markazida bo'lishi lozim. Zero, rivojlangan va rivojlanayotgan mamlakatlarda oilaviy dehqonchilik qishloq xo'jaligi faoliyatining asosiy shakli sifatida qiymat jihatidan jahon oziq-ovqat mahsulot-

larining 80 foizini ishlab chiqarmoqda (Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2019). Dunyo aholisi har soniyada 3 kishiga ko'payib borayotgani va 2050-yilga borib, Yer yuzida 10 milliardga yaqin aholi yashashini hisobga olganda, uni xavfsiz oziq-ovqat mahsulotlari bilan ta'minlash bevosita qishloq xo'jaligi sohasini rivojlantirishga bog'liq (Bayer, n.d.).

O'zbekistonning iqtisodiy salohiyati ham ko'p jihatdan qishloq xo'jaligi sohasining rivojlanganlik va samaradorlik darajasiga bog'liq bo'lib, uning mamlakat iqtisodiyotida tutgan o'rni oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlash, paxtachilik, chorvachilik va bog'dorchilik kabi tarmoqlarni rivojlantirish asosida sanoatning xomashyoga bo'lgan talablarini qondirish orqali iqtisodiyotni barqarorlashtirishga qo'shadigan hissasi bilan belgilanadi. Shu sababli keyingi yillarda mamlakatimiz qishloq xo'jaligi sohasida bir qator islohotlar amalga oshirilmogda va bu islohotlarning asosiy maqsadi qishloq xo'jaligi sohasida haqiqiy mulkdorlar sinfini shakllantirish, erkin bozor munosabatlariga asoslangan zamonaviy ishlab chiqarishni amalga oshirish va uning samarali faoliyat yuritishini ta'minlashga qaratilmogda.

Ta'kidlash kerakki, O'zbekistonning agrar siyosati aholini sifatli oziq-ovqat mahsulotlari bilan ta'minlash, qishloq xo'jaligining umummilliy daromad yaratishdagi hissasini oshirish, atrof-muhitni muhofaza qilish bilan bog'liq muammolarni hal qilish birga mamlakat aholisining yildan yilga ko'payib, oziq-ovqatga bo'lgan ehtiyojning ortib borayotgani qishloq xo'jaligi sohasida bir qator huquqiy islohotlarni ham amalga oshirish zaruratini yuzaga keltirmogda. Zero, qishloq xo'jaligi sohasini huquqiy tartibga solishning samarali mexanizmlarini yaratish orqali mahsulotlarni yetishtirish, ularni qayta ishlash va sotish bo'yicha subyektlar o'rtasidagi munosabatlarning huquqiy asoslarini mustahkamlashga erishish mumkin. Bu esa ushbu sohaga xorijiy investitsiyalarni yanada kengroq jalb qilish,

yer va suv resurslaridan oqilona foydalanish, yerlar unumdorligi va hosildorligini oshirish uchun imkoniyatlar yaratadi.

Keyingi yillarda O'zbekistonda amalga oshirilayotgan iqtisodiy islohotlarning muvaffaqiyati ko'p jihatdan qishloq xo'jaligi sohasi, xususan, fermer xo'jaliklarining rivojlantirish darajasiga bog'liq bo'lib, mamlakatimizda umumiy qishloq xo'jaligi mahsulotlari ishlab chiqarishning 29,8 foizi qishloq xo'jaligi sohasining asosiy subyektiga aylangan fermer xo'jaliklari hissasiga to'g'ri kelmogda (Ministry of Agriculture of the Republic of Uzbekistan, 2023). Fermer xo'jaliklari qishloq xo'jaligi sohasining faol subyektlari sifatida mamlakat oziq-ovqat fondini shakllantirish, oziq-ovqat mustaqilligini ta'minlash, qishloq xo'jaligi mahsulotlarini qayta ishlash sanoati uchun xomashyo yetkazib berish, shuningdek, aholini ish joylari bilan ta'minlash funksiyalarini bajarmogda. Mamlakatimiz iqtisodiyotini barqaror rivojlantirish maqsadlarida 2030-yilgacha bo'lgan davr mobaynida oziq-ovqat sanoati mahsulotlarini ishlab chiqarishni 6 milliard dollardan 12 milliard dollarga, qishloq xo'jaligi mahsulotlarini qayta ishlash hajmini 8 foizdan 25 foizga, umumiy eksport hajmida qayta ishlangan mahsulotlar ulushini 494 million dollar (31%)dan 1 milliard dollar (40%)ga yetkazish nazarda tutilgan (Jumayev, 2023). Biroq qishloq xo'jaligi sohasini rivojlantirishga to'siq bo'layotgan xavf-xatarlar mavjud bo'lib, bular mazkur sohani rivojlantirishdagi nomutanosibliklar, suv resurslarining tanqisligi, qo'shimcha qiymat yaratishning samarasiz zanjirlari, logistika tizimidagi uzilishlar hamda fermer xo'jaliklari faoliyatiga davlat organlari va klasterlarning noqonuniy aralashish holatlarida namoyon bo'lmogda. Bunday holatlar fermer xo'jaliklarining huquqiy himoyasini yanada kuchaytirish, xususan, ularning mulki daxlsizligini kafolatlashga qaratilgan samarali huquqiy mexanizmlarni yaratishga qaratilgan ilmiy taklif va tavsiyalar ishlab chiqish zarurati borligini ko'rsatmogda.

Asosiy qism

Qishloq xo'jaligi sohasida erkin bozor munosabatlarini rivojlantirish, fermer xo'jaliklarining iqtisodiy manfaatlarini himoya qilish hamda ularni zarur moddiy-texnika resurslari bilan ta'minlashga qaratilgan O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 12-dekabrda PF-205-son "Qishloq xo'jaligida erkin bozor munosabatlarini yanada rivojlantirishning qo'shimcha chora-tadbirlari to'g'risida"gi Farmoni qabul qilingan bo'lib, ushbu huquqiy hujjat qishloq xo'jalik sohasida klasterlar va qishloq xo'jaligi mahsulotlarini yetishtiruvchilar o'rtasidagi munosabatlarni bozor tamoyillari asosida takomillashtirish maqsadlarini nazarda tutgan (President of the Republic of Uzbekistan, 2023). Shuni alohida ta'kidlash kerakki, mamlakatimiz milliy huquq doktrinasida fermer xo'jaliklari va klasterlar o'rtasida yuzaga keladigan munosabatlarning o'ziga xos xususiyatlari va huquqiy tabiati tadqiq etilmagan, shu bilan birga, klasterlar huquqiy maqomiga nisbatan yagona qarashlar va yondashuvlar shakllanmagan. Mamlakatimizning yaqin kelajakda barqaror rivojlanish maqsadlariga erishishi ko'p jihatdan qishloq xo'jaligi sohasini huquqiy tartibga solish mexanizmlarining samaradorligiga bog'liq bo'lib, O'zbekistonning 2025-yil 4-iyulda BMT Oziq-ovqat va qishloq xo'jaligi tashkiloti Kengashining 2028–2029-yillarga mo'ljallangan a'zoligiga saylanganligi mamlakatimiz uchun global qishloq xo'jaligi va oziq-ovqat siyosatini shakllantirish, shuningdek, ilmiy asoslangan me'yoriy-huquqiy hujjatlar va standartlarni ishlab chiqishda keng imkoniyatlar yaratadi (Gazeta.uz, 2025). Shulardan kelib chiqib, qishloq xo'jaligi sohasini samarali huquqiy tartibga solishni takomillashtirish bilan bog'liq muammolar, jumladan, fermer xo'jaliklari tomonidan yetishtirilgan mahsulotlarni qayta ishlash asosida tayyor mahsulot ishlab chiqarish orqali barcha talablarga javob beradigan iqtisodiy, tashkiliy-huquqiy mexanizmlardan biri

sifatida klasterlik modelining joriy etilishi masalalarini ilmiy-nazariy jihatdan tadqiq qilish maqsad qilindi. Xususan, klasterlik modelining mazmun-mohiyati, vujudga kelishi va rivojlanishiga oid xorijiy davlatlar tajribasiga e'tibor qaratilib, bunda Yevropa Ittifoqi qoidalaridan mantiqan kelib chiqib, klaster va fermer xo'jaligi o'rtasida tuziladigan shartnomalar uchun namunaviy shartlarni joriy etish, shuningdek, ishlab chiqarilgan tayyor mahsulotlar eksportida yuzaga kelishi mumkin bo'lgan to'siqlarni kamaytirishga qaratilgan O'zbekistonda klasterlar kuzatuv tartib-qoidalarini joriy qilishga oid masalalar tahlil qilindi. Fermer xo'jaliklari va klasterlar o'rtasida yuzaga keladigan huquqiy munosabatlar tizimi, ushbu subyektlarning huquqiy maqomi va javobgarligiga oid ilmiy-nazariy qarashlar, xususan, R. Vignola, S. Harvey, M. Porter, Y. Samostrokova, N. Larionova, D. Krupskiy, O. Oqyulov, S. Xolbayev kabi huquqshunos olimlarning asarlari, shuningdek, qishloq xo'jaligi sohasiga oid Yevropa Ittifoqi va milliy qonunchilik normalaridan foydalanildi, qiyosiy-huquqiy, mantiqiy-yuridik tahlil, sintez va umumlashtirish metodlari qo'llandi.

O'zbekiston Respublikasining "Fermer xo'jaligi to'g'risida"gi Qonuniga ko'ra, fermer xo'jaligi ijaraga berilgan yer uchastkasidan foydalangan holda qishloq xo'jaligi mahsulotini yetishtirish hamda qonunchilikda taqiqlanmagan faoliyat turlari bilan shug'ullanuvchi tadbirkorlik subyekti bo'lib, u ko'p tarmoqli fermer xo'jaligi sifatida qishloq xo'jaligi mahsulotini yetishtirish bilan birga qishloq xo'jaligi mahsulotini qayta ishlash, saqlash va realizatsiya qilish, sanoat ishlab chiqarishi, ishlarni bajarish, xizmatlar ko'rsatish va qonunchilikda taqiqlanmagan boshqa faoliyat turlari bilan shug'ullanishi mumkin (Republic of Uzbekistan, 2004). Fermer xo'jaligi ajratilgan yer uchastkasida o'z ustavida nazarda tutilgan ixtisoslashuvga va ijaraga olish shartnomasiga muvofiq, o'zining ishlab chiqarish faoliyatini tashkil etish, ixti-

soslashuvni hisobga olgan holda va tuzilgan kontraktatsiya shartnomalari asosida qishloq xo'jaligi ekinlarini joylashtirishni mustaqil ravishda amalga oshirish, mahsulotni qayta ishlovchi korxonalarini va o'z mahsulotlari iste'molchilarini mustaqil ravishda tanlash, xarid qilinadigan mahsulotga oldindan haq to'lanadigan fyuchers kontraktlarini tuzish, yetishtirgan mahsulotini, shu jumladan, bu mahsulotni iste'molchilarga realizatsiya qilish huquqini o'z xohishiga ko'ra tasarruf etish va yetishtirayotgan mahsulotiga narx belgilash huquqlariga ega. Shu bilan bir qatorda, fermer xo'jaligiga ajratilgan yer uchastkasidan qonunchilikda va ijaraga olish shartnomasida belgilangan shartlar asosida, ruxsat etilgan foydalanishning asosiy turiga muvofiq samarali va oqilona foydalanilishini ta'minlash, ekologik talablarga va atrof-muhitni muhofaza qilishning boshqa qoidalariga rioya etish, yer uchastkasining meliorativ holatini yaxshilash, uning unumdorligini saqlab qolish va oshirish tadbir-choralarini ko'rish, soliqlar va boshqa majburiy to'lovlarni belgilangan tartibda o'z vaqtida to'lash majburiyatlari yuklatilgan.

Fermer xo'jaligi o'z ustavida va yer uchastkasini ijaraga olish shartnomasida nazarda tutilgan ixtisoslashuvga muvofiq, faoliyati yo'nalishlarini, ishlab chiqarish tuzilmasi va hajmlarini mustaqil ravishda belgilaydi va u qishloq xo'jaligi ishlab chiqarishining har qanday turi bilan, shuningdek, qishloq xo'jaligi mahsulotini qayta ishlash, saqlash va realizatsiya qilish, sanoat ishlab chiqarishi, ishlarni bajarish, xizmatlar ko'rsatish hamda qonunchilikda taqiqlanmagan boshqa faoliyat turlari bilan shug'ullanishga haqli bo'lib, uning xo'jalik faoliyatiga davlat organlari hamda boshqa organlar va tashkilotlar, shuningdek, ularning mansabdor shaxslari aralashuviga yo'l qo'yilmaydi. Davlat organlari va boshqa tashkilotlarning g'ayriqonuniy qarorlari, ular mansabdor shaxslarining va fuqarolarning g'ayriqonuniy harakatlari natijasida fermer xo'jaligiga yetkazilgan zararlar, shu

jumladan, boy berilgan foyda qonunchilikda belgilangan tartibda qoplanishi belgilangan. Shu bilan birga, fermer xo'jaligi o'zining barcha majburiyatlari bo'yicha o'z mol-mulki bilan javob berishi nazarda tutilgan.

Ko'rinib turibdiki, fermer xo'jaliklari faoliyati me'yoriy-huquqiy nuqtayi nazardan tadbirkorlik faoliyati subyektlari tomonidan qonunchilikka muvofiq amalga oshiriladigan, o'zi tavakkal qilib va o'z mulkiy javobgarligi ostida daromad (foйда) olishga qaratilgan tashabbuskorlik faoliyatidan iborat. Institutsional nuqtayi nazardan esa, fermer xo'jaliklari ikki va undan ortiq fuqarolar o'rtasida qishloq xo'jaligi mahsulotlari yoki qishloq xo'jaligi xomashyosini yetishtirish, qayta ishlash, saqlash bo'yicha shartnomaviy munosabatlar bo'lib, bu shuni anglatadiki, fermer xo'jaliklari bir vaqtning o'zida ham qishloq xo'jaligi mahsulotlari qiymat zanjirining birlamchi bo'g'ini, ham qishloq xo'jalik sohasining mustaqil subyekti hisoblanadi.

Yevropa mamlakatlari va AQShda "fermerlik" tushunchasi boshqacha institutsional talqinga egaligini ko'rish mumkin. Odatda fermer xo'jaligi faoliyati dehqonchilik yoki chorvachilik bilan bog'liq kichik yoki o'rta oilaviy biznes bo'lib, u bir vaqtning o'zida ushbu oila va u yollagan ishchilar uchun daromad manbai, shuningdek ma'lum bir mahalliy hudud bilan cheklangan va o'z oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlash usuli bo'lib xizmat qiladi. R. Vignola, S. Harvey va boshqa tadqiqotchilarning olimlarning ta'kidlashicha, kichik va o'rta fermer xo'jaliklari jahon fermer bozorining qariyb 85 foizini tashkil etadi va rivojlanayotgan mamlakatlarda barcha oziq-ovqat mahsulotlarining qariyb 80 foizini ishlab chiqaradi (Vignola et al., 2015). Qishloq xo'jaligi sohasida xo'jalik yuritishning yangi shakli sifatida mamlakatimizda XX asr oxirlarida vujudga kelgan fermer xo'jaliklari mustaqil xo'jalik yuritishning shaxsiy manfaatdorlik, tashabbuskorlik va mulkiy javobgarlik tamoyillariga tayangan holda, mulk shakllarining teng huquqlilik va sog'lom raqobat asosida

rivojlanishiga asoslanadi. Bu esa fermer xo'jaliklari o'zlari yetishtirgan mahsulotlariga egalik qilishiga, o'ziga tegishli mol-mulk, moliyaviy va moddiy resurslarni mustaqil tasarruf etishiga, ajratilgan yerga to'la egalik hissi bilan mustaqil xo'jalik yuritish bo'yicha bozor iqtisodiyoti tamoyillariga mos tushadi. Shuningdek, bizning fikrimizcha, bugun butun dunyoda oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlash eng dolzarb masalaga aylangan bir paytda qishloq xo'jaligi mahsulotlari asosiy ishlab chiqaruvchisi hisoblangan fermer xo'jaliklarini yanada rivojlantirish maqsadga muvofiqdir.

Ta'kidlash kerakki, fermer xo'jaliklari faoliyati samaradorligini oshirish, ishlab chiqarishga yangicha boshqaruv tamoyillari, innovatsion g'oyalar va texnologiyalarni joriy etish, tarkibiy islohotlarni yanada chuqurlashtirish, investitsiyaviy jozibadorlikni yaxshilash, mahsulot yetishtirishning samarali usullaridan foydalanish, ayniqsa, qishloq xo'jaligi mahsulotlarini chuqur qayta ishlash zanjirini yaratish kabi masalalarni hal etishda ishlab chiqarishning zamonaviy usuli sifatida klaster modeli muhim ahamiyat kasb etadi. Hozirda klaster modeli qator xorijiy davlatlar, xususan, Italiya, Germaniya, Avstriyada uzoq yillardan buyon turli ishlab chiqarish sohalarida qo'llanib, amaliyotda eng samarali usullardan biri sifatida o'zini oqlagan. Zamonaviy tadqiqotchilar ham klasterlarni davlat iqtisodiy siyosati doirasida maqsadli rivojlantirish zarurligini ta'kidlaydilar (Krupsky, 2016). Shu sababli Yevropa Ittifoqida klasterlik siyosati a'zo davlatlar siyosatining eng muhim yo'nalishlaridan biri sifatida tan olingan va uni rivojlantirish yuzasidan qator strategik dasturlar qabul qilingan. Jumladan, Yevropa Ittifoqi klaster siyosatining dastlabki huquqiy asosi hisoblangan Yevropa mintaqaviy xartiyasi 1965-yilda qabul qilingan. 1968-yilda Mintaqaviy siyosat bo'yicha Yevropa Komissiyasining Direktorati tuzilgan va uning bazasida 90-yillarda Yevropa klaster siyosatining birinchi umumiy nizomi qabul

qilingan bo'lib, unda klaster modeli ishlab chiqarishning qanday usuli yoki xo'jalik yuritishning qanday tashkiliy-huquqiy shakli ekanligi belgilab berilgan (Clusterland, 2019, November).

"Klaster" nazariyasi ko'p qirrali bo'lgani sababli unga nisbatan turli ilmiy yondashuvlar shakllangan. "Klaster" atamasi ingliz tilida "cluster" so'zidan olingan bo'lib, u "to'planish" yoki "guruh", ya'ni ma'lum xususiyatlarga ega hamda mustaqil birlik sifatida qarash mumkin bo'lgan bir xil tusdagi bir nechta elementlarning yagona maqsad yo'lida birlashuvi, to'planishi hamda guruhi ma'nolarini anglatadi (Wikipedia, n.d.). Amerikalik iqtisodchi olim Maykl Porter klasterni shunday ta'riflaydi: "Klaster – geografik nuqtayi nazardan bir joyda to'plangan o'zaro bog'liq kompaniyalar (ishlab chiqaruvchilar, xomashyo yetkazib beruvchilar, xizmat ko'rsatuvchilar) hamda ularning faoliyatiga aloqador tashkilotlar (ilmiy tadqiqot muassasalari, texnoparklar, tarmoq birlashmalari) guruhi bo'lib, o'zaro chambarchas bog'langan tarmoqlarning yagona texnologik zanjirini tashkil etuvchi integratsion tuzilmalardir, ular bir vaqtning o'zida ham o'zaro hamkorlikda faoliyat olib borishadi, ham ma'lum darajada raqobatchilar sanaladi" (Porter, 2006). N.A. Larionovaga ko'ra, tizimli yondashuv nuqtayi nazardan klaster muayyan maqsad yo'lida birga faoliyat olib boradigan, elementlari o'zaro bog'liqlik va o'zaro tobelikdan iborat yagona tashkiliy tuzilmaga birlashgan, o'zaro bog'liq bo'lgan turli tarmoqlar xo'jalik faoliyati subyektlarining uyushmasidir (Larionova, 2007). O. Oqyulov va S. Xolbayevlar: "Klasterlarning maqsad faoliyati muayyan mahsulotni ishlab chiqarish bilan bog'liq bir necha bosqichdan iborat murakkab jarayonlarni o'z ichiga olar ekan, ushbu bosqichlardagi faoliyat turlari bilan shug'ullanadigan tadbirkorlik subyektlari (ishtirokchilar) va boshqa tegishli tashkilotlar o'rtasidagi hamkorlikni muvofiqlashtirib borish uchun, fikrimizcha, klasterlarning tashkiliy-huquqiy

shakli aksariyat hollarda birlashma, ya'ni mustaqil huquq subyektlari hisoblangan ishtirokchilarning uyushmasidan iborat yuridik shaxs maqomiga ega tashkilot bo'lishi kerak" (Oqyulov & Xolbayev, 2022), – deb tushuntirishadi. Klaster modeliga zamonaviy yondashuv sifatida fikr bildirgan Y. Samostrovkova: "Korxonalar va tadbirkorlarning o'z mahsulotlari raqobatbardoshligini oshirish va mintaqaning iqtisodiy o'sishini ta'minlash uchun ilmiy muassasalar va mahalliy hokimiyat organlari bilan tarmoqlararo hududiy birlashmasi "orqada qolayotgan" tarmoqlarni rag'batlantirish yo'li orqali maqsadli shakllantiriladi va bunda davlat "tashabbus ko'rsatuvchi" rolni bajaradi", – deya ta'kidlaydi (Samostrovkova, 2012).

Ushbu fikrlarga qo'shilgan holda shuni ta'kidlash kerakki, klaster faoliyati ishtirokchilarini muayyan maqsadlar sari bitta klasterga uyushtirish uchun ular faoliyatining o'zaro bog'liqligi yetarli bo'lmaydi, ya'ni ular mahsulot ishlab chiqarish, sotish, xizmat ko'rsatish, xomashyo yetkazib berish kabi masalalar yuzasidan biri-biriga tobe bo'lsada, asosan ularda o'zaro birlashishga intilish kuchli bo'lishi, ya'ni tenglik, erkinlik va ixtiyoriylik tamoyillari asosida huquqiy asoslar yaratilgan bo'lishi lozim. Ya'ni tadqiqotchi S.B. Xolbayev to'g'ri ta'kidlaganidek, klasterlarni rivojlantirish uchun qonuniy bazani mustahkamlash zarur (Xolbayev, 2020).

Yuqoridagilarga asoslanib, "klaster" deganda mulkchilik va xo'jalik yuritishning turli shakllariga asoslangan va urug'ni yerga qadashdan boshlab undan yuqori va qo'shimcha qiymatli mahsulot ishlab chiqarish usuli sifatida tayyor mahsulotlarni ichki bozorga va eksportga yo'naltirishgacha bo'lgan ishlarni birlashtiruvchi tizim tushuniladi. Hozirda ushbu tizim dunyoning ko'plab rivojlangan mamlakatlarida yuqori iqtisodiy samaradorlikka erishishga xizmat qilmoqda. Bu shuni ko'rsatadiki, kooperatsiya va klaster tizimi asosida mahsulot yetishtirish, uni qayta ishlash, saqlash va ichki hamda tashqi

bozorlarga sotish tizimi ko'pchilik mamlakatlarda yaxshi yo'lga qo'yilgan. Shunday ekan, mamlakatimizda bozor iqtisodiyoti tamoyillariga asoslangan klaster tizimini yaratish qishloq xo'jaligi sohasini rivojlantirishda muhim omillardan biri hisoblanadi. Biroq hozirgi kunga qadar klasterlarning huquqiy maqomi belgilanmagan, ularning davlat organlari, fermer xo'jaliklari va boshqa subyektlar bilan o'zaro munosabatlari yetarli darajada huquqiy tartibga solinmagan, shuningdek, klasterlar faoliyatini tashkil etish va amalga oshirishga nisbatan yagona yondashuvlar shakllanmagan. Albatta, bu kabi muammolar mamlakatimizda bozor munosabatlarini jadal rivojlantirish va halol raqobat uchun shartsharoitlar yaratishga to'sqinlik qilgani holda, klasterlar tizimida faoliyat ko'rsatuvchi subyektlar, xususan, fermer xo'jaliklarining huquq va qonuniy manfaatlari buzilishiga va buning oqibatida ularga moddiy-ma'naviy zarar yetkazilishiga olib keladi.

Xulosa

Qishloq xo'jaligi sohasida mustaqil subyekt sifatida klasterlar faoliyat ko'rsatishiga qaramasdan, ularning faoliyatini tashkil etish va amalga oshirish tartib-taomillari mavjud emasligi, huquqiy maqomi belgilanmaganligi, xususan, klasterlar va fermer xo'jaliklari o'rtasida yuzaga keladigan mulkiy munosabatlarni amalga oshirishda fuqarolik huquqining yuridik tenglik, mulk daxlsizligi, shartnoma erkinligi va huquqni suiiste'mol qilishni taqiqlash kabi tamoyillari qo'pol ravishda buzilayotganiga asoslanib, quyidagi xulosalarga kelish mumkin:

birinchidan, klaster bir necha mustaqil yuridik shaxslar o'rtasida erkinlik va tenglik asosida tuziladigan, bir-biri bilan ishlab chiqarish zanjiri orqali o'zaro bog'langan va bir-birini bosqichma-bosqich to'ldirib boradigan, shuningdek, muayyan soha yoki yo'nalishda birgalikda faoliyat yurituvchi yuridik shaxslarning ixtiyoriy birlashmasi deb belgilanishi;

ikkinchidan, "Klasterlar va klaster faoliyati to'g'risida"gi qonun qabul qilinishi va ushbu

qonunda klaster tushunchasi, klasterlar faoliyatini tashkil etish va amalga oshirish tartib-taomillari, uning huquqiy maqomi, huquq va majburiyatlari, mol-mulki, javobgarligi, klaster boshqaruvi organlari va ularni tashkil etish tartibi, klaster ta'rischilari tarkibiga qabul qilish va undan chiqarish, shuningdek, klaster faoliyatini qayta tashkil etish va tugatishga oid huquqiy normalar belgilanishi;

uchinchidan, O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining "Yuridik shaxslar" deb nomlangan 4-bobiga tijoratchi tashkilotning alohida tashkiliy-huquqiy shakli sifatida "klaster"ga oid huquqiy norma kiritilishi;

to'rtinchidan, klasterlar va fermer xo'jaliklari faoliyati ustidan davlat nazorati "minimal aralashuv – maksimal qo'llab-quvvatlash" tamoyili asosida amalga oshirilishi va "davlatning haddan tashqari aralashuvi" cheklanishi;

beshinchidan, fermer xo'jaliklari va davlat o'rtasida tuzilgan yerdan foydalanishga oid ijara shartnomalarining muddatidan oldin bekor qilinishi taqiqlanishi;

oltinchidan, klasterlar va fermer xo'jaliklarining shartnomaviy-huquqiy bazasi, shuningdek, moliyaviy xatarlarni sug'urtalash mexanizmlari takomillashtirilishi lozim.

REFERENCES

1. Bayer. (n.d.). *Pozabotimsya o budushchem sel'skogo khozyaystva* [Let us take care of the future of agriculture]. <https://www.bayer.ru/ru/sustainability/nutrition>
2. Clusterland. (2019, November 13). *Klasternaya politika Evropy: Vchera i segodnya* [Cluster policy of Europe: Yesterday and today]. <https://clusterland.by/2019/11/13/klasternaya-politica-evropy>
3. Food and Agriculture Organization of the United Nations [FAO]. (2019). *Global forum of the UN decade of family farming 2019–2028 begins*. <https://www.fao.org/newsroom/detail/global-forum-of-the-un-decade-of-family-farming-2019-2028-begins/ru>
4. Gazeta.uz. (2025, July 8). *O'zbekiston BMTning oziq-ovqat va qishloq xo'jaligi tashkiloti (FAO) Kengashiga saylandi* [Uzbekistan elected to the Council of the UN Food and Agriculture Organization (FAO)]. <https://www.gazeta.uz/uz/2025/07/08/fao/>
5. Jumayev, N. X. (2023). *Oziq-ovqat xavfsizligi va ovqatlanish sifati* [Food security and quality of nutrition]. <https://parliament.gov.uz/oz/articles/1681>
6. Krupsky, D. M. (2016). *Klastery, klasternoe razvitie, klasternaya politika v Respublike Belarus: Evolyutsiya vzglyadov, realnaya praktika, tendentsii i perspektivy* [Clusters, cluster development and cluster policy in the Republic of Belarus: Evolution of views, real practice, trends and prospects]. *Ekonomika i banki [Economy and banks]*, 2, 87–96.
7. Larionova, N. A. (2007). *Klasternyy podkhod v upravlenii konkurentosposobnostyu regiona* [Cluster approach in managing regional competitiveness]. *Ekonomicheskiy vestnik RGU [Economic Bulletin of RSU]*, 1, 182.
8. Oqyulov, O., & Xolbayev, S. B. (2022). *Xo'jalik subyektlarining yangi tashkiliy-huquqiy shakli sifatida klasterlar: voqelik va istiqbollari* [Clusters as a new organizational and legal form of economic entities: Reality and prospects]. Tashkent: TSUL Publ.
9. Republic of Uzbekistan. (2004). *Fermer xo'jaligi to'g'risidagi qonun* [Law of the Republic of Uzbekistan "On farming enterprises"]. <https://lex.uz/acts/275195>
10. President of the Republic of Uzbekistan. (2023, December 12). *Qishloq xo'jaligida erkin bozor munosabatlarini yanada rivojlantirishning qo'shimcha chora-tadbirlari to'g'risida* (PF-205-son

Farmoni) [On additional measures to further develop free market relations in agriculture (Presidential Decree No. PF-205)]. <https://lex.uz/uz/docs/6692968>

11. Ministry of Agriculture of the Republic of Uzbekistan. (2023). *O'zbekiston qishloq xo'jaligining yillik hisoboti: Erishilgan natijalar, tahlillar va tendensiyalar* [Annual report of agriculture of Uzbekistan: Achieved results, analyses and trends]. <https://www.agro.uz/wp-content/uploads/2024/03/agriculture-annual-report-2023>

12. Porter, M. E. (2006). *Konkurentsia* [Competition]. Moscow: Williams.

13. Samostrokova, E. S. (2012). *Klassifikatsiya klasterov predpriyatii* [Classification of enterprise clusters]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 1, 141.

14. Vignola, R., Harvey, C. A., Bautista-Solis, P., Avelino, J., Rapidel, B., Donatti, C., & Martinez, R. (2015). Ecosystem-based adaptation for smallholder farmers: Definitions, opportunities and constraints. *Agriculture, Ecosystems & Environment*, 211, 126–132.

15. Wikipedia. (n.d.). *Klaster* [Cluster]. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кластер>

16. Xolbayev, S. B. (2020). *Klasterlik faoliyatiga oid milliy qonunchilikning ahamiyati va uni rivojlantirish zaruriyati* [The importance of national legislation on cluster activity and the need for its development]. Tashkent: TSUL Publ.

Kelib tushgan / Получено / Received: 13.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 12.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./NUPB6687>

UDC: 347.9:342.7(045)(575.1)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ГРАЖДАН

Базарбаева Шахло Рахимовна,
студентка 2-го курса факультета
международного права и сравнительного правоведения
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0006-2271-2262
e-mail: shakhlobazarbaeva070601@gmail.com

Собитова Умидахон Мурод кизи,
самостоятельный соискатель,
преподаватель сектора «Суд, правоохранные
органы и адвокатура»
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0000-0003-1257-0599
e-mail: sobitova.umidakhon@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются значение и особенности взаимодействия судебных и правоохранных органов Республики Узбекистан в процессе обеспечения верховенства закона и защиты прав и свобод граждан. Основное внимание уделяется анализу структуры, функций и взаимосвязи указанных органов, а также их роли в формировании правового государства. В исследовании отражены ключевые направления, закреплённые в Указах Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» и «О Стратегии “Узбекистан – 2030”», в которых особый акцент сделан на реформировании судебной системы и укреплении принципа справедливости. Отмечается необходимость согласованных и скоординированных действий судов, органов прокуратуры и иных институтов, обеспечивающих защиту прав человека. Подчёркивается, что эффективное взаимодействие указанных органов выступает важнейшим условием формирования демократического общества, основанного на доверии граждан к праву и государственным институтам.

Ключевые слова: верховенство закона, судебная система, правоохранные органы, взаимодействие, правовое государство, независимость суда, реформы, цифровизация, защита прав граждан

FUQAROLAR HUQUQLARINI TA'MINLASHDA HUQUQNI MUHOFAZA QILUVCHI ORGANLAR VA SUD TIZIMINING O'ZARO HAMKORLIGI

Bazarbaeva Shaxlo Raximovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Xalqaro huquq va qiyosiy huquqshunoslik fakulteti
2-bosqich talabasi

Sobitova Umidaxon Murod qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Sud, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va
advokatura sho'basini o'qituvchisi,
mustaqil izlanuvchi

Annotatsiya. Maqolada qonun ustuvorligini ta'minlash, fuqarolarning huquq va erkinliklarini himoya qilish jarayonida O'zbekiston Respublikasi sud hamda huquqni muhofaza qilish organlari o'rtasidagi hamkorlikning ahamiyati va o'ziga xos xususiyatlari ko'rib chiqiladi. Shuningdek, ushbu organlarning tuzilmasi, funksiyalari va o'zaro aloqasi hamda ularning huquqiy davlatni barpo etishdagi roli tahlil qilinadi. Tadqiqotda O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "2022–2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to'g'risida"gi va "O'zbekiston-2030" strategiyasi to'g'risida"gi farmonlarida belgilangan asosiy yo'nalishlar aks ettirilgan bo'lib, ularda sud-huquq tizimini isloh qilish va adolat prinsipini mustahkamlashga alohida e'tibor qaratilgan. Maqolada sudlar, prokuratura va inson huquqlari himoyasini ta'minlovchi boshqa institutlarning kelishilgan va muvofiqlashtirilgan harakatlari zarurligi ta'kidlangan. Ushbu organlarning samarali hamkorligi fuqarolarning huquqqa va davlat institutlariga bo'lgan ishonchiga asoslangan demokratik jamiyatni shakllantirishning muhim sharti ekanligi qayd etilgan.

Kalit so'zlar: qonun ustuvorligi, sud tizimi, huquqni muhofaza qilish organlari, o'zaro hamkorlik, huquqiy davlat, sud mustaqilligi, islohotlar, raqamlashtirish, fuqarolar huquqlarini himoya qilish

INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND THE JUDICIAL SYSTEM IN ENSURING THE RIGHTS OF CITIZENS

Bazarbaeva Shakhlo Rakhimovna,
2nd-year student at the Faculty of International Law and
Comparative Legislation,
Tashkent State University of Law

Sobitova Umidaxon Murod kizi,
Lecturer of the Department of Court,
Law Enforcement Agencies and Advocacy,
Tashkent State University of Law,
Independent Researcher

Abstract. The article examines the significance and specifics of the interaction between the judicial and law enforcement agencies of the Republic of Uzbekistan in ensuring the rule of law and protecting the rights and freedoms of citizens. The main focus is on analyzing the structure, functions, and interrelationships of these bodies, as well as their role in the formation of a legal state. The study reflects the key directions enshrined in the Decrees of the President of the Republic of Uzbekistan "On the New Uzbekistan Development Strategy for 2022-2026" and "On the "Uzbekistan-2030" Strategy," in which special emphasis is placed on reforming the judicial-legal system and strengthening the principle

of justice. The need for coordinated actions of courts, prosecutor's offices, and other institutions ensuring the protection of human rights is noted. It is emphasized that the effective interaction of these bodies serves as the most important condition for the formation of a democratic society based on citizens' trust in law and state institutions.

Keywords: rule of law, judicial system, law enforcement agencies, interaction, legal state, judicial independence, reforms, digitalization, protection of citizens' rights

Введение

В современном мире, где все сферы жизнедеятельности людей развиваются наряду с совершенствованием технологий, правовые нормы и их реализация в реальной жизни также приобретают новые формы, на которые невозможно не обращать внимания. Как справедливо отмечал всемирно известный выдающийся учёный Альберт Эйнштейн: «Пока существует несправедливость, человечество не может считать себя цивилизованным» (Einstein, 1954). Это подчёркивает особую и важную роль, которую играет справедливо действующая правовая система и право в целом для надлежащего и стабильного развития общества, государства, а также граждан.

Продолжая рассуждения о развитии и справедливости, можно сказать, что главная задача любого государства – обеспечить охрану прав и интересов граждан, служить народу, определить и задать верное направление на пути к построению сильного правового демократического государства с устойчивой и эффективной правовой системой во всех сферах. Следует отметить особую и актуальную в настоящее время роль правоохранительных и судебных органов в обеспечении прав и свобод, установленных Основным законом – Конституцией Республики Узбекистан, а также многочисленными другими нормативно-правовыми актами, прав, свобод и законных интересов всего населения и каждого человека.

Важна не только эффективность выполнения ими своих функций, но и их

взаимодействие, скоординированная совместная работа в различных ситуациях. Так, если обратиться к Указу Президента Республики Узбекистан «О Стратегии “Узбекистан – 2030”», можно увидеть, что в данном нормативно-правовом акте закреплены ключевые цели и задачи, реализация которых является приоритетной для всех государственных органов и организаций. Среди этих задач особое место отводится реформам по обеспечению верховенства закона и развитию судебно-правовой системы, повышению уровня правосудия путём координации и совершенствования судебной власти, а также направлению и координации деятельности правоохранительных органов на защиту интересов, чести, достоинства и прав человека. Кроме того, Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» своей 17-й целью определил формирование нового имиджа правоохранительных органов и ориентацию их деятельности на эффективную защиту интересов, чести и достоинства, прав и свобод народа.

Эти задачи уже свидетельствуют о том, что эффективность защиты прав и свобод, интересов, чести и достоинства человека напрямую зависит от интеграции и надлежащего функционирования ключевых правоохранительных и судебных органов. В этой связи важно понять, что они собой представляют, каким образом взаимодействуют, какие пробелы и проблемы существуют в их деятельности, а также какие возможные решения могут быть предложены.

На это обращает внимание и Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев, который в своём выступлении 7 января 2017 года, посвящённом Дню работников органов прокуратуры, особо подчеркнул важную роль органов прокуратуры в обеспечении законности и справедливости (Mirziyoyev, 2017). Он отметил: «Народ может терпеть любые трудности, но не может терпеть несправедливость», обращая внимание на высокую ответственность органов прокуратуры перед обществом. Также было подчеркнуто значение взаимодействия органов прокуратуры с другими институтами власти – судами, органами внутренних дел и обществом – как органа надзора за исполнением законов в целях эффективной реализации принципа верховенства закона.

Основная часть

Если обратиться к самому понятию правоохранительных органов, то под ними понимаются специальные государственные органы, созданные в целях обеспечения законности и правопорядка, охраны права и действующие на основании и в соответствии с Конституцией и другими законами (Volkova, 2017). Как указывается в большинстве учебников и научных источников, система правоохранительных органов включает следующие органы: суд, прокуратуру, органы внутренних дел, органы государственной безопасности, таможенные органы, органы предварительного расследования, органы юстиции.

Каждый из перечисленных органов занимает своё место в системе и выполняет собственные функции, одинаково значимые для укрепления правовых гарантий граждан.

Говоря об Узбекистане, следует отметить, что правоохранительная система в целом схожа с перечисленными выше характеристиками, однако из данной си-

стемы исключены суды – как независимая ветвь государственной власти. Если перечислить органы, осуществляющие правоохранительную деятельность в нашей стране, то к ним относятся: Министерство юстиции и его территориальные органы, органы прокуратуры, Министерство внутренних дел, Служба государственной безопасности, Налоговый комитет; Таможенный комитет; Национальная гвардия; Бюро принудительного исполнения при Генеральной прокуратуре Республики Узбекистан; следственные органы и специализированные департаменты.

В законодательстве Республики Узбекистан действуют законы «О прокуратуре», «Об органах внутренних дел», «О службе государственной безопасности Республики Узбекистан», «О Национальной гвардии», которые чётко определяют функции указанных органов, обеспечивая их надлежащее взаимодействие и предотвращая дублирование полномочий в различных сферах деятельности. Функции и цели правоохранительных органов вытекают уже из самого наименования: термин «правоохранительная» означает восстановление, защиту и охрану прав. Введение данного понятия предполагает любой вид и форму защиты, предусмотренные законодательством, с учётом функций каждого из правоохранительных органов. Вместе с тем принципиально важно, чтобы каждый орган надлежащим образом взаимодействовал с другими, обеспечивая нормальное функционирование личности, общества и государства, а также защиту иных охраняемых законом объектов.

Особого внимания заслуживает роль прокуратуры среди всех правоохранительных органов, поскольку в Узбекистане именно она осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории Республики Узбекистан. Закрепление данного положения

в Основном законе – Конституции Республики Узбекистан, в статье 143, а также выделение отдельной главы Конституции (глава XXV) наглядно демонстрируют место прокуратуры и значение её эффективного функционирования в обеспечении действия законов.

Прокуратура является единственным органом, осуществляющим надзор за исполнением и соблюдением законов в соответствующих сферах правоотношений. По этому поводу Н. Н. Карпов совершенно справедливо отмечает: «...Никакой иной орган государственной власти не наделён законодательством полномочиями по осуществлению надзора за соблюдением Конституции и законов страны» (Карпов, 2007).

Важно также подчеркнуть взаимодействие суда и прокуратуры, которое выступает ключевым фактором реализации правоохранительной функции. Правоохранительная функция представляет собой закреплённую государством юридическую защиту личности, её прав, свобод и законных интересов, а также имущества от любых посягательств. Она включает контроль за исполнением всеми органами возложенных на них задач и обязанностей, обеспечение общественного порядка и, что особенно важно, осуществление надзорной деятельности за соблюдением норм Конституции и законов. Таким образом, правоохранительные органы осуществляют надзор за исполнением требований, предусмотренных Конституцией и законами, тогда как судебные органы действуют исключительно в соответствии с Конституцией и законами, разрешая дела справедливо и законно.

Основные задачи органов правоохранительной системы включают (Russian Federation, n.d.):

охрану государственного и общественного строя;

укрепление законности и правопорядка;

защиту прав и свобод человека и гражданина;

охрану законных прав и интересов организаций, предприятий и учреждений;

борьбу с преступностью.

Лишь при условии надлежащего исполнения всех указанных задач и одновременного взаимодействия и сотрудничества между органами можно говорить об эффективном функционировании правоохранительной функции в целом.

Почему суд в Узбекистане не входит в систему правоохранительных органов? Судебные органы представляют собой независимые органы государственной власти, осуществляющие правосудие и тем самым обеспечивающие защиту и восстановление прав и свобод. В Узбекистане суды не входят в систему правоохранительных органов, поскольку они образуют самостоятельную, независимую ветвь государственной власти. В соответствии с нормами Конституции Республики Узбекистан судебной власти посвящена отдельная глава – глава XXIII, которая закрепляет её особое место наряду с законодательной и исполнительной ветвями власти.

Судебная система в Республике Узбекистан состоит из следующих судов (Karimova et al., 2019): Конституционный суд Республики Узбекистан; Верховный суд Республики Узбекистан; военные суды; суды по гражданским и уголовным делам Республики Каракалпакстан; областные и Ташкентский городской гражданские и уголовные суды; межрайонные, районные суды по гражданским делам, районные (городские) уголовные суды; экономические и административные суды Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента; межрайонные, районные, городские экономические суды; районные и городские административные суды.

Несмотря на то что судебная власть в Республике Узбекистан является незави-

симой и самостоятельной ветвью государственной власти, она тесно связана с функционированием всей системы правоохранительных органов. Независимость судов означает отсутствие подчинения другим ветвям власти и принятие решений исключительно на основе Конституции и законов, с соблюдением принципов законности и справедливости. Взаимодействие с правоохранительными органами осуществляется строго в рамках принципа разделения властей, что обеспечивает баланс и надлежащее функционирование всей правоохранительной системы.

Принцип разделения властей, так называемый *principle of checks and balances*, закреплённый в Конституции Республики Узбекистан, представляет собой фундаментальное начало разграничения ветвей государственной власти. При этом он не предполагает полной изоляции каждой ветви. Напротив, ограничение полномочий и чёткое определение границ компетенции позволяют органам государственной власти правильно взаимодействовать и сотрудничать, обеспечивая достижение поставленных целей и реальное осуществление правоохранительной функции государства, направленной на формирование сильного правового демократического государства.

Судебная власть выделена не только потому, что она осуществляет рассмотрение и разрешение конкретных дел, но и для того, чтобы в процессе исполнения законов контролировать законность отдельных действий правоохранительных органов и обеспечивать баланс их полномочий. В этом контексте суды участвуют в координации деятельности органов внутренних дел, следствия и иных правоохранительных структур, давая разрешения на осуществление определённых процессуальных действий и оценивая их законность. Так, в пункте 3 статьи 27 Конституции Республики Узбекистан уста-

новлено: «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по решению суда». Данное положение наглядно демонстрирует важность надлежащего взаимодействия и чёткого распределения функций между органами государственной власти.

Именно разрешение суда служит необходимым условием для того, чтобы следственные и иные уполномоченные органы могли применять меры, связанные с ограничением личной свободы. В этом и проявляется сущность взаимодействия в обеспечении прав и свобод, а также законных интересов человека. На первый взгляд подобные процедуры могут показаться излишними, однако для реализации подлинных принципов и целей Конституции, в которой права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, именно через такие механизмы обеспечивается их реальная защита. Независимость судебной власти в сочетании с её взаимодействием с правоохранительными органами позволяет поддерживать баланс и гарантировать надлежащую защиту прав и законных интересов граждан.

Переходя к практическим примерам, иллюстрирующим взаимодействие судов и правоохранительных органов, следует обратиться к нормам Закона Республики Узбекистан «О прокуратуре» и уголовно-процессуального законодательства. Так, при применении меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста на стадии досудебного производства такая мера может быть отменена или изменена прокурором, а также дознавателем или следователем с согласия прокурора при отсутствии оснований для дальнейшего содержания лица под стражей или его нахождения под домашним арестом, с обязательным информированием суда (статья 240 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан).

Даже на стадии досудебного производства отчётливо прослеживается необходимое соотношение полномочий различных органов. Хотя отмена или изменение меры пресечения относится к компетенции прокурора, обязанность информирования суда подчёркивает принцип взаимного контроля и взаимодействия. Это служит дополнительной гарантией защиты прав граждан и подтверждает, что взаимодействие правоохранительных и судебных органов должно быть направлено прежде всего на обеспечение прав и свобод человека.

Следующим примером, демонстрирующим интеграцию между органами, является норма, касающаяся обязанностей органов внутренних дел. В частности, к их обязанностям относятся: оказание содействия органам, осуществляющим доследственную проверку, органам дознания и следствия, а также суду при производстве отдельных процессуальных действий; исполнение определений суда, постановлений прокурора, следователя, дознавателя и должностного лица органа, осуществляющего доследственную проверку, о принудительном приводе лиц, уклоняющихся от явки по вызову; осуществление на основании постановления суда административного надзора за лицами, освобождёнными из учреждений по исполнению наказаний; принятие мер по обеспечению охраны жизни, здоровья и имущества судей, прокуроров, следователей, дознавателей, потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей при наличии угрозы опасности (Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел»).

Установленные законом обязанности органов внутренних дел наглядно свидетельствуют о тесной связи суда с правоохранительными органами, направленной на обеспечение того, чтобы производство не только в рамках судебного заседания, но и на предшествующих стадиях осуществлялось в строгом соответствии с

законодательством и с учётом основных прав и свобод граждан. Особое значение имеет последняя из перечисленных обязанностей – обеспечение охраны жизни, здоровья и имущества представителей правоохранительных органов, в том числе судей, а также членов их семей. Это показывает, что взаимодействие важно не только для защиты граждан и формирования у них чувства защищённости, но и для взаимной поддержки самих органов, включая защиту их собственных прав и законных интересов. Такое взаимодействие укрепляет правоохранительную систему, которая, в свою очередь, должна быть изначально устойчивой и эффективной, чтобы обеспечивать дальнейшую реализацию правовых норм, направленных на защиту прав других лиц.

Ещё одним значимым фактором, влияющим на законность судебных решений, является участие прокурора в судебных разбирательствах. Прокурор выступает в суде в качестве надзирающего органа, действует от имени государства, имеет право участвовать во всех судебных инстанциях и поддерживает государственное обвинение. Это необходимо для того, чтобы в судебном процессе присутствовал орган, представляющий интересы граждан, предприятий, учреждений и организаций. В рамках обвинительной функции прокуратура должна надлежащим образом ориентировать суд, обеспечивая принятие справедливого приговора с учётом всех доказательств и обстоятельств дела. В случаях, когда обвинение не имеет достаточных оснований и не подтверждается доказательствами, прокурор обязан отказаться от поддержания обвинения.

Вместе с тем, как и в любой сфере государственной деятельности, во взаимодействии правоохранительных органов существуют определённые пробелы, выявление которых является необходимым условием для их устранения. Одним из

ключевых проблемных аспектов является отсутствие полной независимости судебной системы при осуществлении контроля над правоохранительными органами.

В докладе Государственного департамента США о состоянии прав человека в Республике Узбекистан (U.S. Department of State, 2021, May) подчёркивается, что, несмотря на конституционное закрепление судебной власти, её фактическая независимость и беспристрастность в ряде случаев остаются ограниченными. Отмечается, что органы прокуратуры и иные правоохранительные структуры могут оказывать влияние на судей с целью принятия определённых процессуальных решений, что отражается на содержании выносимых судебных актов. При этом уязвимость судей усиливается возможностью их досрочного и фактически произвольного освобождения от должности, независимо от срока полномочий, что создаёт предпосылки для политического и институционального давления. В результате роль прокуратуры выходит за рамки стадии предварительного расследования и приобретает заметное значение непосредственно в судебном разбирательстве, что противоречит принципу независимости судебной власти и негативно сказывается на уровне доверия общества к судебным органам.

Следующей проблемой является недостаточная вовлечённость правоохранительных органов в предупреждение преступлений и, как следствие, неэффективная реализация их превентивной функции. Согласно отчёту Генерального прокурора, заслушанному Сенатом в 2024 году, из более чем 67 тысяч зарегистрированных преступлений около 62 % могли быть предотвращены. Подобные показатели свидетельствуют о низком уровне координации и взаимодействия между органами правоохранительной системы. Усиление сотрудничества и взаимной поддержки между ними могло бы способствовать

формированию устойчивого правопорядка и снижению уровня преступности.

Анализ отчёта OECD Anti-Corruption Network – Антикоррупционной сети Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, 2024) также указывает на наличие случаев роста коррупционных проявлений в деятельности правоохранительных органов, что ставит под сомнение прозрачность и открытость принимаемых ими решений (см. табл.). Помимо этого, отмечается недостаточная подотчётность указанных органов в части результатов их деятельности. Данные факторы негативно влияют на уровень доверия граждан не только к правоохранительным органам и институтам правосудия, но и к государству в целом, поскольку указанные органы действуют от имени государства.

Таблица

**Уровень эффективности и баллы
 Узбекистана по областям оценивания**

Сфера оценивания	Уровень эффективности	Баллы
СО-1: Антикоррупционная политика	Очень высокий	83,6
СО-2: Конфликт интересов и декларации активов	Низкий	11,8
СО-3: Защита осведомителей	Низкий	0
СО-4: Добропорядочность в бизнесе	Средний	40,7
СО-5: Добропорядочность в публичных закупках	Высокий	53,2
СО-6: Независимость судебной власти	Средний	27
СО-7: Независимость органов прокуратуры	Низкий	20,4
СО-8: Специализированные антикоррупционные институты	Низкий	14,6
СО-9: Привлечение к ответственности за коррупционные преступления	Низкий	23,1

Данные представленной таблицы показывают, что независимость судов и органов прокуратуры, а также специализированных антикоррупционных институтов находится в неудовлетворительном состоянии. Необходимо направить все усилия на повышение показателей по всем сферам и отраслям. Это является гарантией не только для граждан, что государство надлежащим образом защищает их права, но и для самого государства – с целью выхода на международную арену как страны с сильной правовой системой, развитой демократией и высоким уровнем осуществления правосудия.

Независимость судебной власти может рассматриваться как ключевое условие эффективного взаимодействия суда и правоохранительных органов. В этой связи целесообразно проведение реформ, направленных на обеспечение более прозрачной процедуры назначения судей, расширение их процессуальной автономии и повышение ответственности за вмешательство в судебную деятельность. Как отмечается в Стратегии развития «Узбекистан – 2030», приоритетом государства является «повышение независимости и профессионализма судов, укрепление гарантий прав человека и справедливости».

Не менее значимым является расширение практики судебного контроля над действиями правоохранительных органов на стадии досудебного расследования, особенно при задержании, избрании мер пресечения и санкционировании оперативно-розыскных мероприятий. Это способно существенно снизить риски злоупотреблений со стороны следственных органов. Судебный порядок санкционирования ареста и продления срока содержания под стражей введён с 2021 года, однако на практике сохраняется необходимость дополнительного обучения судей и следователей принципам состязательности и презумпции невиновности.

Одним из возможных решений проблемы недостаточного прокурорского надзора и слабой профилактики преступности может стать переориентация деятельности органов прокуратуры с преимущественно карательной на предупредительную и аналитическую функцию. Президент Ш.М. Мирзиёев неоднократно подчёркивал, что прокурор должен выступать не карателем, а защитником интересов граждан и предпринимателей, «создающим условия для справедливости и законности».

Для противодействия коррупционным рискам необходима более активная ориентация органов прокуратуры и следствия на подотчётность парламенту и гражданскому обществу. С этой целью была создана Комиссия Сената по контролю за деятельностью прокуратуры, однако важно обеспечить открытость её докладов и доступность информации для широкой общественности.

Наконец, ещё одним важным шагом в сфере борьбы с коррупцией должен стать запуск электронных систем в судебно-правовом пространстве, включая единый электронный формат взаимодействия судебных, прокурорских и правоохранительных органов, использование электронных конференций и мониторинг хода судебных дел. Это позволит ускорить процессы и минимизировать коррупционные риски и влияние человеческого фактора. Так, в 2024 году Министерством юстиции был реализован пилотный проект по интеграции судебных данных с общими базами данных органов внутренних дел и прокуратуры.

Заключение

Таким образом, эффективная интеграция между правоохранительными и судебными органами является ключевым элементом обеспечения реального верховенства закона и укрепления доверия граждан к механизмам, направленным

на установление законности и справедливости в деятельности государства и его органов. Вместе с тем существующие пробелы в их деятельности, угрозы независимости, недостаточная прозрачность и слабый уровень взаимодействия требуют дальнейшего развития данной сферы. Необходимо усилить подотчётность правоохранительных органов и контроль за их деятельностью, а также внедрять и развивать цифровые механизмы взаимодействия между прокуратурой и судебной системой.

Следует подчеркнуть, что обозначенные меры не являются исчерпывающими. Важно, чтобы каждый гражданин чувствовал себя полностью защищённым государством и был уверен в существовании эффективной системы, обеспечивающей защиту его прав и законных интересов. Ведь, как справедливо отметил Ш. М. Мирзиёев, обеспечение верховенства закона в обществе является гарантией эффективности всех осуществляемых реформ и важнейшим фактором повышения уровня жизни населения.

REFERENCES

1. Abdrakhmanova, B. S. (2013). Problemy koordinatsii i vzaimodeistviya sudov i pravookhranitel'nykh organov [Problems of coordination and interaction between courts and law enforcement agencies]. *Gaps in Russian Legislation*, 5. <https://cyberleninka.ru>
2. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. (2023). *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo v Uzbekistane: Voprosy vzaimodeistviya* [Civil society and the rule-of-law state in Uzbekistan: Issues of interaction]. Tashkent.
3. Constitution of the Republic of Uzbekistan. (2023, April 30). National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. <https://lex.uz/docs/6445147>
4. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. (2024, December 4). National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. <https://lex.uz/docs/111463>
5. President of the Republic of Uzbekistan. (2022, January 28). Decree No. UP-165 “On the Development Strategy of New Uzbekistan for 2022–2026.”
6. President of the Republic of Uzbekistan. (2023, September 11). Decree No. UP-60 “On the Strategy ‘Uzbekistan – 2030.’” Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, No. 37.
7. Einstein, A. (1954). *Ideas and opinions*. New York: Crown Publishers.
8. Government of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). Rule of law as a criterion for ensuring justice. <https://old.gov.uz>
9. Kainov, A. S. (2016). Prokuratura kak spetsialnyy pravookhranitel'nyy organ [The prosecutor's office as a special law enforcement body]. *Legal Science*, 3. <https://cyberleninka.ru>
10. Karimova, O., Ismatova, N., Sarikov, Sh., & Omonova, O. (2019). *Osnovy gosudarstva i prava Respubliki Uzbekistan* [Fundamentals of the state and law of the Republic of Uzbekistan] (E. Sarikov, Ed.). Tashkent: Huquq va Jamiyat.
11. Karpov, N. N. (2007). *Prokuratura v sisteme gosudarstvennoy vlasti Rossiiskoy Federatsii* [The prosecutor's office in the system of state power of the Russian Federation]. Moscow: Zakon i Pravo; UNITY-DANA.
12. Republic of Uzbekistan. (2016, September 16). Law “On Internal Affairs Bodies.” National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. <https://lex.uz/docs/3027845>
13. Republic of Uzbekistan. (2001, August 29). Law “On the Prosecutor's Office.” National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. <https://lex.uz/docs/105533>
14. Mirziyoyev, Sh. M. (2017). We are building a free and prosperous, democratic state of Uzbekistan. <https://www.facebook.com/Mirziyoyev/posts>

15. Organization for Economic Co-operation and Development. (2024). *Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Uzbekistan: The Istanbul Anti-Corruption Action Plan* (OECD Publishing). <https://doi.org/10.1787/363ba9d8-en>

16. Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan. (2024). *Report of the Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan on the state of legality in the country for 2024*. Tashkent. <https://www.uzdaily.uz>

17. Stepanov, O. A. (2017). Vzaimodeistvie pravookhranitel'nykh organov i sudebnogo soobshchestva [Interaction between law enforcement agencies and the judicial community]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 1(62). <https://cyberleninka.ru>

18. System of judicial and law enforcement bodies in the Russian Federation. (n.d.). <https://foxford.ru>

19. Kun.uz. (2021, May 25). Judiciary in Uzbekistan does not operate with complete independence and impartiality. <https://kun.uz>

20. Volkova, K. A. (2017). Kontseptsii «pravookhranitel'naya deyatel'nost'» i «pravookhranitel'nyy organ» i ikh osnovnye kharakteristiki [The concepts of "law enforcement activity" and "law enforcement agency" and their main characteristics]. *Scientific Research*, 2(13). <https://cyberleninka.ru>

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./WTUE5604>
UDC: 343(045)(575.1)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЁННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Аббосов Мирсултон Миршароф угли,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0000-0002-1173-6254
e-mail: abbosovmirsulton@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется влияние стремительного развития систем искусственного интеллекта и автономных технологий на уголовно-правовые отношения, а также место и роль искусственного интеллекта и функционирующих на его основе технологий в сфере уголовно-правового регулирования и связанные с этим актуальные проблемы. Кроме того, общественно опасные деяния с участием искусственного интеллекта классифицируются на три группы, при этом отдельно рассматривается роль искусственного интеллекта как орудия преступления, а также случаи, связанные с принятием им самостоятельных решений. В работе предлагается определение правового статуса искусственного интеллекта как квазисубъекта и рассматривается концепция технологического соучастия. Обосновывается необходимость унификации международного уголовного права в условиях цифровой трансформации, а также обеспечения баланса между технологическим прогрессом и защитой прав человека.

Ключевые слова: уголовная ответственность, технологическое соучастие, международное уголовное право, искусственный интеллект, автономность, квазисубъект

SUN'IY INTELLEKTDAN FOYDALANGAN HOLDA SODIR ETILGAN JINOYATLAR UCHUN JAVOBGARLIK: XALQARO-HUQUQIY YONDASHUV

Abbosov Mirsulton Mirsharof o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Maqolada sun'iy intellekt tizimlari va avtonom texnologiyalar jadal rivojlanishining jinoyat-huquqiy munosabatlarga ta'siri, shuningdek, sun'iy intellekt va uning asosida ishlaydigan texnologiyalarning jinoyat-huquqiy tartibga solish sohasidagi o'rni va roli hamda bu bilan bog'liq dolzarb muammolar tahlil qilingan. Bundan tashqari, sun'iy intellekt ishtirokidagi ijtimoiy xavfli qilmishlar uch guruhga tasniflanib, bunda sun'iy intellektning jinoyat quroli sifatidagi roli hamda uning mustaqil qaror qabul qilishi bilan bog'liq holatlar alohida ko'rib chiqilgan. Ishda sun'iy intellektning kvazisubjekt sifatidagi huquqiy maqomini aniqlash taklif etilgan va texnologik ishtirokchilik

tushunchasi ko'rib chiqilgan. Raqamli transformatsiya sharoitida xalqaro jinoyat huquqini unifikatsiya qilish, shuningdek, texnologik taraqqiyot va inson huquqlarini himoya qilish o'rtasidagi muvozanatni ta'minlash zarurati asoslantirilgan.

Kalit so'zlar: jinoiy javobgarlik, texnologik ishtirokchilik, xalqaro jinoyat huquqi, sun'iy intellekt, avtonomlik, kvazisubъекt

LIABILITY FOR CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: AN INTERNATIONAL LEGAL APPROACH

Abbosov Mirsulton Mirsharof ugli,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article analyzes the impact of the rapid development of artificial intelligence systems and autonomous technologies on criminal-legal relations, as well as the place and role of artificial intelligence and technologies operating on its basis in the field of criminal-legal regulation and related current problems. In addition, socially dangerous acts involving artificial intelligence are classified into three groups, with the role of artificial intelligence as a tool of crime, as well as cases related to its independent decision-making, being considered separately. The work proposes defining the legal status of artificial intelligence as a quasi-subject and examines the concept of technological co-participation. The necessity of unifying international criminal law in the context of digital transformation, as well as ensuring a balance between technological progress and the protection of human rights, is substantiated.

Keywords: criminal liability, technological complicity, international criminal law, artificial intelligence, autonomy, quasi-subject

Введение

Функции государственной власти реализуются посредством определённых действий, совершаемых субъектами государственной власти. В регулировании общественных отношений, являющемся одной из функций государства, особое место занимают уголовно-правовые отношения. Кодифицированный закон, представляющий собой систему уголовно-правовых норм, в общем смысле является основой уголовного права. Уголовное право – один из основных юридических инструментов борьбы с преступностью. Философ Цицерон в своих взглядах выдвигал идею, согласно которой законы являются основой жизни и управления народа. Безусловно, мы разделяем данное мнение: закон (право) представляет собой силу, определяющую пределы выражения воли личности, общества и государства в

общественной жизни и координирующую их между собой.

В международных нормативно-правовых актах, а также в Конституции Республики Узбекистан закреплено, что человек, его жизнь, свобода, честь и достоинство являются высшей ценностью. Для защиты данной ценности возникают различные правовые отношения. Задача уголовного законодательства Узбекистана закреплена в статье 2 Уголовного кодекса и заключается в охране личности, её прав и свобод, интересов общества и государства, имущества, природной среды, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, а также в предупреждении преступлений и воспитании граждан в духе соблюдения Конституции и законов Республики (Republic of Uzbekistan, 2025). Эти принципы адаптированы к общепризнанным принципам международного

права, предусмотренным статьёй 2 Устава ООН, Декларацией 1970 года «О принципах международного права» и Римским статутом Международного уголовного суда. Указанные нормы ставят перед организациями и механизмами, обеспечивающими демократическую систему уголовного законодательства, три основные задачи:

1) охрану от преступных посягательств общих объектов и общественных отношений, определённых законодателем;

2) предупреждение преступлений;

3) воспитание лиц в духе уважения и соблюдения международных и национальных нормативно-правовых актов.

Исходя из данных задач, современные процессы глобализации и технологического кризиса вызывают новые формы посягательств на охраняемые уголовным законодательством объекты. Безусловно, среди таких посягательств присутствуют отношения, возникающие с участием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Проникновение ИИ во все сферы общественной жизни, его применение при совершении преступлений порождает новые социально-правовые проблемы в уголовном праве. В современной уголовно-правовой доктрине проводятся специальные исследования именно по проблемам уголовной ответственности за общественно опасные деяния, совершаемые с помощью или посредством ИИ. Для реализации вышеуказанных задач уголовное законодательство опирается на нормы, формирующие уголовно-правовые отношения, а именно на положения и принципы, определяющие, является ли деяние преступлением или нет, и устанавливающие ответственность. Это требует совершенствования уголовно-правовой доктрины с целью определения уголовно-правовых аспектов регулирования ИИ.

Основная часть

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере уго-

ловного права, возникающие в условиях цифровой трансформации и развития технологий ИИ, а именно:

отношения по установлению уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием ИИ, при его участии или посредством автономных решений технологий ИИ;

отношения по определению правового статуса ИИ в структуре состава преступления;

отношения по квалификации роли ИИ как орудия или средства совершения преступления либо как квазисубъекта правоотношений;

международно-правовые отношения по разработке и имплементации норм, регулирующих применение ИИ в повседневной жизни и уголовно-правовой сфере, направленные на обеспечение баланса между технологическим прогрессом, защитой прав человека и соблюдением общепринятых международным правом принципов.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. В качестве общенаучных методов использованы сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить сходства и различия в подходах различных правовых систем к регулированию ИИ; системно-структурный метод, направленный на анализ нормативно-правовых актов и институтов как целостных систем с учётом их взаимосвязей и иерархии; прогностический метод, применяемый для моделирования возможных сценариев развития правового регулирования ИИ в будущем; аксиологический метод, ориентированный на оценку ценностных аспектов этических и социальных последствий внедрения ИИ; а также метод моделирования, использованный для создания гипотетических правовых конструкций и сценариев применения ИИ в различных

сферах. Специально-юридические методы дополняют анализ: формально-юридический метод применён для толкования норм международного, зарубежного и отечественного права; формально-логический метод – для выявления логических связей между понятиями и нормами; историко-правовой метод – для изучения эволюции правового регулирования смежных технологий (робототехника, автоматизация); эмпирический метод – на основе анализа доктринальных источников и статистических данных по инцидентам с ИИ.

По мнению одного из ведущих специалистов в области искусственного интеллекта П. Норвига, концепция ИИ представляет собой совокупность технологий и методов, направленных на создание способности машин выполнять функции, сходные с человеческим интеллектом (Russell & Norvig, 2010). По мере развития ИИ и усиления его сходства с человеческими характеристиками он всё больше влияет на общественные отношения. Это влияние, в свою очередь, требует совершенствования всех отраслей, включая правовые. Такое совершенствование требует реализации основных задач уголовного права в новой форме. На сегодняшний день в законодательстве нормы, регулирующие отношения в сфере ИИ, охвачены не полностью, что порождает случаи ухода от ответственности. Впервые нормативно-правовой акт по регулированию ИИ был принят в Европейском союзе (European Union, 2024), и данный законопроект применяется в качестве программного документа в странах Европы. В государствах – участниках СНГ также существуют нормативно-правовые акты, направленные на развитие ИИ, однако нормативно-правовые документы и государственные стандарты, направленные на регулирование общественных отношений, возникающих с участием ИИ, пока отсутствуют.

Наряду с положительными аспектами ИИ, существуют и социально опасные. С позиции уголовно-правовых отношений, по результатам исследований, социально опасные проявления ИИ нами условно разделены на три группы:

1) ИИ управляется человеком (посредством задания, приказа), т. е. выступает как элемент объективной стороны преступления;

2) ИИ самостоятельно принимает решения и совершает преступление;

3) преступление совершается при участии ИИ и человека, когда каждый из них принимает самостоятельное решение.

В первой группе ИИ рассматривается в уголовно-правовом отношении как техническое средство, характерное для отдельных факультативных признаков объективной стороны преступления. Учёный-юрист М. А. Иващенко, ссылаясь на определение, данное в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, принятой в Российской Федерации, утверждает, что ИИ следует рассматривать как техническое средство (Ivashchenko, 2022). В настоящее время многие учёные так же, как и Иващенко, считают, что с точки зрения уголовного права ИИ должен оцениваться как орудие преступления или средство его совершения. Отечественные учёные М. Х. Рустамбаев и М. Усманиев определяют орудием преступления материальный объект, специально предназначенный для совершения преступления или непосредственно используемый для его реализации (Rustambayev, 2018). Средство совершения преступления, по их мнению, это предмет, призванный облегчить совершение уголовно наказуемого деяния. В уголовном праве данные предметы в целом обозначаются термином «орудие преступления».

Исходя из указанных определений, орудием преступления является актив-

ный объект, непосредственно используемый при его совершении, тогда как средство – пассивный объект. По своим характеристикам ИИ может выступать как в качестве орудия преступления, так и в качестве средства. Если рассматривать ИИ как орудие преступления, он воспринимается как активно воздействующая сила; при этом, как правило, преступления совершаются умышленно, и ИИ становится не средством, а неотъемлемым элементом объективной стороны преступления.

К средствам совершения преступлений можно отнести технологии, оснащённые ИИ: роботы, дроны, программы по созданию фальшивых аудио- и видеоматериалов (нарушающих неприкосновенность личной жизни, честь, достоинство), устройства, управляющие кибератаками и др. Такие технологии могут быть использованы в качестве орудия преступления и затрагивать несколько охраняемых объектов Уголовного кодекса, в том числе жизнь, безопасность человечества, честь и достоинство, права и свободы, мир и имущество.

Вторая группа – наиболее дискуссионная и касается ответственности за преступления, совершаемые посредством самостоятельных решений ИИ. Российский правовед В. А. Лаптев, опираясь на национальный стандарт Российской Федерации GOST R 43.0.5.-2009 (2009), определяет ИИ как смоделированную интеллектуальную деятельность человеческого мышления (Laptev, 2019). Сторонники данного подхода считают, что ИИ идентичен естественному сознанию, вследствие чего он обладает самостоятельностью и должен рассматриваться как самостоятельный правовой субъект.

М. Г. Щербаков также определяет ИИ как систему, сходную с человеком (Shcherbakov, 2019). Профессор Йельского университета Дж. М. Балкин в концепции *Information Fiduciaries* предлагает рас-

сматривать цифровые технологии и ИИ в качестве «ответственных за информацию лиц», признавая их субъектами права (Balkin, 2016). Профессоры Университета Торонто Б. Аларье и А. Айдид в книге «Правовая сингулярность» (Alarie & Aidid, 2023) утверждают, что признание ИИ субъектом права и определение его прав и обязанностей являются необходимыми. Они предполагают, что самостоятельная деятельность ИИ порождает юридические последствия, и это требует его признания субъектом права.

Третья группа основана на авторском философском подходе и предполагает ситуации, когда ИИ и человек принимают независимые решения, но совместно приводят к совершению преступления. В таких преступлениях решения человека и ИИ самостоятельны, но направлены на общий преступный результат. Например: намеренное распространение персональных данных, автоматизированное распространение ложной информации, финансовое мошенничество с применением технических средств и др. С учётом отсутствия ответственности ИИ в настоящее время, в подобных случаях ответственность несёт исключительно человек, что противоречит принципам справедливости и ответственности за вину. Профессор кафедры уголовного права Г. Халлеви предлагает концепцию «гибридной ответственности», подразумевающую совместную ответственность человека и ИИ при определённом уровне автономности ИИ (Hallevy, 2015).

На основании результатов научных исследований можно утверждать, что в условиях технологического прогресса и нарастающего подражания ИИ человеческому поведению актуализируется необходимость разработки моделей уголовной ответственности ИИ, концепций технологического соучастия и альтернативных видов наказания. Под технологическим

соучастием в уголовном праве понимается участие систем, оснащённых технологиями ИИ, роботов или других высокотехнологичных устройств совместно с человеком при совершении преступления. Также представляется необходимыми разработка международных обязательных стандартов для ИИ, определение его правового статуса и ответственности в зависимости от уровня автономности, а также обеспечение общепризнанных прав в международно-правовом пространстве.

Признаки ИИ позволяют провести определённую аналогию его с субъектом уголовного права – физическим лицом – и выделить его среди других технических устройств. Однако на данный момент ИИ следует рассматривать как квазисубъект. Под этим понимается технологическая или социальная модель (искусственная или смешанная), которая сама по себе не является полноценным субъектом права, но при этом участвует в социально-правовых отношениях и своими действиями может вызывать определённые правовые последствия.

Таким образом, в эпоху цифровой трансформации технологии ИИ становятся важной частью правоприменительной практики, включая международное уголовное право. Они открывают новые возможности: помогают расследовать сложные преступления, анализировать улики, выявлять транснациональные преступные организации и повышать эффективность работы международных судебных органов.

Но вместе с тем появляются серьёзные юридические и этические вопросы. Отсутствие глобальных стандартов регулирования ИИ, риск алгоритмической дискриминации, возможное нарушение прав человека, а также вопросы ответственности за действия автономных систем требуют внимательного анализа и разработки надёжных механизмов контроля.

Международное уголовное право должно эволюционировать с учётом этих технологических изменений. ИИ не должен заменять человека, он должен выступать лишь вспомогательным инструментом для специалистов международной юстиции. Будущее этой области зависит от умения находить баланс между инновациями и защитой прав человека, между технологическим прогрессом и принципами законности и справедливости.

Решение этих задач возможно только при совместной работе государств, учёных, международных организаций и разработчиков технологий. Создание единой международной правовой системы для регулирования ИИ станет важным шагом к повышению глобальной безопасности.

Заключение

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. ИИ в современном уголовном праве требует дифференцированного подхода в зависимости от степени его участия в преступлении. Выделены три основные группы социально опасных проявлений ИИ: управляемый человеком (элемент объективной стороны преступления), автономно действующий (дискуссионный вопрос о правосубъектности) и гибридная модель совместного участия ИИ и человека. В настоящее время ИИ следует рассматривать как квазисубъект – технологическую модель, которая участвует в социально-правовых отношениях и может вызывать определённые правовые последствия, не являясь при этом полноценным субъектом права. Такой подход позволяет учитывать специфику ИИ как орудия или средства совершения преступления, затрагивающего охраняемые Уголовным кодексом объекты – жизнь, безопасность человечества, честь и достоинство, права и свободы, мир и имущество. Использование технологий ИИ при совершении преступлений должно

рассматриваться как отягчающее обстоятельство, усиливающее общественную опасность деяния и требующее более строгой уголовной ответственности. Это обусловлено повышенной латентностью таких преступлений, масштабностью причиняемого вреда, трудностями установления виновных лиц и техническими возможностями ИИ по совершению массовых противоправных действий.

2. Существующие пробелы в законодательстве государств – участников СНГ, регулирующем отношения в сфере ИИ, порождают случаи ухода от ответственности и противоречат принципам справедливости. В отличие от Европейского союза, принявшего первый нормативно-правовой акт по регулированию ИИ, в странах СНГ отсутствуют государственные стандарты и нормативно-правовые документы, направленные на регулирование общественных отношений с участием ИИ. Актуализируется необходимость разработки моделей уголовной ответственности ИИ, концепции технологического соучастия (участие систем с ИИ совместно с человеком при совершении преступления) и альтернативных видов наказания. Особое внимание следует уделить установлению уголовной ответственности за разработку, создание и распространение вредоносных систем ИИ, специально предназначенных или потенциально способных причинить вред охраняемым уголовным законом объектам. Такая ответственность должна распространяться на разработчиков, программистов и иных лиц, умышленно создающих системы ИИ с заведомо опасными функциями (автоматизированные кибератаки, системы создания дипфейков для мошенничества, автономные устройства для причинения вреда здоровью и др.), а также на лиц, допустивших грубую неосторожность при разработке автономных систем, повлёкшую тяжкие последствия. Для реализации основных задач уголовного права – охраны

от преступных посягательств, предупреждения преступлений и воспитания в духе уважения закона – требуется создание правовых механизмов, адекватных современному уровню технологического развития.

3. Решение вопросов уголовно-правового регулирования ИИ возможно только на международном уровне при совместной работе государств, учёных, международных организаций и разработчиков технологий. Необходима разработка международных обязательных стандартов для ИИ, определение его правового статуса и ответственности в зависимости от уровня автономности, а также обеспечение общепризнанных прав в международно-правовом пространстве. Международное сообщество должно выработать единые критерии допустимости разработки и применения ИИ, установить механизмы международного контроля за созданием потенциально опасных систем и предусмотреть транснациональную уголовную ответственность за разработку и использование ИИ в преступных целях. Технологии ИИ должны выступать вспомогательным инструментом в правоприменительной практике и международном уголовном праве, помогая расследовать преступления, анализировать улики и выявлять транснациональные преступные организации, при этом не заменяя человека. Создание единой международной правовой системы для регулирования ИИ, включающей нормы об отягчающих обстоятельствах при использовании ИИ в преступных целях и уголовной ответственности за создание вредоносных систем ИИ, станет важным шагом к повышению глобальной безопасности и обеспечению баланса между технологическим прогрессом, защитой прав человека и соблюдением принципов законности и справедливости, адаптированных к общепризнанным принципам международного права.

REFERENCES

1. Alarie, B., & Aidid, A. (2023). *The legal singularity: How artificial intelligence can make law radically better*. University of Toronto Press.
2. Balkin, J. M. (2016). Information fiduciaries and the First Amendment. *UC Davis Law Review*, 49(4), 1183–1234.
3. Bostrom, N. (2012). The superintelligent will: Motivation and instrumental rationality in advanced artificial agents. *Minds and Machines*, 22(2), 71–85. <https://doi.org/10.1007/s11023-012-9281-3>
4. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford University Press.
5. Bozarov, S. S. (2022). Sun'iy intellekt sohasini rivojlantirish doirasidagi axloqiy va huquqiy tusdagi masalalar [Ethical and legal issues in the development of artificial intelligence]. *Yurist axborotnomasi [Lawyer Herald]*, 5(2), 84–89.
6. European Union. (2024). *Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act)*. *Official Journal of the European Union*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689>
7. Hallevy, G. (2015). *Liability for crimes involving artificial intelligence systems*. Springer International Publishing.
8. Ivashchenko, M. A. (2022). *Novye formy organizovannoy prestupnosti* [New forms of organized crime] [Doctoral dissertation]. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
9. Kashkin, S. Yu., Tishchenko, S. A., & Altukhov, A. V. (2020). Pravovoe regulirovanie primeneniya iskusstvennogo intellekta dlya borby s rasprostraneniem COVID-19: Problemy i perspektivy s uchetom mirovogo opyta [Legal regulation of the use of artificial intelligence to combat the spread of COVID-19: Problems and prospects considering global experience]. *Lex Russica*, 7, 105–114.
10. Laptev, V. A. (2019). Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its functioning]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law Journal of the Higher School of Economics]*, (2), 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79>
11. Otajonov, A. A. (2024). Sun'iy intellekt: Jinoiy javobgarlik va qonunchilikni tartibga solish istiqbollari [Artificial intelligence: Criminal liability and prospects of legal regulation]. *Yurist axborotnomasi [Lawyer Herald]*, (6), 54–69.
12. Republic of Uzbekistan. (2025). *O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi* [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan, No. 03/25/1051/0278.
13. Russell, S., & Norvig, P. (2010). *Artificial intelligence: A modern approach* (3rd ed.). Pearson Education.
14. Rustambayev, M. X. (2018). *O'zbekiston Respublikasi jinoyat huquqi kursi. Tom 1. Jinoyat haqida ta'limot* [Criminal law course of the Republic of Uzbekistan. Vol. 1. Doctrine of crime] (2nd ed.). Military-Technical Institute of the National Guard of the Republic of Uzbekistan.
15. Shcherbakov, M. G. (2019). Problemy pravovogo regulirovaniya transformatsii pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta: Postanovka problemy [Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: Problem statement]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences]*, (3), 73–81.

Kelib tushgan / Получено / Received: 29.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./CFNH4272>

UDC: 343.14(045)(575.1)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Базарова Дилдора Бахадировна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета уголовного правосудия
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0000-0002-6833-9508
e-mail: d.bazarova@tsul.uz

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе на основе анализа статей 95 и 95¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан. Проанализировано понятие внутреннего убеждения, исследованы критерии оценки доказательств (относимость, допустимость, достоверность, достаточность) и выявлены проблемы их применения. Детально рассмотрены основания признания доказательств недопустимыми, включая доказательства, полученные путём пыток, фальсифицированные доказательства, доказательства, полученные с нарушением права на защиту, а также новелла 2024 года о недопустимости электронных данных, полученных без участия специалиста. На основе статистических данных Верховного суда Республики Узбекистан выявлено снижение доли оправдательных приговоров за период 2020–2025 годы, что может свидетельствовать о наличии обвинительного уклона в формировании внутреннего убеждения судей. Сравнительно-правовой анализ определил преимущества и недостатки континентальной и англо-американской моделей оценки доказательств. Практические рекомендации включают введение дополнительных процессуальных гарантий для повышения объективности внутреннего убеждения, законодательное закрепление обязательных элементов мотивировки приговоров, введение правил о недопустимости производных доказательств и реформирование системы оценки деятельности судей.

Ключевые слова: внутреннее убеждение, оценка доказательств, недопустимость доказательств, уголовный процесс, критерии доказательств, оправдательные приговоры, обвинительный уклон, электронные доказательства

JINOYAT PROTSESSIDA ICHKI ISHONCHGA KO'RA DALILLARNI BAHOLASHNING NAZARIY MUAMMOLARI

Bazarova Dildora Baxadirovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoiy odil sudlov fakulteti dekani,
yuridik fanlar doktori, professor

Annotatsiya. Ushbu maqola O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining 95- va 95¹-moddalarini tahlili asosida jinoyat protsessida ichki ishonchlilik asosida dalillarga baho berishning

nazariy muammolarini o'rganishga bag'ishlangan. Ichki ishonchlilik tushunchasi tahlil qilinib, dalillarni baholash mezonlari (nisbiylik, maqbullik, ishonchlilik, yetarlilik) tadqiq etilgan va ularning qo'llanishi bilan bog'liq muammolar aniqlangan. Dalillarni nomaqbul deb topish asoslari, jumladan, qiynoqlar orqali olingan dalillar, soxtalashtirilgan dalillar, himoya huquqini buzgan holda olingan dalillar, shuningdek, mutaxassis ishtirokisiz olingan elektron ma'lumotlarga yo'l qo'yilmasligi to'g'risidagi 2024-yilgi yangi qoida batafsil ko'rib chiqilgan. O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudining statistik ma'lumotlari asosida 2020–2025-yillar davomida oqlov hukmlari ulushining kamayishi aniqlandi, bu esa sudyalarning ichki ishonchini shakllantirishda ayblovga moyillik mavjudligidan dalolat berishi mumkin. Qiyosiy-huquqiy tahlil dalillarni baholashning kontinental va anglo-amerika modellarining afzalliklari va kamchiliklarini aniqladi. Amaliy tavsiyalar ichki ishonchning obyektivligini oshirish uchun qo'shimcha protsessual kafolatlarni joriy etish, hukmlarni asoslashning majburiy elementlarini qonun bilan mustahkamlash, hosila dalillarga yo'l qo'yilmasligi to'g'risidagi qoidalarni joriy etish va sudyalarning faoliyatini baholash tizimini isloh qilishni o'z ichiga oladi.

Kalit so'zlar: ichki ishonch, dalillarni baholash, dalillarning nomaqbulligi, jinoyat protsessi, dalillar mezonlari, oqlov hukmlari, ayblov og'ishi, elektron dalillar

THEORETICAL PROBLEMS OF EVIDENCE EVALUATION BASED ON INNER CONVICTION IN CRIMINAL PROCEDURE

Bazarova Dildora Bakhadirovna,
Dean of the Faculty of Criminal Justice,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law, Professor

Abstract. The article is devoted to researching the theoretical problems of OF evidence evaluation based on inner conviction in criminal procedure based on the analysis of Articles 95 and 95¹ of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. The concept of internal conviction was analyzed, the criteria for evaluating evidence (relevance, permissibility, reliability, and sufficiency) were investigated, and the problems of their application were identified. The grounds for recognizing evidence as inadmissible, including evidence obtained through torture, falsified evidence, and evidence obtained in violation of the right to defense, as well as the 2024 novelty on the inadmissibility of electronic data obtained without the participation of a specialist, were thoroughly examined. Based on statistical data from the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan, a decrease in the share of acquittals for the period 2020-2025 was revealed, which may indicate the presence of an accusatory bias in the formation of judges' internal convictions. Comparative legal analysis revealed the advantages and disadvantages of the continental and Anglo-American models of evidence assessment. Practical recommendations include introducing additional procedural guarantees to enhance the objectivity of internal conviction, legally establishing mandatory elements of sentence motivation, introducing rules on the inadmissibility of derivative evidence, and reforming the system for evaluating judges' activities.

Keywords: inner conviction, evidence evaluation, inadmissibility of evidence, criminal procedure, evidence criteria, acquittal verdicts, prosecutorial bias, electronic evidence

Введение

Оценка доказательств по внутреннему убеждению является одним из основополагающих принципов современного уголовного процесса, определяющим механизм формирования выводов о фактических обстоятельствах дела и в

конечном счёте о виновности или невиновности лица. Статьи 95 и 95¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Узбекистан закрепляют систему оценки доказательств, основанную на внутреннем убеждении субъектов доказывания, руководствующихся зако-

ном и правосознанием. Данная система призвана обеспечить баланс между объективностью установления истины и необходимостью учёта специфики каждого конкретного дела.

Актуальность теоретического осмысления принципа внутреннего убеждения обусловлена несколькими факторами. Во-первых, статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан свидетельствуют о существенном снижении доли оправдательных приговоров в период с 2020 по 2025 годы – с 2,05 до 0,53 %, что означает сокращение более чем в три раза. Общий показатель оправдательных приговоров за 2020–2025 годы составляет 1,34 % при общем числе осуждённых 364 778 человек. Столь низкая доля оправдательных приговоров ставит вопрос о возможном наличии обвинительного уклона при формировании внутреннего убеждения судей и эффективности механизмов защиты прав обвиняемых.

Во-вторых, законодательные изменения, внесённые в статью 95¹ УПК Законом Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, установили новое основание недопустимости доказательств – недопустимость электронных данных, полученных без участия специалиста. Данная новелла отражает современные проблемы цифровизации уголовного процесса и требует теоретического осмысления критериев оценки электронных доказательств.

В-третьих, в правоприменительной практике отсутствует единообразное толкование ключевых понятий, используемых в статьях 95 и 95¹ УПК, таких как «установление истины» и «достаточная совокупность доказательств», что создаёт правовую неопределённость.

Современные исследования в области психологии юридического решения показывают, что внутреннее убеждение формируется не только на основе рацио-

нального анализа доказательств, но и под влиянием когнитивных искажений, предустановок и интуитивных факторов. Это порождает противоречие между нормативным требованием объективности оценки доказательств и субъективной природой процесса формирования убеждения. Указанное противоречие представляет собой одну из центральных теоретических проблем современного уголовного процесса, требующую углублённого научного осмысления.

Целью настоящего исследования является выявление теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе Республики Узбекистан и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: проанализировать понятие и сущность внутреннего убеждения как принципа оценки доказательств; исследовать критерии оценки доказательств (относимость, допустимость, достоверность, достаточность) и проблемы их применения; изучить основания признания доказательств недопустимыми, установленные статьёй 95¹ УПК; выявить теоретические проблемы оценки доказательств, включая субъективность внутреннего убеждения, неопределённость понятия правосознания и сложности установления недопустимости доказательств; провести сравнительно-правовой анализ моделей оценки доказательств в зарубежных правовых системах; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере оценки доказательств.

Проблематика оценки доказательств по внутреннему убеждению исследуется в рамках различных научных традиций и

подходов. Исторический аспект формирования принципа внутреннего убеждения рассматривается в работе Esnard и Dumas (2018), которые анализируют внутреннее убеждение как концепцию, возникшую в противовес системе формальных доказательств и провозгласившую приоритет рационального познания над юридическим формализмом. Психологический подход к внутреннему убеждению развивается в исследованиях Pennington и Hastie (1993), демонстрирующих, что судьи и присяжные конструируют нарративы на основе представленных доказательств и оценивают их связность и правдоподобие, что создаёт риск когнитивных искажений.

Сравнительно-правовые исследования оценки доказательств представлены работами Clermont (2009), в которых анализируются различия между континентальной моделью внутреннего убеждения (*intime conviction*) и англо-американским стандартом «вне разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*).

Международно-правовые стандарты оценки доказательств рассматриваются в работе Thienel (2006), посвящённой недопустимости доказательств, полученных путём пыток. Автор обосновывает, что запрет использования таких доказательств является частью обычного международного права и нормой *jus cogens*. Практика Европейского суда по правам человека в сфере оценки доказательств анализируется на примере дел *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom* (2011) и *Schatschaschwili v. Germany* (2015), касающихся допустимости показаний анонимных свидетелей.

Среди отечественных учёных, исследовавших проблемы доказывания и оценки доказательств, следует отметить U. Tuhtasheva (2020), I. Astnova (2021), B. Rajabov (2019), D. Suyunova (2023), B. Muradov (2018), D. Mirazov (2016) и других исследователей.

Существующие исследования сформировали теоретическую основу для понимания принципа внутреннего убеждения. Вместе с тем остаются недостаточно изученными специфические проблемы применения данного принципа в уголовном процессе Республики Узбекистан с учётом статистических данных о низкой доле оправдательных приговоров, законодательных новелл о недопустимости электронных данных и отсутствия чёткого регулирования производных доказательств. Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Формально-юридический метод применяется для анализа содержания статей 95 и 95¹ УПК Республики Узбекистан, выявления их структуры, определения правовых категорий и понятий, установления взаимосвязей между различными нормами. Данный метод позволяет выявить теоретические противоречия в законодательной конструкции принципа внутреннего убеждения и определить пробелы в регулировании оценки доказательств.

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления национальной модели оценки доказательств с континентальной и англо-американской моделями, а также для анализа опыта Германии, Франции, скандинавских стран, США и Великобритании. Сравнительный анализ позволяет выявить преимущества и недостатки различных подходов к оценке доказательств и определить возможности использования зарубежного опыта в целях совершенствования национального законодательства. Системный метод применяется для рассмотрения оценки доказательств как элемента целостной системы уголовно-процессуального до-

казывания, взаимосвязанного с другими принципами и институтами уголовного процесса.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе оценки доказательств субъектами уголовно-процессуального доказывания. Нормативную основу исследования составляют положения статей 95 и 95¹ УПК в редакции Закона Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, устанавливающие критерии оценки доказательств и основания признания доказательств недопустимыми.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан о результатах рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции за период 2020–2025 годов, включающие сведения об общем количестве осуждённых и оправданных лиц, а также процентном соотношении оправдательных приговоров. Теоретическую основу исследования образуют научные труды зарубежных и отечественных учёных в области теории доказательств, психологии юридического решения и сравнительного уголовного процесса.

Предметом исследования являются теоретические проблемы реализации принципа внутреннего убеждения при оценке доказательств в уголовном процессе, включая противоречие между субъективной природой внутреннего убеждения и объективными правовыми критериями оценки; неопределённость понятия правосознания как элемента формирования внутреннего убеждения; проблемы разграничения критериев относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств; сложности установления недопустимости доказательств и распределения бремени доказывания факта нарушения; отсутствие нормативного регулирования допустимо-

сти производных доказательств; влияние когнитивных искажений и обвинительного уклона на формирование внутреннего убеждения судей.

Основная часть

Внутреннее убеждение как принцип оценки доказательств в уголовном процессе представляет собой сложную правовую категорию, находящуюся на стыке объективного и субъективного начал процессуального познания. Согласно части первой статьи 95 УПК, дознаватель, следователь, прокурор и суд оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном, всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и правосознанием. Данная формулировка законодателя содержит три ключевых компонента, которые в своей совокупности определяют природу рассматриваемого принципа: собственно внутреннее убеждение субъекта доказывания, законодательные предписания и правосознание как форма правового сознания должностных лиц. Указанная триада формирует определённое противоречие между субъективной природой внутреннего убеждения и объективностью правовых норм, что составляет одну из фундаментальных теоретических проблем современного уголовного процесса.

Исторически концепция внутреннего убеждения возникла как противопоставление системе формальных доказательств, в рамках которой законодатель заранее определял силу и значение каждого вида доказательств (Esnard & Dumas, 2018). В условиях формальной системы судья был связан предустановленными правилами оценки: например, показания двух свидетелей имели большую доказательственную силу, чем показания одного, а признание обвиняемого рассматривалось как «царица

доказательств». Переход к принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению ознаменовал новый этап развития уголовного процесса, провозгласив приоритет рационального познания над юридическим формализмом. Вместе с тем свобода оценки не означает произвола или неограниченной дискреции должностного лица – она подчинена требованиям закона, процессуальной формы и правосознания, что формирует специфическую правовую конструкцию, в которой субъективное начало уравнивается объективными критериями.

Правосознание как компонент формирования внутреннего убеждения представляет собой самостоятельную теоретическую проблему ввиду отсутствия в законодательстве чёткого определения данной категории. Правосознание включает не только знание норм права, но и правовую идеологию, правовую психологию, правовую культуру субъекта доказывания, его представления о справедливости, законности и целесообразности (Clermont, 2009). В контексте оценки доказательств правосознание выполняет функцию внутреннего регулятора, направляющего мыслительную деятельность должностного лица в русло правовой оценки фактических обстоятельств дела. Между тем границы правосознания остаются неопределёнными, что создаёт риск субъективного толкования как правовых норм, так и фактических обстоятельств. Современные исследования в области психологии юридического решения показывают, что внутреннее убеждение формируется не только на основе рационального анализа доказательств, но и под влиянием когнитивных искажений, предубеждений, интуиции и предварительных выводов, сделанных до завершения исследования всех доказательств.

Субъектами оценки доказательств по внутреннему убеждению являются дознаватель, следователь, прокурор и суд, причём каждый формирует собственное внутреннее убеждение на соответствующей стадии уголовного процесса. Следователь формирует убеждение в ходе предварительного расследования, прокурор – при осуществлении надзора за законностью расследования и поддержании государственного обвинения в суде, суд – при рассмотрении дела по существу и вынесении приговора. Законодатель не устанавливает иерархии между внутренними убеждениями различных субъектов доказывания, однако судебное убеждение обладает наибольшей юридической значимостью, поскольку именно суд принимает окончательное решение о виновности или невиновности лица. Проблема заключается в том, что внутренние убеждения различных субъектов по одному и тому же делу могут не совпадать: следователь может быть убеждён в виновности лица, прокурор – усомниться в достаточности доказательств, а суд – прийти к выводу о невиновности. Подобное расхождение является естественным следствием субъективной природы внутреннего убеждения и различий в объёме и характере исследованных доказательств на различных стадиях уголовного процесса.

Статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан (Stat.sud.uz, 2025) свидетельствуют о существенном снижении доли оправдательных приговоров в период с 2020 по 2025 годы – с 2,05 % в 2020 году до 0,53 % в первом полугодии 2025 года, что означает сокращение более чем в три раза. Общее количество судимых лиц за рассматриваемый период составило 364 778 человек, из которых оправдано 4 894 лица, что составляет 1,34 % от общего числа (см. табл.).

Таблица
**Динамика количества осуждённых
и оправданных лиц и доли
оправдательных приговоров
в 2020–2025 годах**

Период	Общее количество лиц (судимых и оправданных)*	Количество оправданных лиц	Процент оправдательных приговоров (%)
2020 г.	38 137	781	2,05
2021 г.	61 263	932	1,52
2022 г.	75 078	1 010	1,35
2023 г.	73 797	1 244	1,69
2024 г.	77 995	723	0,93
2025 г. (1-е полугодие)	38 508	204	0,53
Итого	364 778	4 894	1,345 (среднее значение)

* В качестве базы для расчёта (100 %) взято общее количество лиц по делам, окончанным производством в судах первой инстанции.

Столь низкая доля оправдательных приговоров может свидетельствовать о нескольких тенденциях: либо предварительное расследование характеризуется высоким качеством и в суд направляются исключительно дела с достаточной доказательственной базой, либо формирование внутреннего убеждения суда происходит под влиянием обвинительного уклона, традиционно связываемого с континентальной моделью уголовного процесса. Сравнение с международной практикой показывает, что в странах с более выраженной состязательной моделью судопроизводства доля оправдательных приговоров, как правило, выше, что может указывать на различия в механизмах формирования внутреннего убеждения судей.

Законодатель в части второй статьи 95 УПК Республики Узбекистан устанавливает три основных критерия оценки доказательств: относимость, допустимость и достоверность – каждый из которых выполняет самостоятельную функцию в процессе доказывания и одновременно находится во взаимосвязи с другими критериями. Доказательство признаётся относящимся к уголовному делу, если оно содержит сведения о фактах или предметах, подтверждающих, опровергающих либо ставящих под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для дела. Критерий относимости направлен на установление логической связи между доказательством и предметом доказывания.

Относимость имеет как объективный, так и субъективный аспект: с объективной точки зрения доказательство должно быть связано с обстоятельствами дела причинно-следственной или иной логической связью; с субъективной – именно должностное лицо или суд определяет наличие такой связи на основании внутреннего убеждения. Проблема разграничения относимых и неотносимых доказательств особенно проявляется при оценке косвенных доказательств, поведения обвиняемого, данных о его личности и иных обстоятельств, прямо не связанных с событием преступления.

Теория относимости доказательств опирается на концепцию релевантности, заимствованную из англо-американской доктрины доказательственного права (701.3 Relevance & Admissibility, 2021). Согласно правилу 401 Федеральных правил о доказательствах США, доказательство является относимым, если оно имеет тенденцию делать существование любого факта, имеющего значение для разрешения дела, более или менее вероятным по сравнению с ситуацией при отсутствии данного доказательства. Национальное

процессуальное законодательство использует более широкую формулировку, включая доказательства, которые не только подтверждают или опровергают обстоятельства дела, но и ставят их под сомнение. Последняя категория представляет особый интерес, поскольку такие доказательства не обязательно свидетельствуют в пользу обвинения или защиты, однако влияют на степень убеждённости субъекта доказывания в истинности либо ложности определённых выводов. В условиях действия принципа презумпции невиновности доказательства, ставящие под сомнение выводы обвинения, подлежат толкованию в пользу обвиняемого, что формирует определённую асимметрию в оценке относимости доказательств.

Допустимость доказательств представляет собой процессуальную характеристику, определяющую законность способа получения и процессуального закрепления доказательственной информации. Часть третья статьи 95 УПК в редакции Закона Республики Узбекистан от 31 декабря 2008 года устанавливает, что доказательство признаётся допустимым, если оно собрано в установленном законом порядке и соответствует требованиям, изложенным в статьях 88, 90, 92–94 УПК. Данная формулировка связывает допустимость доказательств с соблюдением процессуальной формы их получения, что отражает континентальную традицию жёсткой регламентации доказывания. В отличие от относимости, определяемой содержанием доказательства, допустимость зависит от способа его получения и процессуального оформления. Нарушение установленного порядка получения доказательства влечёт признание его недопустимым независимо от степени его убедительности. Такой подход направлен на защиту прав участников процесса и предотвращение произвольных действий должностных лиц при собирании доказательств.

Достоверность доказательств согласно части четвёртой статьи 95 УПК определяется путём проверки: доказательство признаётся достоверным, если в результате проверки установлено его соответствие действительности. Достоверность представляет собой гносеологическую характеристику доказательства, отражающую его истинность и соответствие объективной реальности. В отличие от относимости и допустимости, которые могут быть установлены посредством формально-юридической оценки, достоверность определяется в результате содержательной проверки доказательства, его сопоставления с другими доказательствами, анализа источника информации и условий её формирования.

Проблема оценки достоверности заключается в том, что абсолютная достоверность недостижима в историческом познании, каковым является судебное доказывание: суд устанавливает факты прошлого, которые уже не существуют в настоящем и могут быть познаны лишь опосредованно – через следы, сохранившиеся в материальной среде или в сознании людей. Следовательно, достоверность доказательств всегда носит вероятностный характер, что порождает определённое противоречие с требованием формулирования выводов приговора с несомненностью.

Часть пятая статьи 95 УПК вводит дополнительный критерий оценки совокупности доказательств – достаточность. Совокупность доказательств признаётся достаточной для разрешения дела, если собраны все относящиеся к делу достоверные доказательства, неоспоримо устанавливающие истину обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Данная формулировка представляет собой законодательное закрепление стандарта доказывания в уголовном процессе Узбекистана. Термин «неоспоримо»

указывает на высокий уровень убедительности доказательств, сопоставимый со стандартом «вне разумных сомнений» в англо-американской традиции (Jackson v. Virginia, 1979).

Достаточность выступает результирующим критерием, объединяющим предыдущие: совокупность может быть признана достаточной лишь при условии, что каждое доказательство отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности. Оценка достаточности носит субъективный характер и формируется на основе внутреннего убеждения субъекта доказывания, что создаёт риск различной оценки одной и той же совокупности доказательств разными должностными лицами или судебными инстанциями.

Законодательное закрепление оснований недопустимости доказательств в статье 95¹ УПК Республики Узбекистан представляет собой конкретизацию конституционного принципа законности при осуществлении правосудия и имплементацию международных стандартов защиты прав человека в уголовном процессе. Первое основание недопустимости связано с применением пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в отношении участников уголовного процесса либо их близких родственников. Данная норма прямо корреспондирует статье 15 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, согласно которой «каждое государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства» (Thienel, 2006).

Абсолютный запрет использования доказательств, полученных путём пыток, основан на нескольких фундаментальных

соображениях: во-первых, такие доказательства по своей природе недостоверны, поскольку лицо под пыткой может признать любые обстоятельства с целью прекращения страданий; во-вторых, их использование нарушает право на справедливое судебное разбирательство и право не свидетельствовать против себя; в-третьих, допущение подобных доказательств косвенно легитимизирует пытки и подрывает доверие к системе правосудия; в-четвёртых, запрет выполняет превентивную функцию, лишая должностных лиц стимула применять пытки для получения признаний.

Доктрина международного права рассматривает запрет использования доказательств, полученных путём пыток, как часть обычного международного права и норму *jus cogens*, то есть императивную норму общего международного права, от которой не допускаются никакие отступления. В англосаксонской правовой традиции данный запрет реализуется посредством исключаящего правила (*exclusionary rule*), препятствующего использованию не только самих доказательств, полученных с нарушением конституционных прав, но и производных доказательств, извлечённых на основе первоначально незаконных доказательств, – доктрина «плодов отравленного дерева» (*Mapp v. Ohio*, 1961). Национальное процессуальное законодательство прямо не закрепляет доктрину производных доказательств, что создаёт пробел в правовом регулировании и потенциально допускает использование доказательств, полученных косвенно в результате применения пыток.

Вторым основанием недопустимости является фальсификация доказательств путём их подделки, направленная на защиту достоверности доказательственной базы и пресечение злоупотреблений со стороны должностных лиц. Фальсифи-

кация может выражаться в изготовлении поддельных документов, внесении изменений в подлинные документы, подмене вещественных доказательств, фабрикации следов преступления и иных действиях, искажающих фактические обстоятельства дела. Законодатель использует общий термин «фальсификация» без конкретизации форм данного деяния, что предоставляет суду широкие полномочия при определении признаков подделки.

Фальсификация доказательств является уголовно наказуемым деянием в соответствии со статьями 230¹ и 230² Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Вместе с тем доказывание факта фальсификации в рамках уголовного судопроизводства сопряжено со значительными трудностями. Установление подделки зачастую требует проведения специальных экспертиз, которые могут быть технически сложными и продолжительными, особенно применительно к современным способам фальсификации электронных документов и цифровых доказательств.

Третье основание недопустимости связано с нарушением прав подозреваемого, обвиняемого или подсудимого на защиту, а также права пользоваться услугами переводчика. Право на защиту является одним из фундаментальных принципов уголовного процесса, закреплённых в статье 28 Конституции Республики Узбекистан и статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Содержание данного права включает возможность иметь защитника, получать квалифицированную юридическую помощь, быть информированным о сущности обвинения, представлять доказательства, а также пользоваться услугами переводчика при незнании языка судопроизводства.

Нарушение любого из элементов права на защиту влечёт признание недопустимыми доказательств, полученных в ус-

ловиях такого нарушения. Практическая реализация данной нормы тесно связана с определением момента возникновения права на защиту. Законодательство Узбекистана предусматривает обязательное участие защитника с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Однако в следственной практике встречаются случаи допуска защитника к участию в деле на более поздней стадии, что создаёт риск получения доказательств, подлежащих признанию недопустимыми.

Четвёртое основание недопустимости связано с проведением процессуального действия по уголовному делу лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному делу. Данная норма обеспечивает соблюдение принципа процессуальной компетентности и гарантирует независимость должностных лиц, осуществляющих доказывание. Лицо может не обладать правом осуществлять производство по делу по различным основаниям: в силу наличия обстоятельств, подлежащих отводу, отсутствия необходимых процессуальных полномочий либо превышения установленной компетенции. Наиболее распространённой является ситуация нарушения правил подследственности, когда следственное действие производится должностным лицом органа, которому соответствующее уголовное дело не подследственно.

Пятое основание недопустимости – получение доказательств от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в ходе производства по уголовному делу, – направлено на реализацию принципа проверяемости доказательств. Анонимность источника лишает сторону защиты возможности проверить достоверность информации посредством допроса источника, установления его возможной заинтересованности в исходе дела, а также выяснения

условий восприятия и воспроизведения фактов. Данное положение соотносится с практикой Европейского суда по правам человека, который в решениях по делам *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom* (2011) и *Schatschaschwili v. Germany* (2015) указал, что использование показаний анонимных свидетелей само по себе не является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, однако должно сопровождаться достаточными процессуальными гарантиями, компенсирующими ограничения, с которыми сталкивается сторона защиты. Отечественное процессуальное законодательство занимает более строгую позицию, устанавливая запрет на использование доказательств, полученных от неустановленных источников, без предусмотренных исключений.

Шестое основание недопустимости является наиболее дискуссионным и специфичным: недопустимыми признаются показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, данные в ходе дознания или предварительного следствия, если они не нашли подтверждения в суде совокупностью имеющихся доказательств. Данная норма направлена на преодоление обвинительного уклона, основанного исключительно на показаниях, полученных на стадии предварительного расследования, и стимулирует суд к непосредственному исследованию доказательств в судебном заседании в соответствии с принципом непосредственности судебного разбирательства.

Вместе с тем формулировка данной нормы создаёт неопределённость относительно критериев «подтверждения совокупностью имеющихся доказательств»: законодатель не уточняет, какая степень подтверждения требуется, какие доказательства могут служить подтверждением и достаточно ли частичного подтверждения либо необходимо полное совпадение

показаний с другими доказательствами. Приведённые ранее статистические данные, согласно которым в 2020–2025 годах доля оправдательных приговоров составила лишь 1,34 %, могут свидетельствовать о недостаточно активном применении данной нормы судами при оценке доказательств.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в большинстве правовых систем отсутствуют аналогичные положения о недопустимости неподтверждённых показаний; соответствующая проблема, как правило, решается посредством закрепления правила о необходимости corroborации (подтверждения) отдельных видов доказательств другими доказательствами.

Практическое применение норм о недопустимости доказательств непосредственно влияет на формирование внутреннего убеждения судей через механизм исключения информации из процесса оценки. Психологические исследования показывают, что судьи испытывают значительные трудности при игнорировании недопустимой информации, с которой они уже ознакомились, – феномен, известный как *inability to disregard*. Wistrich, Guthrie и Rachlinski экспериментально доказали, что даже профессиональные судьи не способны полностью исключить из сознания недопустимые доказательства после ознакомления с ними (Wistrich et al., 2004).

В национальной системе уголовного процесса данная проблема усугубляется тем, что судья знакомится с обвинительным заключением и материалами дела до начала судебного разбирательства. Если материалы содержат доказательства, которые впоследствии будут признаны недопустимыми, у судьи может сформироваться предварительное мнение на их основе. Отсутствие публичной статистики о частоте применения статьи 95¹ УПК не позволяет оценить масштаб проблемы,

однако косвенным индикатором может служить низкая доля оправдательных приговоров (1,34%), что может свидетельствовать о редком признании доказательств недопустимыми.

Часть четвёртая статьи 95¹, введённая Законом Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, устанавливает специальное правило о недопустимости электронных данных, полученных при производстве следственных действий по выемке или осмотру без участия специалиста. Данная новелла отражает современные вызовы цифровизации уголовного процесса и направлена на обеспечение достоверности электронных доказательств. Электронные данные характеризуются повышенной уязвимостью: они могут быть изменены, уничтожены или сфальсифицированы без очевидных следов вмешательства. Обязательное участие специалиста при их получении призвано обеспечить техническую корректность процессуального действия, надлежащее применение программно-технических средств фиксации информации и соблюдение процедур, гарантирующих целостность данных.

Выявленные теоретические проблемы

Субъективность внутреннего убеждения представляет собой фундаментальную теоретическую проблему, проявляющуюся в противоречии между требованием объективности оценки доказательств и неизбежной субъективностью процесса формирования убеждения конкретного должностного лица или судьи. Внутреннее убеждение по своей природе является психологическим состоянием субъекта доказывания, формирующимся под влиянием множества факторов: профессионального опыта, мировоззрения, правосознания, когнитивных установок и эмоционального состояния.

Современные исследования в области психологии юридического решения сви-

детельствуют о подверженности судей и следователей различным когнитивным искажениям: эффекту подтверждения (*confirmation bias*), якорному эффекту (*anchoring effect*), эвристике доступности (*availability heuristic*), ретроспективному искажению (*hindsight bias*) (Pennington & Hastie, 1993). Эффект подтверждения проявляется в том, что субъект доказывания склонен придавать большее значение доказательствам, подтверждающим уже сформированную гипотезу, и игнорировать либо недооценивать доказательства, ей противоречащие. Приведённые выше статистические данные могут указывать на возможное наличие обвинительного уклона в формировании внутреннего убеждения судей.

Неопределённость понятия «правосознание» как компонента формирования внутреннего убеждения создаёт дополнительную теоретическую проблему ввиду отсутствия в законодательстве и правовой доктрине чёткого определения содержания и границ данной категории. Часть первая статьи 95 УПК указывает, что субъекты доказывания оценивают доказательства, «руководствуясь законом и правосознанием», однако соотношение этих компонентов остаётся неясным.

Возникают вопросы: каким образом должен действовать суд или должностное лицо в ситуации, когда его правосознание вступает в противоречие с буквальным содержанием нормы закона? может ли правосознание рассматриваться как самостоятельное основание для отступления от закона, либо оно должно реализовываться исключительно в пределах, установленных законом? Правосознание включает не только знание правовых норм, но и правовую идеологию, представления о справедливости, целесообразности и гуманизме. Различные субъекты доказывания могут обладать разным уровнем правосознания в зависимости от

образования, профессионального опыта, а также культурных и социальных факторов. Отсутствие объективных критериев оценки правосознания создаёт риск произвольного толкования норм права и фактических обстоятельств дела под влиянием субъективных представлений должностного лица о справедливости и целесообразности.

Проблема разграничения критериев оценки доказательств возникает в ситуациях, когда один и тот же недостаток доказательства может рассматриваться как нарушение различных критериев. Например, доказательство, полученное с нарушением процессуальной формы, является недопустимым, но одновременно может быть признано недостоверным ввиду ненадлежащих условий его формирования. Доказательство, полученное от неустановленного источника, признаётся недопустимым по пункту 5 части первой статьи 95¹ УПК, однако одновременно не подлежит проверке на достоверность вследствие невозможности допроса источника.

Законодатель не устанавливает иерархии между критериями оценки и не определяет последовательность их применения. Возникает вопрос: должен ли суд первоначально оценить относимость доказательства, затем его допустимость и только после этого – достоверность, либо данные критерии подлежат одновременно применению? Практическое значение данного вопроса заключается в том, что признание доказательства неотносимым освобождает суд от необходимости проверки его допустимости и достоверности, что может способствовать процессуальной экономии, но одновременно создаёт риск необоснованного отклонения доказательств стороны защиты.

Сложности установления недопустимости доказательств связаны с распределением бремени доказывания факта

нарушения процессуальных норм при их получении. Часть вторая статьи 95¹ УПК предусматривает, что недопустимость использования фактических данных в качестве доказательств устанавливается должностным лицом органа, осуществляющего доследственную проверку, дознавателем, следователем, прокурором либо судом, по собственной инициативе или по ходатайству участников процесса. Вместе с тем законодатель не определяет, на ком лежит бремя доказывания наличия оснований недопустимости – на стороне, заявляющей ходатайство о признании доказательства недопустимым, или на стороне, представившей соответствующее доказательство.

В англо-американской доктрине данный вопрос решается посредством установления презумпции законности получения доказательств, которая может быть опровергнута стороной, заявляющей о нарушении (United States, 1920). Отсутствие аналогичного чёткого регулирования в национальном законодательстве создаёт неопределённость и затрудняет единообразное применение норм о недопустимости доказательств.

Противоречия в правоприменительной практике возникают и при определении того, какие нарушения процессуальной формы влекут признание доказательства недопустимым, а какие являются устранимыми недостатками. Законодатель не проводит различия между существенными и несущественными нарушениями порядка получения доказательств, что формально означает, что любое нарушение должно повлечь их недопустимость. Однако судебная практика фактически дифференцирует нарушения на существенные, влияющие на допустимость доказательства, и несущественные, не оказывающие такого влияния.

Критерии разграничения существенных и несущественных нарушений прямо

не закреплены в законодательстве и формируются судебной практикой на основе оценочных категорий: нарушение права на защиту, нарушение принципов уголовного процесса, искажение фактических обстоятельств дела. Отсутствие чётких законодательных ориентиров создаёт риск неодинаковой оценки сходных ситуаций различными судами и судебными инстанциями.

Проблема баланса между процессуальными гарантиями и эффективностью уголовного преследования проявляется в том, что строгое применение правил о недопустимости доказательств может привести к освобождению от ответственности лиц, фактически совершивших преступления, вследствие процессуальных нарушений при их получении. Данная проблема известна в англо-американской доктрине как «социальные издержки исключającego правила» – ситуация, при которой достоверные доказательства вины лица не могут быть использованы в суде из-за нарушения процедуры их получения (*Hudson v. Michigan*, 2006).

Авторская позиция по выявленным теоретическим проблемам оценки доказательств по внутреннему убеждению основывается на признании необходимости сохранения данного принципа при одновременном введении дополнительных процессуальных механизмов, способных компенсировать его субъективную составляющую. Субъективность внутреннего убеждения не следует рассматривать как недостаток, подлежащий устранению; она является естественным свойством любого процесса человеческого познания. Попытки полностью исключить субъективный элемент из оценки доказательств могут привести либо к возврату к системе формальных доказательств с заранее установленной силой каждого их вида, либо к излишне механистическому подходу, недостаточно учитывающему

специфику конкретного дела. Вместо устранения субъективности целесообразно формировать процессуальные условия для её контроля и снижения возможных негативных последствий когнитивных искажений (Wistrich & Rachlinski, 2017).

Одним из таких механизмов может стать законодательное закрепление обязанности суда формулировать в приговоре не только выводы о виновности или невиновности лица, но и развёрнутую мотивировку причин, по которым одни доказательства признаны достоверными и достаточными, а другие – отвергнуты. В существующей практике мотивировочная часть приговоров нередко ограничивается общими формулировками о том, что суд оценил доказательства по своему внутреннему убеждению и пришёл к соответствующему выводу, без детального раскрытия логики оценки каждого доказательства.

Критический анализ научных концепций внутреннего убеждения позволяет выделить два основных подхода: психологический и нормативный. Психологический подход, развиваемый в работах Esnard и Dumas (2018), рассматривает внутреннее убеждение как психологическое состояние субъекта доказывания, формирующееся под влиянием рационального анализа доказательств, интуитивных факторов, профессионального опыта и подсознательных установок. Данный подход обращает внимание на реальный процесс формирования убеждения у судьи или следователя, включая его не полностью рациональные компоненты.

Нормативный подход, напротив, трактует внутреннее убеждение как юридическую конструкцию, определяющую полномочия субъекта доказывания по оценке доказательств и устанавливающую пределы судебного усмотрения. С этой позиции внутреннее убеждение должно формироваться на основе закона и правосознания,

что предполагает недопустимость произвольной оценки доказательств.

Авторская позиция состоит в интеграции указанных подходов: признавая психологическую природу внутреннего убеждения, необходимо одновременно формировать нормативные рамки, направляющие процесс его формирования в сторону максимально объективной оценки фактических обстоятельств дела. Полное исключение психологических факторов невозможно и нецелесообразно, однако их влияние может быть снижено посредством установления чётких процедур проверки доказательств, требования развёрнутой и аргументированной мотивировки судебных выводов, а также использования коллегиального обсуждения дела как дополнительного механизма внутреннего контроля.

Вопрос допустимости судебного усмотрения при оценке достаточности доказательств остаётся дискуссионным. Согласно одной из позиций, законодатель должен установить более формализованные критерии достаточности доказательств для вынесения обвинительного приговора, аналогичные стандарту «вне разумных сомнений» в англо-американской традиции. С этой точки зрения формулировка «неоспоримо устанавливающие истину», содержащаяся в части пятой статьи 95 УПК, представляется недостаточно определённой и допускающей различные интерпретации в судебной практике.

Авторская позиция состоит в том, что попытки излишней формализации критериев достаточности доказательств неизбежно сталкиваются с проблемой казуистичности: любая абстрактная формула объективно не способна охватить всё многообразие конкретных ситуаций, возникающих в судебной практике. Более обоснованным представляется подход, ориентированный на формирование

единообразной судебной практики толкования критерия достаточности посредством руководящих разъяснений Пленума Верховного суда и публикации мотивированных решений по конкретным делам. Компаративный анализ показывает, что в странах общего права стандарт «вне разумных сомнений» также не имеет абсолютно унифицированного понимания и интерпретируется судами с учётом обстоятельств конкретного дела (*Victor v. Nebraska*, 1994).

Аргументация авторского подхода к решению проблемы неопределённости понятия «правосознание» основывается на необходимости разграничения профессионального и обыденного правосознания. Профессиональное правосознание судьи или следователя формируется в процессе юридического образования и практической деятельности и включает не только знание норм права, но и понимание правовых принципов, целей правового регулирования и соотношения различных правовых ценностей. Обыденное правосознание, напротив, опирается на повседневные представления о справедливости, которые не всегда совпадают с требованиями закона. Формулировка законодателя «руководствуясь законом и правосознанием» предполагает именно профессиональное правосознание, которое не может противоречить закону, но способно выходить за пределы буквального толкования нормы при применении аналогии, телеологического толкования и восполнении пробелов. Таким образом, правосознание не рассматривается как альтернатива закону, а функционирует в пределах правовой системы.

Для корректной интерпретации рассматриваемых статистических показателей необходим сравнительно-правовой анализ. Международные исследования демонстрируют значительное разнообразие в уровне оправдательных приговоров

в различных правовых системах. Так, в Японии доля оправдательных приговоров составляет менее 1% (уровень обвинительных приговоров превышает 99%), что исследователи связывают с высокой селективностью системы уголовного преследования: прокуроры предъявляют обвинение примерно по 37% расследованных дел, отсекая менее перспективные дела ещё на досудебной стадии (Ramseyer & Rasmusen, 2001; Johnson, 2002). В исследованиях отмечается, что высокий процент обвинительных приговоров в Японии обусловлен, прежде всего, строгим предварительным отбором дел прокуратурой и ограниченными ресурсами системы уголовного преследования, а не исключительно судебной предвзятостью.

В Германии общий процент обвинительных приговоров ниже по сравнению с рядом других правовых систем. Согласно сравнительному исследованию Boland (1990), германская система характеризуется большим количеством судебных разбирательств и более заметной долей оправдательных исходов по сравнению с США, при этом процент отказов от обвинения также выше. По данным Федерального статистического ведомства Германии, в 2019 году было вынесено около 728 900 обвинительных приговоров, при этом производство по 162 900 делам (примерно 18%) завершилось иными решениями, включая оправдательные приговоры и прекращение дел (Statistisches Bundesamt, 2020).

В федеральной системе США наблюдается иная картина. Согласно данным Pew Research Center, в 2022 финансовом году лишь 0,4% федеральных подсудимых (290 из 71 954) были оправданы по результатам судебного разбирательства, тогда как 89,5% признали вину в рамках соглашений с обвинением (*plea bargaining*), а 8,2% дел были прекращены (Gramlich, 2023). Если рассчитывать

долю обвинительных приговоров от числа предъявленных обвинений, а не от числа расследованных дел, федеральная система США демонстрирует показатель *conviction rate* около 99,8%, сопоставимый с японскими данными.

Показатель Республики Узбекистан – 1,34% оправдательных приговоров – находится между японской моделью (менее 1%) и германской практикой (около 15–18% неосудительных исходов). Столь низкая доля оправдательных приговоров может объясняться совокупностью институциональных факторов. Во-первых, возможным высоким уровнем предварительной проверки материалов органами следствия и прокуратуры до направления дела в суд, что формирует эффект досудебной фильтрации, сходный с японской моделью. Во-вторых, особенностями континентальной процессуальной системы, при которой уголовное дело проходит несколько стадий процессуального контроля (дознание, следствие, прокурорский надзор) до передачи в суд, что может создавать кумулятивный эффект подтверждения версии обвинения. В-третьих, вероятным влиянием институциональной среды на формирование внутреннего убеждения судей.

Исследования Wistrich, Rachlinski и Guthrie указывают на подверженность судей когнитивным искажениям, включая эффект подтверждения и якорный эффект, способные оказывать влияние на оценку доказательств (Wistrich et al., 2015). В условиях континентальной модели, где судья знакомится с материалами дела до начала судебного разбирательства, риск формирования предварительного мнения о виновности объективно возрастает.

В-четвёртых, определённую роль могут играть особенности системы оценки деятельности судей. Исследование японской системы правосудия показало, что

вынесение оправдательных приговоров в отдельных случаях может восприниматься как фактор, влияющий на карьерные перспективы судей (Ramseyer & Rasmusen, 2001), что способно формировать латентные институциональные стимулы. Вместе с тем подобные выводы требуют осторожного применения к иным правовым системам и дополнительного эмпирического подтверждения.

В целом низкая доля оправдательных приговоров может быть характерна для правовых систем с выраженной досудебной селекцией дел и высокой степенью доверия к результатам предварительного расследования. В то же время международная практика, включая отдельные решения Европейского суда по правам человека (например, *Keller v. Russia* (2013)), подчёркивает недопустимость восприятия направления дела в суд как презумпции виновности обвиняемого.

Для выявления возможных причин низкой доли оправдательных приговоров в Узбекистане представляется необходимым проведение комплексного эмпирического исследования, включающего: анализ содержания оправдательных и обвинительных приговоров; выявление типичных оснований для оправдания; изучение практики применения норм о недопустимости доказательств; интервьюирование судей относительно факторов, влияющих на формирование внутреннего убеждения; анализ статистики возвращения дел прокурору для устранения недостатков, а также прекращения дел на стадии предварительного расследования.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить определённое расхождение между нормативными требованиями к оценке доказательств и фактической структурой судебных решений. Законодатель предписывает оценивать каждое доказательство с точки зрения

относимости, допустимости и достоверности, однако в судебных актах нередко отсутствует развёрнутый анализ каждого критерия применительно к каждому доказательству. Типичный приговор, как правило, ограничивается общей формулировкой о том, что суд, оценив представленные доказательства в их совокупности, пришёл к выводу о доказанности вины подсудимого. Подобная практика может создавать впечатление формализованного подхода к оценке доказательств и затруднять проверку обоснованности выводов суда вышестоящими инстанциями.

Исследования в области психологии юридического решения показывают, что судьи могут формировать предварительное мнение о виновности или невиновности лица на ранних стадиях судебного разбирательства, после чего неосознанно уделять больше внимания доказательствам, подтверждающим первоначальную позицию, и в меньшей степени учитывать противоречащие сведения (Wistrich, 2004). Данный феномен, известный как эффект подтверждения, способен оказывать влияние на процесс оценки доказательств и не всегда может быть нейтрализован простым указанием на необходимость беспристрастности.

Поддержка определённых научных подходов к решению выявленных проблем связана с концепцией процедурной справедливости, разработанной в работах Tyler и Huo (2002). В соответствии с данной концепцией легитимность судебных решений и уровень доверия общества к системе правосудия зависят не только от правильности итогового вывода, но и от справедливости самой процедуры его принятия. Процедурная справедливость предполагает возможность сторон представлять доказательства и аргументы, беспристрастность судьи, обоснованность решения и уважительное отношение к участникам процесса. В контексте оценки

доказательств по внутреннему убеждению это означает необходимость формирования процедурных гарантий, обеспечивающих полноту и объективность исследования доказательств, равенство процессуальных возможностей сторон при их представлении и оспаривании, а также достаточную мотивированность судебных решений.

Опыт зарубежных государств в сфере регулирования оценки доказательств демонстрирует существование двух концептуально различных подходов: континентальной модели свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению и англо-американской модели детализированной регламентации допустимости доказательств посредством специальных правил доказательственного права. Континентальная модель, к которой относится уголовный процесс Республики Узбекистан, основывается на принципе свободной оценки доказательств судьёй, который «формирует своё внутреннее убеждение на основе совокупности исследованных доказательств без заранее установленной силы отдельных их видов» (Damaska, 1997).

Англо-американская модель, напротив, характеризуется наличием детально разработанных правил допустимости доказательств (*Federal Rules of Evidence*, 2024), ограничивающих усмотрение присяжных заседателей и судьи путём исключения из рассмотрения определённых категорий доказательств, признаваемых ненадёжными либо способными нарушить баланс процессуальной справедливости. Различие между данными моделями во многом обусловлено исторически сложившимися особенностями судопроизводства: континентальная система традиционно исходит из доверия к профессиональному судье и его способности самостоятельно оценивать надёжность доказательств, тогда как англо-американская система, предпола-

гающая участие присяжных заседателей, стремится минимизировать влияние потенциально ненадёжной информации на непрофессиональных участников процесса.

Сравнение механизмов обеспечения достоверности доказательств в различных правовых системах показывает, что все они сталкиваются с необходимостью поиска баланса между установлением истины и защитой прав участников процесса. Германская модель уголовного процесса сочетает принцип свободной оценки доказательств с развитой системой процессуальных гарантий, включая детальную мотивировку судебных решений и тщательную регламентацию отдельных следственных действий (Weigend, 2003). Французская модель характеризуется определённым дуализмом: на стадии предварительного расследования действует следственный судья, активно участвующий в собирании доказательств, тогда как в судебном разбирательстве реализуется принцип устности и непосредственности исследования доказательств.

Скандинавские страны выработали модель свободной оценки доказательств, при которой суд обязан в приговоре детально обосновывать, почему одни доказательства признаны достоверными, а другие – отвергнуты (Klamberg, 2020). Данный подход представляет интерес в контексте возможного совершенствования отечественного уголовного процесса, поскольку он сохраняет принцип внутреннего убеждения, одновременно усиливая его объективирующий потенциал посредством требования развёрнутой мотивировки.

Теоретические предложения по совершенствованию механизма оценки доказательств по внутреннему убеждению целесообразно строить на основе сохранения данного принципа при одновременном укреплении его объективности через до-

полнительные процессуальные гарантии. Одним из направлений совершенствования может стать законодательное уточнение требований к мотивировке приговора в части оценки доказательств. Часть вторая статьи 467 УПК предусматривает обязанность суда мотивировать назначенные наказания, однако не конкретизирует степень детализации мотивировки в части анализа доказательств и не устанавливает обязательность последовательного рассмотрения критериев относимости, допустимости и достоверности применительно к каждому доказательству.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность дополнения статьи 465 УПК положением, обязывающим суд в приговоре обосновывать, по каким причинам каждое из доказательств, положенных в основу выводов суда, признано относимым, допустимым и достоверным, а также почему совокупность доказательств признана достаточной для разрешения дела. Подобное уточнение способствовало бы усилению внутреннего самоконтроля судей при формировании убеждения и облегчило бы проверку обоснованности судебных решений вышестоящими инстанциями.

Второе направление совершенствования связано с разработкой разъяснений Пленума Верховного суда по вопросам оценки доказательств и применения статей 95 и 95¹ УПК. Отсутствие единообразного толкования таких понятий, как «установление истины», «подтверждение совокупностью имеющихся доказательств», «существенное нарушение процессуального порядка», создаёт правовую неопределённость и способствует формированию неоднородной судебной практики. Представляется целесообразным, чтобы Пленум Верховного суда разъяснил критерии разграничения существенных и несущественных нарушений процессуального порядка получения доказательств,

уточнил содержание понятия «подтверждение» показаний для целей применения пункта 6 части первой статьи 95¹ УПК, а также определил минимальные требования к мотивировке оценки доказательств в приговоре.

Необходимость уточнения законодательства проявляется и в части регулирования доктрины производных доказательств («плодов отравленного дерева»). Действующее законодательство прямо не определяет допустимость доказательств, полученных на основе первоначально признанных недопустимыми. Например, если показания подозреваемого признаны недопустимыми вследствие отсутствия защитника при допросе, остаётся неясным, влечёт ли это недопустимость вещественных доказательств, обнаруженных на основе таких показаний. В этой связи представляется возможным рассмотреть дополнение статьи 95¹ УПК положением, предусматривающим признание недопустимыми доказательств, полученных на основе сведений из недопустимых доказательств, за исключением случаев, когда будет установлено, что они неизбежно были бы обнаружены законным путём независимо от первоначального нарушения. Подобное исключение, известное в англо-американской доктрине как доктрина неизбежного обнаружения (*inevitable discovery doctrine*) (*Nix v. Williams*, 1984), позволяет сохранить баланс между обеспечением процессуальных гарантий и недопущением необоснованного освобождения лица от ответственности при одновременном поддержании стимула к соблюдению процессуальных норм.

Институциональные меры, направленные на повышение объективности оценки доказательств, могут включать совершенствование системы оценки деятельности судей. Система, ориентированная преимущественно на формальные стати-

стические показатели, включая процент отменённых приговоров, потенциально способна формировать определённые мотивационные эффекты, поскольку оправдательные приговоры чаще становятся предметом обжалования и могут иметь более высокий риск отмены. В этой связи представляется возможным рассмотреть отказ от использования показателя процента отменённых приговоров как самостоятельного критерия оценки деятельности судьи, заменив его анализом причин отмен с разграничением случаев, связанных с допущенными судебными ошибками, и иных оснований.

Кроме того, целесообразно нормативно закрепить принцип недопустимости любых форм воздействия на судью в связи с содержанием принимаемых им решений, включая воздействие со стороны вышестоящих судебных инстанций и органов судейского сообщества. Реальное обеспечение независимости судей является важнейшим условием формирования внутреннего убеждения на основе объективной оценки доказательств.

Заключение

Проведённое исследование теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе Республики Узбекистан позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Внутреннее убеждение как принцип оценки доказательств представляет собой сложную правовую категорию, находящуюся на стыке объективного и субъективного начал процессуального познания. Законодательная формулировка статьи 95 УПК, предусматривающая оценку доказательств по внутреннему убеждению, основанному на тщательном, всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела при руководстве законом и правосознанием, формирует триединую конструкцию, определяющую

природу данного принципа. Ключевая теоретическая проблема заключается в необходимости поддержания баланса между субъективной природой внутреннего убеждения и объективными требованиями правовых норм.

2. Анализ критериев оценки доказательств показал, что закрепление относительности, допустимости, достоверности и достаточности в качестве самостоятельных критериев формирует сложную систему оценки, в рамках которой каждый критерий выполняет специфическую функцию. Относимость обеспечивает логическую связь доказательства с предметом доказывания, допустимость характеризует законность способа его получения, достоверность отражает соответствие доказательства объективной реальности, а достаточность оценивает совокупность доказательств с точки зрения возможности разрешения дела. Трудности разграничения указанных критериев проявляются в ситуациях, когда один и тот же недостаток доказательства может одновременно затрагивать несколько критериев, что влечёт определённую правовую неопределённость.

3. Исследование оснований признания доказательств недопустимыми показало, что статья 95¹ УПК устанавливает шесть категорий недопустимых доказательств, отражающих имплементацию международных стандартов защиты прав человека в уголовном процессе. Особое значение имеет абсолютный запрет использования доказательств, полученных путём пыток и жестокого обращения, что соответствует статье 15 Конвенции ООН против пыток 1984 года. Введение в 2024 году специального правила о недопустимости электронных данных, полученных без участия специалиста, свидетельствует о стремлении учитывать вызовы цифровизации уголовного процесса. Вместе с тем отсутствие прямого регулирования

доктрины производных доказательств сохраняет дискуссионность вопроса о допустимости доказательств, полученных косвенно в результате процессуальных нарушений.

4. К числу выявленных теоретических проблем относятся субъективная природа внутреннего убеждения, неопределённость содержания категории «правосознание», сложности установления недопустимости доказательств и отдельные противоречия в правоприменительной практике. Статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан указывают на устойчивую тенденцию снижения доли оправдательных приговоров – с 2,05 % в 2020 году до 0,53 % в первом полугодии 2025 года при среднем показателе 1,34 % за анализируемый период. Данные показатели могут свидетельствовать о влиянии институциональных и процессуальных факторов на формирование внутреннего убеждения судей, включая особенности применения норм о недопустимости доказательств.

5. Сравнительно-правовой анализ показывает, что континентальная модель свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, к которой относится уголовный процесс Узбекистана, обладает преимуществом гибкости, однако сопряжена с риском субъективного усмотрения. Англо-американская модель детализированной регламентации допустимости доказательств обеспечивает более высокую степень формальной определённости, но может сопровождаться тенденцией к избыточной формализации. Скандинавская модель, сочетающая принцип внутреннего убеждения с обязательной развёрнутой мотивировкой судебных решений, представляет собой возможный ориентир для совершенствования национального законодательства.

6. Практические рекомендации по совершенствованию механизма оценки доказательств включают:

Во-первых, внесение изменений в статью 465 УПК Республики Узбекистан путём дополнения её новой частью следующего содержания:

«В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться:

обоснование признания каждого доказательства, положенного в основу выводов суда, относимым, допустимым и достоверным с указанием конкретных обстоятельств, подтверждающих соблюдение данных критериев;

мотивы отклонения доказательств, представленных стороной защиты, с указанием оснований, по которым они признаны неотносимыми, недопустимыми либо недостоверными;

обоснование достаточности совокупности доказательств для разрешения дела с указанием, каким образом их совокупность устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Во-вторых, разработку разъяснений Пленума Верховного суда по вопросам толкования ключевых понятий статей 95 и 95¹ УПК.

В-третьих, дополнение законодательства положениями о недопустимости производных доказательств с возможным закреплением исключения для случаев неизбежного обнаружения.

В-четвёртых, рассмотрение возможности внедрения института предварительного слушания по вопросам допустимости доказательств.

В-пятых, совершенствование системы оценки деятельности судей путём отказа от использования показателя процента отменённых приговоров как самостоятельного критерия.

REFERENCES

1. 703.1 Relevance & Admissibility [Rules 401, 402]. (2021). <https://ncpro.sog.unc.edu/manual/703-1>
2. Astanov, I., & Hamidov, B. (2021). Obshheteoreticheskie voprosy, svyazannye s elektronnyimi ili tsifrovymi dokazatelstvami: problema i reshenie [General theoretical issues related to electronic or digital evidence: Problem and solution]. *Obshhestvo i innovatsii [Society and Innovations]*, 2(7/S), 259–278.
3. Boland, B. (1999). *German and American prosecutions: An approach to statistical comparison*. Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice.
4. *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom, Applications no. 26766/05 and 22228/06*. (2011, December 15). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-108072%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-108072%22])
5. *Keller v. Russia, Application no. 26824/04*. (2013, October 17). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-126907%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-126907%22])
6. *Schatschaschwili v. Germany, Application no. 9154/10*. (2015, December 15). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-159566%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-159566%22])
7. Clermont, K. M. (2009). Standards of proof revisited. *Vermont Law Review*, 33. (Originally presented at the Emotion in Context: Exploring the Interaction between Emotions and Legal Institutions Conference, University of Chicago Law School, May 2008). *Cornell Legal Studies Research Paper*, 1321029.
8. Damaška, M. R. (1997). *Evidence law adrift*. Yale University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt32bnj3>
9. Esnard, C., & Dumas, R. (2018). L'intime conviction: entre cadres légaux, représentations et pratiques chez les magistrats et jurés en cour d'assises [Personal conviction: between legal frameworks, representations and practices among judges and jurors in the Assize Court]. *Bulletin de psychologie [Psychology Bulletin]*, 559, 53–69.
10. Federal Rules of Evidence. (2024, December 1). <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>
11. Gramlich, J. (2023). *Few federal criminal defendants go to trial and even fewer are acquitted*. Pew Research Center.
12. *Hudson v. Michigan, 547 U.S. 586*. (2006). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/547/586/>
13. *Jackson v. Virginia, 443 U.S. 307*. (1979). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/443/307/>
14. Johnson, D. T. (2002). *The Japanese way of justice: Prosecuting crime in Japan*. Oxford University Press.
15. Klamberg, M. (2020, February 25). Epistemological controversies and evaluation of evidence in international criminal trials. In K. J. Heller, F. Mégret, S. Nouwen, J. D. Ohlin, & D. Robinson (Eds.), *The Oxford handbook of international criminal law* (OUP 2020). *Stockholm University Research Paper*, 65. Faculty of Law.
16. *Mapp v. Ohio, 367 U.S. 643*. (1961). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/>
17. Mirazov, D. M. (2016). Dastlabki tergov idoralari faoliyati ustidan kontrol va nazoratni takomillashtirishning nazariy, tashkiliy va protsessual jihatlarini [Theoretical, organizational, and procedural aspects of improving control and supervision over preliminary investigation authorities]. [Abstract of DSc Dissertation]. Tashkent, Uzbekistan.
18. Murodov, B. B. (2018). Jinoyat ishini tugatish institutini takomillashtirish [Improvement of the institution of termination of criminal cases]. [Abstract of DSc Dissertation]. Tashkent, Uzbekistan.
19. *Nix v. Williams, 467 U.S. 431*. (1984). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/431/>
20. Pennington, N., & Hastie, R. (1993). The story model for juror decision making. In R. Hastie (Ed.), *Inside the juror: The psychology of juror decision making* (pp. 192–222). Cambridge University Press.
21. Rajabov, B. A. (2019). Jinoyat protsessida dalillarni to'plash, tekshirish va baholash [Collection, examination, and evaluation of evidence in criminal proceedings]. [Monograph]. Tashkent: Academy of the MIA of the Republic of Uzbekistan.

22. Ramseyer, J. M., & Rasmusen, E. B. (2001). Why is the Japanese conviction rate so high? *The Journal of Legal Studies*, 30(1), 53–88.
23. *Silverthorne Lumber Co., Inc. v. United States*, 251 U.S. 385. (1920). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/251/385/>
24. Stat.sud.uz. (2025). Jinoyat ishlari bo'yicha statistik ma'lumotlar [Criminal statistics]. <https://stat.sud.uz/criminal>
25. Statistisches Bundesamt (Destatis). (2020). Criminal prosecution by the courts in 2019: Convictions up 2.3% on 2018.
26. Suyunova, D. (2023, June 10). Sovremennye problemy dopustimosti dokazatelstv na stadii sudebnogo razbiratelstva [Contemporary problems of admissibility of evidence at the trial stage]. *Society and Innovations*.
27. Thienel, T. (2006). The admissibility of evidence obtained by torture under international law. *European Journal of International Law*, 17(2), 349–367.
28. Tuhtasheva, U. (2020). Perspektivy uproshhennogo sudoproizvodstva v ugolovnom processe [Prospects for simplified criminal procedure]. *Obshhestvo i innovatsii*, [Society and Innovations] 1(1), 189–199.
29. Tyler, T. R., & Huo, Y. J. (2002). *Trust in the law: Encouraging public cooperation with the police and courts*. Russell Sage Foundation. <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610445429>
30. *Victor v. Nebraska*, 511 U.S. 1. (1994). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/511/1/>
31. Weigend, T. (2003). Is the criminal process about truth?: A German perspective. *Harvard Journal of Law and Public Policy*, 26, 157.
32. Wistrich, A. J., & Rachlinski, J. J. (2017, March 16). Implicit bias in judicial decision making: How it affects judgment and what judges can do about it. In *Enhancing justice* (Chapter 5). American Bar Association. *Cornell Legal Studies Research Paper*, 17-16.
33. Wistrich, A. J., Guthrie, C., & Rachlinski, J. J. (2004). Can judges ignore inadmissible information? The difficulty of deliberately disregarding. *University of Pennsylvania Law Review*, 153, 1251.
34. Wistrich, A. J., Rachlinski, J. J., & Guthrie, C. (2015). Heart versus head: Do judges follow the law or follow their feelings? *Texas Law Review*, 93, 855–923.

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./KQRR5513>

UDC: 347.73:343.23(045)(575.1)

CRYPTO-ASSETS IN THE SHADOW ECONOMY: A LEGAL ANALYSIS OF THE ASSET RECOVERY USED IN CRIMINAL ACTIVITIES

Kolenko Yevgeniy Vyacheslavovich,

First Deputy Head of the Law Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor
ORCID: 0009-0007-6354-5939
e-mail: y.v.kolenko@proacademy.uz

Ahmadov Alimardon Akhmadovich,

Prosecutor at the Scientific and Educational
Center for Combating Corruption
of the Law Enforcement Academy of the
Republic of Uzbekistan
ORCID: 0009-0004-1563-9613
e-mail: a.akhmadov@proacademy.uz

Abstract. *This article examines the role of crypto-assets, which became an instrument for committing a wide range of financial and/or corruption-related crimes, including money laundering, financing terrorism, and obtaining illicit assets in the digital economy era. The decentralized nature, anonymity, and transnational character of cryptocurrencies and other virtual assets create new challenges for law enforcement bodies and regulators, which are also explored in the article. Particular emphasis is placed on the relevant international legal frameworks, such as the United Nations Convention Against Corruption (UNCAC), the FATF Recommendations, and the OECD Crypto-Asset Reporting Framework (CARF). In addition to the domestic legislation of the Republic of Uzbekistan that contains recent legal definitions, licensing requirements, and liability mechanisms for criminal illicit activities involving crypto-assets. The paper will also provide a review of academic views from both international and Uzbek scholars regarding the regulatory, forensic, and criminological aspects of crypto-assets. Based on a combination of comparative and analytical methodologies, the research identified existing legal voids, institutional shortcomings, and best practices derived from international experience. These findings serve to develop practical recommendations to improve the efficiency of traceability, freezing, seizure, and recovery of assets at the national level in order to strengthen Uzbekistan's compliance with global anti-financial crime standards in an age of digital transformation.*

Keywords: *crypto-assets, laundering, asset recovery, international documents, legal framework, informal networks*

KRIPTOAKTIVLAR SOYADAGI IQTISODIYOTDA: JINOIY FAOLIYATDA FOYDALANILGAN AKTIVLARNI QAYTARISHNING HUQUQIY TAHLILI

Kolenko Yevgeniy Vyacheslavovich,

O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
boshlig'ining birinchi o'rinbosari,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori, professor

Ahmadov Alimardon Axmadovich,

O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi
Korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha
Ilmiy-amaliy markazi prokurori

Annotatsiya. Ushbu maqolada raqamli iqtisodiyot sharoitida kriptovalyutalarning keng ko'lami moliyaviy va korrupsiyaga doir jinoyatlarni, jumladan, jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirish, terrorizmni moliyalashtirish va noqonuniy aktivlarni qo'lga kiritish vositasi sifatidagi roli tahlil qilinadi. Kriptovalyutalar va boshqa virtual aktivlarning markazlashtirilmagan tabiati, anonimligi hamda transmilliy xususiyatlari huquqni muhofaza qiluvchi organlar va tartibga soluvchi idoralar uchun qanday yangi muammo va qiyinchiliklarni yuzaga keltirayotgani ham maqolada o'rganiladi. BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi (UNCAC), FATF tavsiyalari hamda Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkilotining Kriptovalyutalar to'g'risida hisobot berish tizimi (CARF) kabi xalqaro huquqiy asoslarga alohida e'tibor qaratiladi. Shu bilan birga, O'zbekiston Respublikasi milliy qonunchiligining zamonaviy huquqiy ta'riflar, litsenziyalash talablari va kriptovalyutalardan foydalangan holda amalga oshiriladigan jinoiy faoliyat uchun javobgarlik mexanizmlarini o'z ichiga olgan qoidalarini ko'rib chiqiladi. Maqolada, shuningdek, kriptovalyutalar aylanmasining regulatsionlik, kriminalistik va kriminologik jihatlari bo'yicha ham xalqaro, ham o'zbekistonlik olimlarning ilmiy qarashlari sharhi taqdim etiladi. Qiyosiy-huquqiy va tahliliy usullarga tayanilgan holda tadqiqotda amalda mavjud bo'lgan huquqiy bo'shliqlar, institutsional kamchiliklar hamda xalqaro tajribada shakllangan eng yaxshi amaliyotlar aniqlandi. Ushbu xulosalar milliy darajada aktivlarni kuzatish, muzlatish, musodara qilish va qaytarish jarayonlarining samaradorligini oshirishga qaratilgan amaliy tavsiyalarni ishlab chiqishda asos bo'lib xizmat qiladi. Bundan maqsad raqamli transformatsiya davrida O'zbekistonning moliyaviy jinoyatlarga qarshi kurashishda xalqaro standartlarga muvofiqligini mustahkamlashdan iborat.

Kalit so'zlar: kriptovalyutalar, pul yuvish, aktivlarni qaytarish, xalqaro hujjatlar, huquqiy asos, norasmiy tarmoqlar

КРИПТОАКТИВЫ В ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗВРАТА АКТИВОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коленко Евгений Вячеславович,

доктор философии по юридическим наукам,
профессор, первый заместитель начальника
Правоохранительной академии Республики Узбекистан

Ахмадов Алимардон Ахмадович,

прокурор Научно-образовательного центра
по борьбе с коррупцией Правоохранительной академии
Республики Узбекистан

Аннотация. В статье исследуется роль криптовалют как инструмента совершения широкого спектра финансовых и коррупционных преступлений, включая отмывание доходов,

финансирование терроризма и получение незаконных активов в условиях цифровой экономики. Децентрализованный характер, анонимность и трансграничная природа криптовалют и иных виртуальных активов создают новые вызовы для правоохранительных органов и регуляторов, которые также анализируются в работе. Особое внимание уделяется международно-правовым документам, в частности Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции (UNCAC), Рекомендациям FATF и Рамочной программе отчётности по криптоактивам ОЭСР (CARF). Наряду с этим рассматриваются положения национального законодательства Республики Узбекистан, включающие современные правовые дефиниции, лицензионные требования и механизмы ответственности за преступную деятельность с использованием криптоактивов. В статье представлен обзор научных подходов зарубежных и отечественных исследователей к регуляторным, криминалистическим и криминологическим аспектам оборота криптоактивов. На основе сравнительно-правового и аналитического методов выявлены существующие правовые пробелы, институциональные недостатки и лучшие практики, сформированные в международном опыте. Полученные результаты положены в основу практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности процедур отслеживания, замораживания, ареста и возврата активов на национальном уровне, а также на укрепление соответствия Узбекистана международным стандартам противодействия финансовым преступлениям в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: криптоактивы, отмывание доходов, возврат активов, международные документы, правовое регулирование, неформальные сети

Introduction

The emergence of the global digital economy has created an increased reliance on cryptocurrencies and other forms of crypto-asset usage in cross-border financial transactions; however, the global and largely anonymous nature of these assets has been linked to an increase in corruption and illegal activity in this space (Aidoo et al., 2025). Although each crypto transaction is recorded on the public blockchain ledger, it does not record the name of the individual who made the transaction and instead only records the alphanumeric wallet address of the recipient (Elsayd, 2023). This level of anonymity allows individuals that are engaged in criminal activity to utilize these assets as a means of concealing their identities and increases the risk of criminal activity affecting anti-crime initiatives implemented by the international community. The specific dimensions related to crypto-assets allow wide usage in illicit activities; in 2023 alone, there were over \$24.2 billion in crypto-assets that were transferred to crypto-wallets that have been identified as being associated with

criminal activity (Figure 1) (Bounlenguer, 2025).

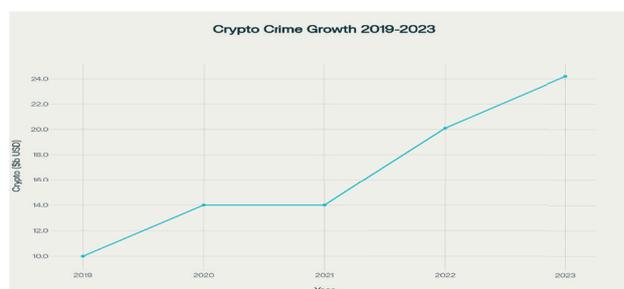

Figure 1. Growth of Crypto-Asset-Related Criminal Activity (2019–2023)

Another danger is due to the number of different crypto-asset types and also the rapid growth in the size of the mining sector. By the end of 2023, there were over 23,000 different crypto-assets registered (Yang et al., 2025; Ataniyazov & Azizkhonov, 2025). The illicit movement of these assets from a country causes a huge loss of finances for that country's economy, reduces government budgetary revenues, and deteriorates an environment of investment. Such occurrences are extremely damaging to a nation's financial stability, legal protection

system and public trust as well. In fact, the ability of crypto-assets to be easily used in corrupt schemes and the difficulty faced by law enforcement agencies in detecting and preventing such transactions (Wawrosz & Lansky, 2021) make it difficult or even impossible for those who engage in criminal activities to be punished. Despite the growing regulatory attention to virtual assets, significant institutional and enforcement gaps remain in Uzbekistan, particularly in the areas of cross-border tracing of crypto-assets, inter-agency coordination during confiscation procedures, and the absence of specialized asset-recovery mechanisms dealing specifically with virtual assets.

Accordingly, this article addresses the following research questions: (1) What legal and institutional gaps exist in the current Uzbek framework for tracing and recovering crypto-assets? (2) To what extent do existing AML/CFT and asset-recovery instruments adequately cover virtual assets? (3) What regulatory and institutional reforms could enhance the effectiveness of crypto-asset recovery mechanisms?

Therefore, the prevention of the illicit outflow of crypto-assets and their subsequent recovery have become two of the most important issues facing nations on both an international and domestic basis and have developed into one of the key areas of modern financial security policies. In turn, however, Uzbekistan lacks the efficient mechanisms of asset recovery in general, with no separate body (or unit) responsible for returning illicitly obtained assets from abroad, which makes the asset recovery related to crypto-assets even more complicated. As a result, given the broad nature of asset recovery process in general, this paper attempts to analyze scientific scholarship, legal discourse, and law enforcement in order to propose further applicable steps for efficient crypto-asset recovery in Uzbekistan.

The study employs a qualitative comparative legal methodology combining doctrinal legal analysis, institutional analysis, and policy evaluation techniques. The research object includes (a) international asset-recovery instruments (UNCAC, FATF Recommendations, CARF), (b) national legislative acts regulating crypto-asset circulation in Uzbekistan (laws, governmental resolutions, regulatory acts), and (c) institutional enforcement practices of competent authorities involved in AML/CFT and asset recovery.

Firstly, this study has undertaken an empirical and normative comparative analysis of relevant fundamental international legal instruments, such as UNCAC, as well as practical documents such as FATF Recommendations and CARF from the OECD. These documents are considered to be the current global standards that govern cross-border transparency, AML, and CTF within virtual asset markets. Therefore, these documents were selected as they provide definitions, regulatory obligations, supervisory mechanisms, and the formal process for tracing, freezing, confiscating and recovering assets.

Secondly, the study has provided a comparative overview of the national legislation of Uzbekistan with regard to digital assets. Taking into account that there is no specific asset recovery legal framework including virtual assets, it is assumed to be useful to analyze the function of crypto-asset service providers. In particular, this study is interested in analyzing recent legislative enactments and regulation in relation to the registration and licensure of crypto-asset service providers, compliance obligations, and both criminal and administrative liability for carrying out illegal activities in relation to digital assets.

Thirdly, this study has undertaken a thematic review of all of the relevant scholarly articles published by local and global authors in the fields of criminal law,

financial crime, digital forensic science and blockchain governance. These scholarly articles have been analyzed to gain insights into the most current and applicable scientific debate and theoretical approaches to regulating digital assets.

Finally, the study has developed recommendations to address the regulatory, institutional and practical issues raised by the findings of the study.

Main part

The analysis identified three measurable institutional weaknesses affecting crypto-asset recovery effectiveness: absence of a specialized national asset-recovery coordination body dealing with virtual assets; limited cross-border data-exchange participation (including incomplete integration into CARF-type information-exchange systems); and regulatory gaps concerning beneficial ownership transparency in crypto-asset service provider structures. Hence, this section covers the legal framework and enforcement situation analysis results.

Service providers dealing with the circulation of crypto-assets fall under the category of those who conduct business with money or other assets in Uzbekistan (Republic of Uzbekistan, 2024, August). Rules on internal controls (Republic of Uzbekistan, 2021, June) were put into place for individuals involved in crypto-asset-related activity to prevent money laundering and funding terrorism or weapons of mass destruction. The rules indicate what type of transaction is viewed as suspicious and that would need to be submitted to the Department by the service provider.

“Know Your Customer” (KYC) (Sotiropoulou, et al., 2021), sometimes called “Customer Due Diligence (CDD)” (Eurasian Group, 2022), is used by cryptocurrency exchanges to identify their customers in Uzbekistan. They are also required to find out who the beneficial owner(s) are (Republic

of Uzbekistan, 2021, June) under FATF Recommendation 10 (section b) (Financial Action Task Force, 2012-2025).

Figure 2. Crypto-Asset Compliance, Security Audit, and Verification Process

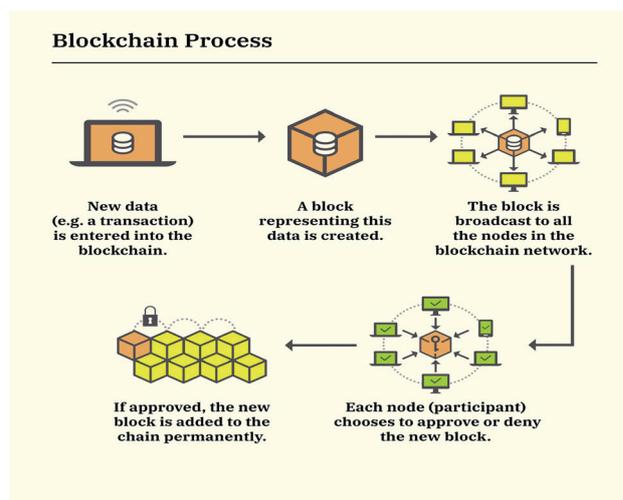

Figure 3. Blockchain Transaction Verification Process

Nominees (e.g., nominee persons), in particular, need to be identified (Financial Action Task Force, 2012–2025) in FATF Recommendation 24. However, neither national legislation nor the enforcement of Uzbekistan imposes such a requirement on service providers, which represents a serious gap in the legal framework. Participants in crypto-asset trading should also pay attention to other “red flag indicators” (Financial Action Task Force, 2020) and seek to prevent emerging risks.

Figure 4. Money Laundering Through Crypto: Gaps in Founder & Beneficial Ownership Controls

Although internal control regulations stipulate that a person convicted of a crime cannot serve as the head of an entity engaged in crypto-asset operations (Republic of Uzbekistan, 2021), the issue of whether such a person may act as a founder or beneficial owner remains unaddressed (Eurasian Group, 2022).

Figure 5. Regulatory Frameworks for Crypto-Assets: Addressing Beneficial Ownership and Global Reporting Standards

Given the crucial importance of information exchange in the recovery of illicit assets and the emergence of new types of risks in the field of crypto-assets, the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) launched in 2022 the Crypto-Asset Reporting Framework (CARF) (Organization for Economic Co-operation and Development, 2022). Among the countries,

Kazakhstan has announced its readiness to begin exchanging such data by 2027 (Organization for Economic Co-operation and Development, 2025, September).

However, Uzbekistan has not initiated the attendance in CARF, which helps countries to unite their efforts in this regard.

Figure 6. The Crypto-Asset Reporting Framework (CARF)

The Republic of Uzbekistan acceded to the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) (United Nations Convention against Corruption, 2003, October) in 2008 (Republic of Uzbekistan, 2008, July). In the terminology section of the Convention, property is defined as encompassing all types of assets as well as documents related to them.

According to Recommendation 15 of the Financial Action Task Force (FATF), countries must manage and mitigate the risks associated with virtual assets by ensuring that virtual asset service providers (VASPs) are subject to regulation, licensing, or registration. They must also be included within effective systems of monitoring and compliance designed to combat money laundering (Anti-Money Laundering – AML) and the financing of terrorism (CFT) (Financial Action Task Force, 2012–2025).

A large number of scientists who conduct studies related to this subject, such as

S.M. Elsayed, are now starting to take into account that, in addition to being a part of cybercrime, cryptocurrencies could also fall under the category of any other financial transaction-based crimes (Elsayed, 2023). As a result, a number of researchers are analyzing the use of cryptocurrencies in conjunction with a variety of types of criminal offenses.

For example, professor Ye.V. Kolenko, in the country, is arguing that cryptocurrencies can be used as an object of bribes in cases of corruption-related crimes (Kolenko, 2023). Additionally, D. Khamzaev suggested that the Department for Combating Economic Crimes under the General Prosecutor's Office (Department) of the Republic of Uzbekistan should impose a strong level of control over this area (Khamzaev, 2021). Lastly, Kh. Kudratillaev has investigated the use of crypto-currencies within the scope of anti-money laundering (AML) measures (Kudratillaev, 2022). However, these studies focused on using crypto-assets as material objects in committing crimes, but the issues related to the asset recovery mechanism and the dimensions of virtual assets affecting this process were not the aims of this research.

Within the CIS, A.I. Bastrykin discussed the above-mentioned problems of identification and investigation of crypto-assets (Bastrykin, 2021). D. Kunev correctly notes that while the recovery of illegally obtained assets is a serious problem for most states, the search, seizure, confiscation and sale of crypto-assets is an even more complex task (Kunev, 2022). Even though scholars illuminate the complexity of virtual asset recovery, they do not dive into proposing possible solutions in this regard.

V.V. Zemskov and V.I. Prasolov drew attention to the fact that it would be necessary to take into account the legal status of crypto-assets both under criminal law and under civil law (Zemskov & Prasolov, 2021). Meanwhile, Ye.N. Sochneva,

Yu.I. Nasyrov, V.B. Dulepova, and Ye.V. Nuriyeva (2021) investigated the application of blockchain analysis in investigating such crimes. Such studies are fragmented without full coverage of the asset recovery process, including the limitations present in Uzbekistan.

The need for a new and separate method for the recovery of crypto-asset is underlined by A. Sotiropoulou, J-P. Brun, L. Gray, C. Scott, and K. M. Stephenson (2021) with respect to the recovery of crypto-asset during the process of the recovery of other assets. The volatility of prices of the crypto-assets was taken into account when L. Bostwick, N. Bartlett, H. Cronje, and T. J. Abernathy (2021) II described the difficulties of the management of the seized and confiscated crypto-assets while they made a distinction between the crypto-assets and the tokens as the different types of the virtual assets.

The integration of the crypto-assets in the systems of the declaration of the property (assets) was proposed by L. Pop, D. Kotlyar, and I. Rossi (2023). The most difficult problem of this sphere, according to C. King, C. Walker, and J. Gurule (2018) is the differentiation of the approaches of the various states.

This problem has high relevance for the Republic of Uzbekistan. Together with the development of the digital economy, the "reputation" and the use of the crypto-assets in the Republic of Uzbekistan will continue to increase. However, there are great difficulties for the agencies of law-enforcement bodies and the sectoral specialists connected with the possibility of using the crypto-assets for the illegal purposes.

The attention was given by the President of Uzbekistan recently. On November 3, 2025, the President emphasized the importance of advancing scientific research focused on preventing emerging forms of cybercrime, particularly those involving attacks on smart devices and the unlawful appropriation of

crypto-assets (President of the Republic of Uzbekistan, 2025). This shows the necessity to continue efforts in this regard.

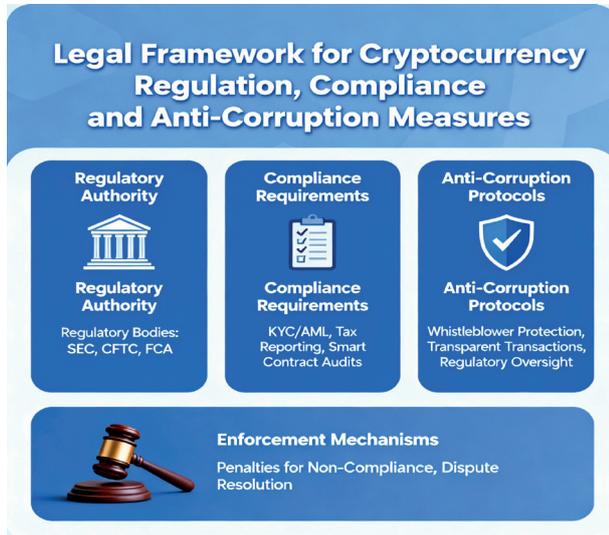

Figure 7. The Legal Framework for Cryptocurrency Regulation: Compliance and Anti-Corruption Measures

A number of normative and legal acts have been adopted in Uzbekistan to regulate the field of crypto-assets. This activity is carried out by licensed service providers through crypto stock exchanges, mining pools, crypto-depositories, and crypto-shops (Republic of Uzbekistan, 2022, August), including Binance (via Coinpay) (Gazeta.uz, 2025), Asterium (n.d.), UzNEX (n.d.), and tcrypto.uz (n.d.) in Uzbekistan.

A crypto-wallet is defined as software or a software-technical tool designed for the storage and management of crypto-assets. Mining activity is defined as an “activity of maintaining a distributed ledger of data, creating blocks, and verifying their integrity through computational operations” (Republic of Uzbekistan, 2024). A token is defined as a type of crypto-asset that is managed on the basis of a smart contract and represents a unit of account in a distributed ledger intended to confirm an obligation or ownership right to a specific asset (National Agency of Perspective

Projects of the Republic of Uzbekistan, 2022).

The authorized body in this sphere is the National Agency of Perspective Projects of the Republic of Uzbekistan (the Agency) (President of the Republic of Uzbekistan, 2017). The Agency, among other functions, participates in the development and implementation of AML measures in the sphere of circulation of crypto-assets (President of the Republic of Uzbekistan, 2017).

By December 2023, 26 mining farms had been identified, which is considered one of the reasons for introducing administrative and criminal liability measures in this field.

Figure 8. Legal Liability for the Mining of Anonymous Crypto-Assets

Accordingly, in 2024, relevant amendments and additions were made to the Criminal Code and the Code of Administrative Responsibility of the Republic of Uzbekistan (Republic of Uzbekistan, 2024), establishing administrative (Republic of Uzbekistan, 1994) and criminal responsibility for the illegal acquisition, transfer, or exchange of crypto-assets; for carrying out the activities of crypto-asset service providers without obtaining a license in the prescribed manner; for conducting operations with anonymous crypto-assets by crypto-asset

service providers; as well as for engaging in the mining of anonymous crypto-assets or conducting mining activities in violation of the established procedure.

As an example of the practical measures implemented in our country, it can be noted that the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan has been granted access to specialized information systems such as DarkWebMonitor, Elliptic ICAC-COPS, and Arthropod. These systems make it possible to monitor illegal activities on the darknet and analyze crypto-asset transactions (Kolenko, 2025).

An interdepartmental document has been adopted regarding the identification, seizure, storage, and confiscation of crypto-assets, and in the report of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG), the measures implemented in Uzbekistan have been highly evaluated (Eurasian Group, 2022).

The main problem is not the absence of legislation, but institutional fragmentation of enforcement powers. Unlike in some countries, where asset-recovery coordination is centralised, the Uzbek system takes a fragmented approach, assigning a range of agencies responsibilities that can slow cross-border confiscation, coordination and enforcement proceedings. Policymakers must improve institutional coordination to address the fact that gaps in coordination currently hamper enforcement.

Conclusion

In conclusion, while crypto-assets offer convenience in financial circulation, they also serve as an effective tool for criminal activity. This, in turn, creates new threats to the financial security of states and the stability of the global economy. International practice shows that the main ways to ensure effective counteraction include: the licensing and strict regulation of crypto-asset service providers; the full implementation of AML requirements and adherence to “Know Your

Customer” (KYC) principles; the development of information exchange systems such as CARF between states; the improvement of national legal frameworks for the seizure, confiscation, and management of crypto-assets; and the expansion of blockchain analysis tools and digital forensics capabilities.

From this perspective, three institutional measures are needed. First, a dedicated coordination unit should be established for crypto-asset recovery with clear functions and enough power to exercise in order to have efficient mechanisms of law enforcement. Secondly, national systems that monitor crypto-asset transactions should link up with international data-exchange systems incorporating CARF-type infrastructures. Thirdly, regulators shall also require crypto-asset service providers to report beneficial ownership, which decreases the time and efforts of specialized bodies in the asset recovery process. These measures are expected to considerably boost the ability of national authorities to track and seize crypto-assets connected to criminal activities.

In the process of combating the involvement of crypto-assets in illegal activities and ensuring their recovery, effective utilization of the capabilities of the Asset Recovery Inter-Agency Network for West and Central Asia (ARIN-WCA) serves as an important solution for tracking and recovering transnationally moved assets. This network enhances information exchange, rapid cooperation among states, and the ability to trace assets located beyond national borders.

Practical steps devoted to implementing these recommendations may include:

1) drafting a special law on asset recovery, with substantial articles regarding virtual asset recovery;

2) create a specialized unit in Prosecutors office, which will be responsible

only for the asset recovery process in Uzbekistan;

3) deepen the understanding of AML and KYC principles, especially for crypto-asset service providers;

4) consider the possibility of engaging with CARF-type institutions, with further steps required to fulfill obligations as a member;

5) consider the implementation of confiscation measures specifically in the asset recovery process via adding it to the Criminal Procedure Code of Uzbekistan;

6) with the support of international and foreign partners, analyze the possibility of enlarging the blockchain, and analyze tools and other technical tools for digital forensics.

REFERENCES

1. Aidoo, S., Venditti, A., Döhner, H., Liang, W., & Hamzah, F. (2025). *Cryptocurrency and financial crime: Emerging risks and regulatory responses*. https://www.researchgate.net/publication/393091199_Cryptocurrency_and_Financial_Crime_Emerging_Risks_and_Regulatory_Responses
2. Ataniyazov, J. K., & Azizkhonov, Sh. M. (2025). Concept, content and distinctive features of crypto-assets. In M. M. Mamasiddiqov (Ed.), *Kiberhuquq: muammolar va rivojlantirish istiqbollari = Cyber Law: Problems and Prospects of Development* [Cyber Law: Problems and Prospects of Development] (p. 395). Tashkent: Impress Media.
3. Asterium. (n.d.). <https://asterium.uz/>
4. Bastrykin, A. I. (2021). Rassledovanie legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniya terrorizma: praktika Sledstvennogo komiteta Rossii [Investigation of the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism: Practice of the Investigative Committee of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo* [Saint Petersburg University Law Review], 3, 493–501. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.301>
5. Boulenger, C. (2025). *Crypto-assets and the financing of the criminal economy: Dangerous liaisons?* <https://www.iris-france.org/en/116909/>
6. Bostwick, L., Bartlett, N., Cronje, H., & Abernathy, T. J. II. (2021). *Managing seized and confiscated assets: A guide for practitioners*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime; Washington, D.C.: World Bank / Stolen Asset Recovery Initiative.
7. Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility. (1994, September 22). <https://lex.uz/docs/97664>
8. Republic of Uzbekistan. (1994, September 22). Criminal Code <https://lex.uz/docs/111453>
9. Elsayed, S. (2023). *Cryptocurrencies, corruption and organised crime: Implications of the growing use of cryptocurrencies in enabling illicit finance and corruption*. Bergen: U4 Anti-Corruption Resource Centre, Chr. Michelsen Institute. <https://www.u4.no/publications/cryptocurrencies-corruption-and-organised-crime>
10. Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism. (2022). *Mutual evaluation report of the Republic of Uzbekistan*. Moscow: EAG.
11. Financial Action Task Force. (2012–2025). *International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation (FATF Recommendations)*. Paris: FATF. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html>
12. Financial Action Task Force. (2020, September). *Virtual assets red flag indicators of money laundering and terrorist financing*. Paris: FATF. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf>
13. Gazeta.uz. (2025, January 17). <https://www.gazeta.uz/uz/2025/01/17/binance/>

14. Khamzaev, D. (2021). *Sovershenstvovanie deyatelnosti pravookhranitelnykh organov v borbe s transnatsional'nymi finansovymi prestupleniyami* [Improving the activities of law enforcement agencies in combating transnational financial crimes] [PhD dissertation]. Academy of the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan.

15. Kunev, D. A. (2022). *Pravovye osnovy i metodika mezhgosudarstvennogo rozyska, aresta, konfiskatsii i vozvrata prestupnykh aktivov v ugovnom sudoproizvodstve* [Legal foundations and methodology of cross-border search, seizure, confiscation and return of criminal assets in criminal proceedings]. Moscow: UNITI-DANA.

16. King, C., Walker, C., & Gurulé, J. (Eds.). (2018). *The Palgrave handbook of criminal and terrorism financing law*. Cham: Springer International Publ. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-64498-1>

17. Kolenko, E. V. (2025). Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v sfere pravoprimeneniya [Prospects for the use of artificial intelligence in the field of law enforcement]. In M. M. Mamasiddiqov (Ed.), *Kiberhuquq: muammolar va rivojlantirish istiqbollari* [Cyber Law: Problems and Prospects of Development]. Tashkent: Impress Media.

18. Kolenko, E. V. (2023). *Otvetstvennost' za poluchenie vzyatki: perspektivy sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan v svete mezhdunarodnykh standartov* [Liability for accepting a bribe: Prospects for improving the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan in light of international standards] [PhD dissertation]. Tashkent State University of Law.

19. Kudratillaev, Kh. Z. (2022). *Tipologii legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, s ispolzovaniem kriptovalyutnykh instrumentov* [Typologies of money laundering using cryptocurrency instruments]. Tashkent: Tashkent State University of Law.

20. Republic of Uzbekistan Law (2004, August 26). On countering the legalization of proceeds from criminal activities, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction. No. 660-II. <https://lex.uz/docs/283717>

21. Republic of Uzbekistan Law (2008, July). On the accession to the United Nations Convention against Corruption. No. LRU-158. <https://lex.uz/docs/1369505>

22. Republic of Uzbekistan (2024, January 19). Law No. LRU-899. <https://lex.uz/docs/6763724>

23. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2022). *Crypto-asset reporting framework and amendments to the common reporting standard*. Paris: OECD. <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/crypto-asset-reporting-framework-and-amendments-to-the-common-reporting-standard.htm>

24. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2025, September). *Jurisdictions committed to implement the Crypto-Asset Reporting Framework (CARF) and begin exchanges in 2027 or 2028*. Paris: OECD. <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/networks/global-forum-tax-transparency/commitments-carf.pdf>

25. National Agency of Perspective Projects of the Republic of Uzbekistan. (2022, August 15). Order of the Director No. 3380. <https://lex.uz/docs/6158224>

26. National Agency of Perspective Projects of the Republic of Uzbekistan. (2022, November 28). Order of the Director No. 3397. <https://lex.uz/docs/6299481>

27. Pop, L., Kotlyar, D., & Rossi, I. (2023). *Asset and interest disclosure: A technical guide to an effective form*. Washington, D.C.: Stolen Asset Recovery Initiative, World Bank.

28. President of the Republic of Uzbekistan. (2025, November 3). Effectiveness of work on combating drug-related crimes, and in the field of cybersecurity and prosecutorial oversight to be enhanced. <https://president.uz/en/lists/view/8617>

29. Resolution of the National Agency of Perspective Projects of the Republic of Uzbekistan No. 3 & Department for Combating Economic Crimes under the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan. (2021, June 7–8). <https://lex.uz/docs/5450933>

30. Republic of Uzbekistan. (2024, December 25). Resolution registered No. 3591. <https://lex.uz/docs/7282772>

31. President of the Republic of Uzbekistan (2017, July 27). Resolution No. RP-3150. <https://lex.uz/docs/3280183>
32. Sotiropoulou, A., Brun, J.-P., Gray, L., Scott, C., & Stephenson, K. M. (2021). *Asset recovery handbook: A guide for practitioners* (2nd ed.). Washington, D.C.: World Bank / StAR Initiative <http://hdl.handle.net/10986/34843>
33. Sochneva, E. N., Nasyrov, Yu. I., Dulepova, V. B., & Nurieva, E. V. (2024). Analiz mekhanizmov rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s vyvodom finansovykh aktivov za rubezh [Analysis of mechanisms for investigating crimes involving the withdrawal of financial assets abroad]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, Entrepreneurship and Law]*, 14(7), 3435–3454. <https://doi.org/10.18334/epp.14.7.121292>
34. Tcrypto. (n.d.). <https://tcrypto.uz/>
35. United Nations Convention against Corruption. (2003, October). New York: United Nations. <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>
36. UZNEX. (n.d.). <https://www.uznex.com/>
37. Wawrosz, P., & Lansky, J. (2021). Cryptocurrencies and corruption. *Ekonomický časopis*, 69(7), 687–705. <https://doi.org/10.31577/ekoncas.2021.07.02>
38. Yang, M.-Y., Chen, Z.-K., Hu, J., Chen, Y., & Wu, X. (2025). Multidimensional information spillover between cryptocurrencies and China's financial markets under shocks from stringent government regulations. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 100(C), 101164. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2024.101164>
39. Zemskov, V. V., & Prasolov, V. I. (2021). Voprosy finansovykh rassledovaniy i vozvrata pokhishchennykh aktivov [Issues of financial investigations and recovery of stolen assets]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 25(2), 185–198. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-185-198>

Kelib tushgan / Получено / Received: 09.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./NYND9618>

UDC: 343.37(045)(575.1)

KORRUPSIYANING SABABLARI VA DEMOKRATIK YECHIMLAR

Ahmadjonov Murodullo Nurali o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi,
Namangan viloyati Kosonsoy tumani prokurorining yordamchisi

ORCID: 0009-0006-4286-6752

e-mail: murodulloahmadjonov123@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu maqolada korrupsiya bo'yicha amalga oshirilgan xorijiy tadqiqotlar tahlil qilinib, korrupsiyaviy jarayonlar va ulardan kelib chiqadigan xavf-xatarlarning rivojlanayotgan mamlakatlarda demokratik institutlar hamda ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanishga ko'rsatadigan salbiy ta'siri batafsil muhokama qilinadi. Tadqiqot davomida korrupsiyaning poraxo'rlik, bozor va tizimli shakllari o'zaro taqqoslanib, ularni vujudga keltiruvchi zaif siyosiy mexanizmlar, haddan tashqari byurokratik to'siqlar hamda iqtisodiy tengsizlik kabi omillar tanqidiy yondashuvda yoritiladi. Shu bilan birga, maqolada korrupsiya va taraqqiyot o'rtasidagi murakkab o'zaro bog'liqlik ochib berilib, korrupsiya demokratik jamiyatning asoslarini yemiruvchi kuch ekaniga alohida urg'u beriladi. Shuningdek, korrupsiyani kamaytirishda aholining faol ishtiroki, ochiqlik tamoyillari hamda davlat xizmatchilarining halolligi asosiy omillar sifatida ko'rsatib o'tiladi. Tadqiqotda faqat jazoga tayangan yondashuvlar samarasizligi tanqid qilinib, muammoning ildizini yo'qotishga qaratilgan tizimli islohotlarni qo'llab-quvvatlash zarurligi ta'kidlanadi. Xususan, Gonkongning ICAC tashkiloti misolida korrupsiyaga qarshi kurashishning samarali mexanizmlari va ularning amaliy natijalari ko'rib chiqiladi hamda korrupsiya xavfini kamaytirishda davlatning faqat jazolovchi funksiyasidan ko'ra boshqaruv tizimlaridagi institutsional kamchiliklarni isloh qilish muhimroq ekani qayd etiladi. Demokratiya va korrupsiya o'rtasidagi nozik va muammoli munosabatlar ham tahlil qilingan bo'lib, demokratik institutlar zaiflashuvi hamda nazorat mexanizmlarining ishlamasligi natijasida korrupsion xavf-xatarlarning kuchayishiga alohida urg'u berilgan.

Kalit so'zlar: davlat boshqaruvi, shaffoflik, jamoatchilik nazorati, demokratik institutlar, korrupsion xavf-xatarlar, byurokratiya

ПРИЧИНЫ КОРРУПЦИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Ахмаджонов Муродулло Нурали угли,

самостоятельный соискатель Ташкентского
государственного юридического университета,

помощник прокурора Касансайского района Наманганской области

Аннотация. В статье проанализированы зарубежные исследования, посвящённые проблеме коррупции, и подробно рассмотрено негативное влияние коррупционных процессов и связанных с ними рисков на демократические институты и

социально-экономическое развитие развивающихся государств. В ходе исследования сопоставляются различные формы коррупции – взяточничество, рыночная и системная коррупция, а также в критическом аспекте раскрываются факторы, способствующие их возникновению, включая слабость политических механизмов, чрезмерные бюрократические барьеры и экономическое неравенство. В работе раскрывается сложная взаимосвязь между коррупцией и развитием, подчёркивается, что коррупция представляет собой разрушительный фактор для основ демократического общества. Отмечается значимость активного участия населения, принципов прозрачности и добросовестности государственных служащих как ключевых условий снижения уровня коррупции. Подвергается критике ограниченный подход, основанный исключительно на мерах наказания, и обосновывается необходимость проведения системных реформ, направленных на устранение коренных причин проблемы. В частности, на примере деятельности Независимой комиссии по борьбе с коррупцией Гонконга (ICAC) рассматриваются эффективные механизмы противодействия коррупции и их практические результаты. Делается вывод о том, что снижение коррупционных рисков требует не только реализации репрессивной функции государства, но прежде всего институционального реформирования системы государственного управления. Также анализируется сложный характер взаимоотношений между демократией и коррупцией, подчёркивается, что ослабление демократических институтов и неэффективность механизмов контроля способствуют усилению коррупционных угроз.

Ключевые слова: государственное управление, прозрачность, общественный контроль, демократические институты, коррупционные риски, бюрократия

CAUSES OF CORRUPTION AND DEMOCRATIC SOLUTIONS

Ahmadjonov Murodullo Nurali ugli,

Assistant to the Prosecutor of Kosonsoy district, Namangan region,
Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. This article analyzes foreign research on corruption and discusses in detail the negative impact of corruption processes and the risks arising from them on democratic institutions and socio-economic development in developing countries. In the course of the study, such factors as corruption, market and systemic forms of corruption, weak political mechanisms, excessive bureaucratic barriers, and economic inequality that give rise to them are compared and critically examined. At the same time, the article reveals the complex interrelationship between corruption and development, emphasizing that corruption is a destructive force undermining the foundations of a democratic society. In addition, the active participation of the population, the principles of openness, and the integrity of civil servants are indicated as the main factors in reducing corruption. The study criticizes the ineffectiveness of approaches based solely on punishment and emphasizes the need to support systemic reforms aimed at eradicating the root cause of the problem. In particular, using the example of the Hong Kong ICAC organization, effective anti-corruption mechanisms and their practical results are considered, and it is noted that in reducing corruption risks, reforming institutional shortcomings in management systems is more important than the state's purely punitive function. The delicate and problematic relationship between democracy and corruption is also analyzed, and special emphasis is placed on the strengthening of corruption risks as a result of the weakening of democratic institutions and the failure of control mechanisms.

Keywords: public administration, transparency, public oversight, democratic institutions, corruption risks, bureaucracy

Kirish

Korrupsiya hanuzgacha demokratik institutlarni izdan chiqaradigan, barqaror iqtisodiy rivojlanishni sekinlashtiradigan va jamiyatdagi o'zaro ishonchni yemiradigan murakkab hamda keng qamrovli muammo bo'lib qolmoqda. Mavjud ilmiy adabiyotlarda korrupsiyaning ushbu keng ko'lamlı oqibatlari yoritilgan bo'lsa-da, turli sharoitlarda korrupsiya qanday mexanizmlar orqali namoyon bo'lishi va unga qarshi kurashishning eng samarali usullari borasida jiddiy bo'shliqlar hali ham mavjud. Ushbu maqola umumiy tahlillardan chetga chiqib, korrupsiyaning ma'lum sohalarga ta'siri, madaniy qadriyatlarning jamiyatdagi kayfiyat va xatti-harakatlarga ta'siri hamda sharoitga moslashtirilgan korrupsiyaga qarshi strategiyalarni ishlab chiqish masalalarini chuqurroq o'rganish orqali ushbu bo'shliqlarni bartaraf etishga qaratilgan. Shuningdek, korrupsiya bo'yicha tadqiqotlarda uchraydigan keng tarqalgan muammolardan biri sodda tasniflar va yuzaki tahlillardan foydalanishdir. Bunday yondashuvlar ko'pincha korrupsiyaning ijtimoiy tarmoqlar ichida qanday o'zaro ta'sirga kirishishini yoki siyosiy tizim sifatida korrupsiya siyosiy yetakchilikni qanday buzishini yetarlicha tushuntirib bera olmaydi (Gonçalves de Godoi, 2020).

Bundan tashqari, ushbu tadqiqot mavjud korrupsiya nazariyalariga asoslanib, turli korrupsiya shakllari o'rtasidagi o'zaro ta'sirni tahlil qilish uchun yangi konseptual modelni taklif qiladi hamda madaniy va ijtimoiy tadqiqotlardan olingan kontekstual yondashuvlarni ham o'z ichiga oladi. Xususan, tadqiqot ishida Gonkongning ICAC (Korrupsiyaga qarshi mustaqil komissiya) modeli – uning yondashuvlari va amaliy strategiyalari batafsil tahlil qilinib, uning muvaffaqiyatiga hissa qo'shgan asosiy omillar aniqlandi hamda ushbu amaliy uslublarni turli siyosiy va madaniy sharoitlarda qo'llash imkoniyatlari baholanadi. Mazkur tadqiqot

ishining xulosa qismida siyosatshunoslar va amaliyotchilar uchun demokratik tizimlarni mustahkamlash hamda korrupsiyaga qarshi samarali kurashishda qo'llash mumkin bo'lgan aniq tavsiyalar keltirib o'tilgan.

Ushbu tadqiqot ishida korrupsiyani har tomonlama va chuqur tushunish uchun komparativ, deduksiya, induksiya, institutsional hamda normativ-huquqiy metodlardan foydalanilgan. To'plangan ma'lumotlar mavzu bo'yicha tahlil qilingan hamda korrupsiyaning sabab-oqibatlari, potensial yechimlar bilan bog'liq asosiy g'oyalar, model va nazariyalar ajratib olinib, meta-tahlil usulidan ham foydalanilgan.

Asosiy qism

Maqolada korrupsiyaning murakkab tabiati, ayniqsa, siyosiy va ijtimoiy tuzilmalari zaif yoki nazorat mexanizmlari yetishmaydigan rivojlanayotgan davlatlarda qanday namoyon bo'lishi chuqur o'rganilgan. Tadqiqotda korrupsiyaning siyosiy tizimlar, iqtisodiyot va jamiyat bilan qanday o'zaro bog'liqligi yoritilib, siyosiy partiyalarning mustahkamligi, demokratiya darajasi, saylovlardagi raqobat, fuqarolik huquqlari va ijtimoiy kapital kabi omillarning korrupsiyani kamaytirishdagi roliga alohida e'tibor qaratiladi. Tadqiqotda korrupsiya global muammo bo'lsa-da, qonun ustuvorligi va erkin matbuot kabi institutlar mavjud bo'lgan demokratik tizimlarda uni nazorat qilish ancha samaraliligi ta'kidlanadi.

Bundan tashqari, tadqiqot ishida korrupsiyaning kuchsiz davlat legitimligi, keng tarqalgan tengsizlik va shaxsiy manfaatlar yo'lida hokimiyatni suiiste'mol qilish bilan bevosita bog'liqligi ko'rsatilib, korrupsiya nafaqat siyosiy barqarorlikni izdan chiqarishi, balki davlat resurslarini jamoatchilik ehtiyojlaridan chetga burib, rivojlanish jarayoniga to'siq qo'yishi ham ta'kidlanadi.

Shu boisdan ham maqolada korrupsiyaga qarshi kurashish faqatgina jazolash orqali samarali bo'lmasligi, balki madaniy

o'zgarishlar, tizimli islohotlar, halollik, hisobdorlik va fuqarolik huquqlarini himoya qilishga asoslangan yondashuv zarurligi ilgari suriladi. Korrupsiyaga qarshi samarali kurashish va uning oldini olish, ayniqsa, yangi shakllanayotgan yoki rivojlanayotgan mamlakatlarda davlatlarning demokratik institutlarini mustahkamlash, erkin matbuotni, saylov raqobatini va fuqarolik erkinliklarini himoya qilishni ustuvor vazifa sifatida belgilashni talab qiladi. Shu bilan birga, ommaviy axborot kampaniyalari jamiyatdagi munosabatlarni o'zgartirishga xizmat qilishi, korrupsiyaga nisbatan bag'rikenglikni kamaytirishi, huquqni muhofaza qiluvchi organlarning faoliyati, oldini olishga qaratilgan empirik yondashuvlar hamda davlat boshqaruvidagi shaffoflikni oshirish korrupsiya uchun imkoniyatlarni kamaytirishga yordam beradi.

Kuchli siyosiy partiyalari bo'lmagan rivojlanayotgan mamlakatlarda korrupsiya keng tarqalgan holat ekanligi ajablanarli emas. U hukumatlar iqtisodiyotga ortiqcha aralashganda yoki davlat boshqaruvida had-dan tashqari byurokratiya mavjud bo'lganda rivojlanadi. "Transparency International" tashkiloti tomonidan o'tkazilgan tadqiqotlarga ko'ra, korrupsiya vaqt o'tishi bilan o'zini cheklashi mumkin, chunki u umumiy manfaatni birinchi o'ringa qo'yadigan institutlarni shakllantiradi, shuningdek, siyosiy hayotda resurslarni taqsimlash vositasi sifatida ham ishlaydi.

Tashkilot va jamiyatlar paydo bo'lganidan beri korrupsiya muammo bo'lib kelgan, biroq uning tabiati vaqt o'tishi bilan o'zgargan. O'tmishda hukmdorlarning harakatlari qonuniy deb qabul qilingani sababli korrupsiya katta muammo bo'lmagan. Ammo demokratiyalarda kuch xalqdan keladigan bo'lsa, korrupsiya eng dolzarb muammolardan biriga aylanadi (Heydari & Saeidi, 2022).

Korrupsiya qabul indeksi (Corruption Perception Index – CPI) ballari va mavjud tadqiqotlarga asoslanib, demokratiya

korrupsiyadan eng kam aziyat chekadigan hukumat shakli sifatida ko'rinadi (Bakhramova, 2022). Ko'plab olimlar demokratik davlatlar korrupsiyaga qarshi samaraliroq kurashadi, deb hisoblaydi, chunki ular qonun ustuvorligi, nazorat va muvozanat, ijtimoiy va saylov hisobdorligi, fuqarolik huquqlari hamda samarali boshqaruv imkoniyatlarini birlashtiradi. Ushbu elementlar siyosiy yetakchilarning ixtiyoriy kuchini cheklashga va ularning vazifalarga nisbatan mas'uliyatini oshirishga xizmat qiladi. Shu nuqtayi nazardan, korrupsiyani kamaytirishda asosiy demokratik mexanizm saylov jarayonidir, chunki saylov raqobati va qayta saylanish istagi siyosatchilarning ochko'zligini nazariy jihatdan cheklaydi. Ko'p va raqobatbardosh saylovlar esa yangi partiyalar yaxshi nom qozonishga intilishini ta'minlab, ularni odatda kamroq korrupsiyalashgan qiladi. Shu sababli saylov raqobati jazolash shakli sifatida ishlaydi, ovoz beruvchilarga korrupsiyalashgan siyosatchi va partiyalarni lavozimdan chetlashtirish imkonini beradi. Biroq raqobatbardosh saylovlarning ijobiy ta'siri korrupsiyaning turi, muqobil nomzodlarning mavjudligi, saylov hududi kattaligi yoki saylov tizimi kabi omillarga bog'liq bo'lishi mumkinligini ham inobatga olish zarur.

Shuningdek, so'z erkinligi, namoyish qilish huquqi va birlashish huquqi kabi siyosiy huquqlar jamiyatning hisobdorligini, halolligini, shaffofligini va birgalikdagi harakatini ta'minlashda muhim ahamiyatga ega. L. Jenei tadqiqotlariga ko'ra, erkin matbuot hisobdorlikni sezilarli darajada oshiradi va korrupsiyani kamaytiradi, chunki demokratiyalarda turli fikrlarni erkin matbuot orqali ifodalashni qo'llab-quvvatlash va tashkiliy norozilikka ruxsat berish orqali siyosiy korrupsiyani cheklaydigan sharoit yaratadi (Fazekas & King, 2019).

Bizningcha, L. Jenei tomonidan ilgari surilgan ilmiy qarashlar korrupsiyani bartaraf etishdagi samarali chora-tadbirlardan biri

hisoblanadi, ya'ni matbuot erkinligi mavjud hukumatda shaffoflik va halollik tamoyillari rivojlanishiga zamin yaratadi.

Fuqarolik huquqlari, xususan, fuqaroning erkinligi va mulkini himoya qilish ham hukumatning shaxsiy hayotga adolatsiz aralashuvining oldini olishda muhim rol o'ynaydi. Rose Ekkermannning ta'kidlashicha, demokratik tizimlarda fuqarolik erkinligi va so'z erkinligini himoya qilish shaffof va korrupsiyasiz hukumatni amalga oshirish imkonini beradi (AllahRakha, 2023). Faol va mustaqil fuqarolik jamiyati hukumat kuchini cheklovchi vosita bo'lib xizmat qilishi mumkin, chunki ijtimoiy kapital nazariyalariga ko'ra, faol va fuqarolik ongiga ega jamiyatlar korrupsiyani katta miqyosda aniqlash va unga qarshi kurashishda samaraliroq bo'ladi. Empirik tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, ijtimoiy tarmoqlari rivojlangan va yuqori ijtimoiy ishonchga ega davlatlarda korrupsiya darajasi pastroq bo'ladi, masalan, Singapur va Skandinaviya davlatlarida. Bundan tashqari, ozchiliklarni himoya qilish va gender tengligini kuchaytirish korrupsiyani cheklashda muhim ahamiyatga ega. Stensota va Vangnerud tadqiqotlariga ko'ra, siyosiy jihatdan gender tengligi yuqori bo'lgan demokratiyalarda korrupsiya darajasi pastroq bo'ladi (Ahmadjonov, 2023).

Masalan, Gambiya saylov huquqlari va raqobat sohalarida korrupsiyaga qarshi sezilarli yutuqlarga erishdi. Bu keskin o'zgarish asosan hukumat almashinuvi tufayli yuzaga keldi, natijada korrupsiyaga qarshi majburiyatlar yangilandi va siyosiy huquqlar va erkinliklar mustahkamlandi. Yangi hukumat matbuot erkinligini joriy qildi va avvalgi rejim tomonidan sodir etilgan jinoyatlar, shu jumladan, korrupsiya bo'yicha tergov komissiyasini tashkil etdi. Natijada Gambiyaning "Transparency International" tashkilotining Korrupsiya qabul indeksidagi balli 2025-yilda 7 ballga oshib 38 ball bilan 180 ta davlat ichida

96-o'ringa ko'tarildi. Bundan tashqari, "Freedom in the World" ko'rsatkichlarida "erkin emas"dan "qisman erkin"ga o'tib, 2024-yilda Umumiy demokratiya indeksi (Total democracy score)da 50 ball oldi (Parliamentary Assembly of the Council of Europe, 2023).

Bu esa, o'z navbatida, amalga oshirilayotgan yuqoridan pastga (Top-down approaches) strategik chora-tadbirlari o'z samarasini berayotganini ko'rsatmoqda.

Rivojlanayotgan mamlakatlarda korrupsiya siyosiy beqarorlikni kuchaytiradi va yetakchilarning legitimligini zaiflashtiradi, ayniqsa, siyosiy tashkilotlar zaif va hukumat iqtisodiyotga haddan tashqari aralashgan bo'lsa. 1960-yillardan beri G'arb olimlari korrupsiyani o'z mamlakatlarida o'rganib kelgan, ammo rivojlanayotgan mamlakatlarda korrupsiya nazariyasi to'liq shakllanmagan. Shu nuqtayi nazardan, Vrayts va Simpkins korrupsiyani vasvasalar, nepotizm va poraxo'rlik bilan o'ralgan o'rmonga o'xshatadi, u taraqqiyotga to'siq bo'ladi, xuddi ehtiyotkorlik bilan yetishtirilgan o'simliklarni begona o'tlar qoplaganidek, deb tariflagan (Schachter, 2022).

Korrupsiyani aniqlash, ayniqsa, siyosiy korrupsiya qiyin va turlicha talqin qilinadi. Nye korrupsiyani davlat xizmatchilarining shaxsiy manfaatlar (pul, mavqe, yaqinlar yoki do'stlarga imtiyoz berish) uchun vazifalaridan chetga chiqishi deb belgilaydi (Aritonang, 2019). Santhanam qo'mitasi esa korrupsiyani davlat vakolatlarini noto'g'ri yoki shaxsiy foyda uchun ishlatish deb ta'riflaydi, Klittgard esa monopoliyaga va ixtiyoriy vakolatga ega bo'lish korrupsiyani oshiradi, hisobdorlik esa kamaytiradi, deb hisoblaydi (OECD, 2022).

Ta'kidlash joizki, Klittgard tomonidan ilgari surilgan ilmiy qarashlarda jamiyatda korrupsiya qanday hollarda gullab-yashnashi va tobora ildiz otib borishi aniq tushuntirilib, monopoliya va diskreatsion vakolatlarga chek qo'yish orqali korrupsiyaning

oldini olish mumkinligiga urg'u berilgan.

Korrupsiyaning darajalari hukumat va jamiyatning qanchalik uyg'unligiga bog'liq holda o'zgaradi. Korrupsiya milliy birlikni zaiflashtiradi, hukumatga bo'lgan hurmatni kamaytiradi va siyosiy barqarorlikni xavf ostiga qo'yadi, shuningdek, qonunchilikdagi bo'shliqlardan foydalangan holda qaror qabul qilishda samaradorlikni pasaytiradi (Marcel-line, 2023). Shu bilan birga, korrupsiyalashgan yetakchilar davlat xarajatlarini shaxsiy manfaatlariga yo'naltirib, qashshoqlikni kuchaytirishi sir emas.

Avvalo, korrupsiyani tushunish va uning oqibatlarini tahlil qilish uchun ijtimoiy va siyosiy omillarni chuqur o'rganish zarur. Kolin Lyes korrupsiyani jamiyatdagi qadriyatlar belgilaydi, deb hisoblaydi; siyosiy partiyalar tashkilot uchun pulga muhtoj, shuning uchun siyosat daromad manbaiga aylanadi, korrupsiya beruvchi va oluvchi o'rtasida sheriklik yaratadi va kuch o'rniga ishlatilishi mumkin, ayniqsa, ikkala tomon ham kuchli bo'lsa.

Gonkongning Korrupsiyaga qarshi mustaqil komissiyasi jamoat va xususiy sektorlarni korrupsiyadan tozalashda muhim rol o'ynaydi (Alkhodary & Saidat, 2023). U 1974-yilda politsiya va boshqa davlat idoralaridagi keng tarqalgan korrupsiyaga javoban tashkil etilgan. Shu vaqtdan buyon ICAC korrupsiyaga qarshi kurashishda oldini olish, ta'lim, tergov va ijro etish sohalarida samarali strategiyalar ishlab chiqdi (Carter & Bélanger, 2020). Jumladan:

Oldini olish:

- ICAC korrupsiyaning boshlanishidan oldin turli profilaktik choralar bilan uni to'xtatishga harakat qiladi;

- sektorlar bilan hamkorlikda korrupsiyaning oldini olishga qaratilgan tuzilmalar yaratadi, shu jumladan, manfaatlar to'qnashuvini, poraxo'rlikni va boshqa korrupsion faoliyatning oldini olish bo'yicha maslahatlar beradi (Parliamentary Assembly of the Council of Europe, 2024).

Ta'lim:

- jamoatchilikni korrupsiyaning salbiy oqibatlari haqida xabardor qilish va halollik madaniyatini targ'ib qilish uchun ommaviy axborot kampaniyalari o'tkazadi;

- davlat va xususiy sektor xodimlariga ularning huquqiy majburiyatlari va axloqiy xatti-harakatlarning ahamiyatini tushuntiradi.

Tergov:

- maxsus bo'limlar orqali korrupsiyaga shubha qilingan holatlarni tekshiradi;

- shikoyat qiluvchilarni javobgarlikdan himoya qiladi;

- xalqaro huquqni muhofaza qilish organlari bilan hamkorlik qiladi.

Ijro etish:

- korrupsiya aniqlansa, shaxslarni hibsga oladi va sud jarayonlarini olib boradi;

- yuqori toifali korrupsiya ishlarini yo'ritib, jamoatchilikka ogohlantiruvchi signal beradi (Hoa & Thanh, 2023).

XX asrning 3-choragida Gonkongda korrupsiya tizimli va keng tarqalib, odamlar hayotining bir qismi sifatida ildiz otgan bo'lsa, 1974-yilda ICAC tashkil etilgach, mustahkam strategiya (tergov, oldini olish, jamoatchilik nazorati va huquqiy savodxonlik) orqali korrupsiya sezilarli darajada kamaytirildi hamda 2024-yilda o'tkazilgan so'rovnomada respondentlarning 98,7 foizi korrupsiyaga duch kelmaganini qayd etgani Gonkong global miqyosda eng kam korrupsiyaga uchraydigan davlatlardan biri ekanini, "zero-tolerance" (Korrupsiyaga qarshi chidab bo'lmas) muhiti shakllanganini ko'rsatdi.

Gonkong tajribasidan ko'rinib turibdiki, korrupsiyani ildizidan yo'q qilish uchun bosqichma-bosqich yondashuv eng samarali hisoblanadi (Cardellini, 2023). Bu borada Makiavelli xohish va ochko'zlik har bir kishini korrupsiyaga moyil qiladi, deb hisoblaydi (AllahRakha, 2024). Bizningcha, Makiavelli tomonidan tomonidan umumxarakterga ega bo'lgan ilmiy fikrlar ilgari surilgan, chunki inson tabiatidagi birgina xohish va ochko'z-

lik emas, balki qonunchilikdagi bo'shliqlar, diskreasion vakolatlar, siyosiy xohishning sustligi korrupsiyaga bo'lgan moyillikni oshirib, korrupsiya bilan bog'liq xavf-xatarlar hamda korrupsion holatlarning vujudga kelishiga zamin yaratadi.

Rivojlanmagan mamlakatlarda korrupsiya tasodifiy emas, balki siyosiy tizim orqali boshqariladi; imkoniyat va istak mavjud bo'lishi kerak. Zero davlat korrupsiyani qabul qilsa va siyosatchilar jazolanishdan qo'rqmasa, korrupsiyaga qarshi chora samarali bo'lmaydi. Shuning uchun asosiy yechim korrupsiyani "past-xavf, yuqori foyda"dan "yuqori-xavf, past foyda" holatiga o'tkazishdir. Asosiy e'tibor individual shaxslarga emas, Gonkong davlati kabi tizimning yaxlitligiga qaratilishi kerak (Carter & Yoon, 2023).

Xulosa

Xulosa qilib aytganda, korrupsiyaga qarshi kurashish ko'p qirrali yondashuvni talab qiladi, bu esa uning tizimli tabiati, sektorlar bo'yicha ta'siri va madaniy asoslarini chuqur tushunishni o'z ichiga oladi. Korrupsiya rivojlanayotgan (yangi tashkil etilgan) mamlakatlarda barqaror muammo bo'lib qolmoqda, chunki bu davlatlarda siyosiy tizimlar zaif va hukumat iqtisodiyotga ortiqcha aralashadi, bu esa korrupsion amaliyotlar va xavflar uchun qulay zamin yaratadi. Garchi korrupsiya tarixiy muammo bo'lsa-da, uning ta'siri demokratik jamiyatlarda yanada keskin ko'rinadi, chunki bu jamiyatlarda jamoatchilik ishonchi va hisobdorlik markaziy

ahamiyatga ega. Yuqorida ta'kidlanganidek, qonun ustuvorligi, fuqarolik huquqlari, saylov raqobati va shaffoflikka e'tibor qaratadigan demokratiyalar korrupsiyaga qarshi kurashishda samaraliroq ekanligi isbotlangan. Gonkongning ICAC orqali erishgan tajribasi korrupsiyaga va uning xavflariga qarshi samarali yondashuv, ya'ni oldini olish, ta'lim, qat'iy tergov va qat'iy ijro etish orqali kurashish bo'yicha samarali tajribalar va yondashuvlarni taqdim etadi. Natijada korrupsiyaga qarshi kurashish jamoatchilik munosabatlarini o'zgartirish va siyosiy tizimning yaxlitligini himoya qiluvchi mustahkam institutlarni yaratishni talab qiladi. ICAC kabi muvaffaqiyatli modellar ko'rsatganidek, tizimli islohotlar va shaffoflikni himoya qilishga sodiqlik korrupsiyani va uning boshqaruvga zararli ta'sirini kamaytirishi mumkin. Shu bilan birga, korrupsiya faqat past foyda va yuqori xavf deb qaralmay, balki jamiyatning ijtimoiy to'qimasiga zarar yetkazuvchi va davlatning adolatli, inklyuziv rivojlanishiga to'sqinlik qiluvchi muammo sifatida tan olinishi lozim. Shunga ko'ra, milliy qonunchiligimiz hamda amaliyotda kuzatilayotgan kamchiliklarni bartaraf etish maqsadida huquqiy savodxonlikni oshirish, korrupsion huquqbuzarliklar haqida xabar berayotgan fuqarolarning ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlardagi huquqlarini himoya qilish bo'yicha ICAC'ning ta'lim va oldini olish tamoyillarini implementatsiya qilish taklif etiladi.

REFERENCES

1. Ahmadjonov, M. (2024). Korrupsiyaga qarshi kurashish va muvofiqlik nazorati: yuristlar va huquq fakulteti talabalari orasida huquqiy savodxonlik [Anti-corruption and compliance control: Legal awareness among lawyers and law students]. *International Journal of Law and Policy*, (8), 52–67. <https://doi.org/10.59022/ijlp.145>
2. Alkhodary, A., & Saidat, Z. (2023). The impact of e-government on corporate performance: A case study of Jordanian companies. *Information Sciences Letters*, (26), 52–63. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2021-7-5-235-242>

3. AllahRakha, N. (2023). Sun'iy intellekt (AI)ning biznesga ta'siri va uning regulyatorlik muammolari [The impact of artificial intelligence on business and its regulatory challenges]. *International Journal of Law and Policy*, (1), 25–48. <https://doi.org/10.59022/ijlp.23>
4. AllahRakha, N. (2024). Global perspectives on cybercrime legislation. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, (8), 106–131. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i10.6007>
5. Aritonang, D. M. (2019). The impact of e-government systems on public service quality in Indonesia. *European Scientific Journal*, (13), 23–36. <https://doi.org/10.19044/esj.2017.v13n35p99>
6. Bakhramova, M. (2022). Onlayn arbitraj uchun huquqiy asoslarni uyg'unlashtirish [Harmonization of legal frameworks for online arbitration]. *International Journal of Law and Policy*, (13), 22–35. <https://doi.org/10.59022/ijlp.154>
7. Cardellini, L. (2023). Sovereignty beyond borders: Uncovering the interaction between airspace and outer space. *International Journal of Law and Policy*, (9), 28–45. <https://doi.org/10.59022/ijlp.201>
8. Carter, L., & Bélanger, F. (2020). The utilization of e-government services: Citizen trust, innovation, and acceptance factors. *Information Systems Journal*, (15), 48–71. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2575.2005.00183.x>
9. Carter, L., & Yoon, E. (2023). Analyzing e-government design research artifacts: A systematic literature review. *International Journal of Information Management*, 64, 102430. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102430>
10. Fazekas, M., & King, L. P. (2019). Risks of development funds: EU funds and grand corruption in Central and Eastern Europe. *Regulation & Governance*, (17), 52–73. <https://doi.org/10.1111/rego.12184>
11. Gonçalves de Godoi, C. E. (2020). The importance of transparency in combating corruption in public procurement in Brazil. *Mexican Bulletin of Comparative Law*, (13), 11–22. <https://doi.org/10.22201/ijj.24484873e.201912>
12. Heydari, M., & Saeidi, K. (2022). Corruption and infrastructure development based on stochastic analysis. *Archives for Technical Sciences*, (22), 37–51. <https://doi.org/10.59456/afts.2022.1528.011>
13. Hoa, N. T., & Thanh, N. N. (2023). Factors affecting corruption in the public sector: The case of Vietnam. *Journal of Liberty and International Affairs*, (19), 33–47. <https://doi.org/10.47305/JLIA2392063>
14. Marcelline, S. (2023). Examining the impact of e-government on corporate social responsibility: Mediation through mandatory CSR policy, corruption, and ICT development during COVID. *Frontiers in Psychology*, 12, 737100. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.737100>
15. OECD. (2022). *Collusion and corruption in public procurement*. <https://www.oecd.org/daf/competition/46235884>
16. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. (2023). *Prevention of corruption act in Slovenia and Hong Kong*. <https://pace.coe.int/files/11673/html>
17. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. (2024). *Promoting integrity in the fight against political corruption*. <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=23930>
18. Schachter, H. L. (2022). *E-participation opportunities and the ambiguous role of corruption: A city governance model in relation to socio-political factors*. *Public Administration Review*, (79), 10–28. <https://doi.org/10.1111/puar.13049>

Kelib tushgan / Получено / Received: 20.01.2026
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./FRKP8882>

UDC: 347.1+342.7:004.9(045)(575.1)

RAQAMLI MUHITDA SHAXSGA DOIR MA'LUMOTLARNI HIMOYA QILISH SOHASIDAGI QONUNCHILIK: XORIJIY TAJRIBA VA MILLIY ISTIQBOLLAR

Mo'minov Asilbek Husniddin o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Xalqaro huquq va inson huquqlari
sho'basi o'qituvchisi
ORCID: 0009-0007-7417-2998
e-mail: asilbekmuminov86@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu maqolada raqamli transformatsiya sharoitida shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilishni asosiy inson huquqi sifatida ta'minlash borasida turli xorijiy davlatlar tajribasi qiyosiy-huquqiy tahlil qilingan. Tadqiqotda Yevropa Ittifoqi, Amerika Qo'shma Shtatlari, Osiyo-Tinch okeani mintaqasi va Markaziy Osiyo davlatlarining milliy qonunchilik tizimlarida shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi, ma'lumot subyekti huquqlari hamda raqamli muhitda inson huquqlarini ta'minlashga oid yondashuvlar taqqoslangan. Maqolada turli huquqiy oilalarga mansub davlatlarning raqamli huquqlarni tartibga solish modellari hamda institutsional tizimlarining o'ziga xos xususiyatlari ochib berilgan. Muallif xalqaro inson huquqlari standartlarini milliy qonunchilikka implementatsiya qilishning eng samarali usullarini aniqlash maqsadida qiyosiy tahlil metodologiyasidan foydalangan. Tadqiqot natijalari O'zbekiston Respublikasida raqamli muhitda inson huquqlarini himoya qilish tizimini takomillashtirish uchun amaliy tavsiyalar ishlab chiqishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: inson huquqlari, shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi, raqamli transformatsiya, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, ma'lumot subyekti huquqlari

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Муминов Асилбек Хусниддин угли,
преподаватель сектора «Международное право и права человека»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье проведён сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта обеспечения защиты персональных данных как одного из основных прав человека в условиях цифровой трансформации. В рамках исследования сопоставляются подходы к обеспечению права на неприкосновенность частной жизни, прав субъектов данных, а также к защите прав человека в цифровой среде, закреплённые в национальных правовых системах

Европейского союза, Соединённых Штатов Америки, государств Азиатско-Тихоокеанского региона и Центральной Азии. В статье раскрываются особенности моделей правового регулирования цифровых прав и институциональных механизмов их обеспечения в государствах, относящихся к различным правовым семьям. С целью определения наиболее эффективных способов имплементации международных стандартов в области прав человека в национальное законодательство автор использует методологию сравнительного анализа. Результаты исследования направлены на выработку практических рекомендаций по совершенствованию системы защиты прав человека в цифровой среде в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: права человека, право на неприкосновенность частной жизни, цифровая трансформация, защита персональных данных, права субъекта данных

LEGISLATION IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: FOREIGN EXPERIENCE AND NATIONAL PERSPECTIVES

Muminov Asilbek Husniddin ugli,
Lecturer of the Department of
International Law and Human Rights,
Tashkent State University of Law

Abstract. This article provides a comparative legal analysis of the experience of various foreign countries in ensuring the protection of personal data as a fundamental human right in the context of digital transformation. The study compares the approaches to ensuring the right to privacy, the rights of the data subject, and human rights in the digital environment in the national legislative systems of the European Union, the United States of America, the Asia-Pacific region, and Central Asia. The article reveals the specific features of the models of regulation of digital rights and institutional systems of states belonging to different legal families. The author used the methodology of comparative analysis to determine the most effective ways of implementing international human rights standards into national legislation. The research results will serve to develop practical recommendations for improving the system of human rights protection in the digital environment of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: human rights, the right to privacy, digital transformation, protection of personal data, rights of the data subject

Kirish

Raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi va ularning jamiyat hayotining barcha sohalariga chuqur kirib borishi XXI asrda inson huquqlari konsepsiyasiga tubdan yangicha yondashuv talab etmoqda. Zamonaviy axborot jamiyatida an'anaviy shaxsiy huquq va erkinliklar yangi raqamli sharoitlarga moslashishi hamda kengayishi zarur bo'lib qoldi. Jahon Iqtisodiy Forumi ma'lumotlariga ko'ra, global miqyosda 5,4 milliarddan ortiq internet foydalanuvchilari mavjud bo'lib, bu dunyo aholisining 67 foizini tashkil etadi (World Economic

Forum, 2023). Ushbu raqamlar shaxsiy ma'lumotlarni raqamli makonda himoya qilish masalasining dolzarbligini yanada oshirmoqda.

Raqamli transformatsiya shaxsiy hayotga daxlsizlik, fikr va so'z erkinligi, shaxsiy ma'lumotlar maxfiyligi, axborot olish huquqi kabi asosiy inson huquqlari uchun ham yangi imkoniyatlar, ham yangi tahdidlar yaratmoqda (Solove, 2023). Sun'iy intellekt texnologiyalarining keng qo'llanishi, katta hajmdagi ma'lumotlarni qayta ishlash, yuz tanish tizimlari, biometrik identifikatsiya va boshqa raqamli vositalar shaxsiy huquqlar sohasida murakkab huquqiy muammolarni

keltirib chiqarmoqda. Shu bois turli davlatlarning ushbu muammolarni hal qilish tajribasini o'rganish hamda qiyosiy tahlil qilish ilmiy va amaliy jihatdan muhim ahamiyat kasb etadi.

O'zbekiston Respublikasi uchun ushbu masala alohida dolzarblik kasb etadi, chunki mamlakatda raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish hamda "Raqamli O'zbekiston – 2030" strategiyasini (2020) amalga oshirish jarayonida fuqarolarning shaxsiy huquqlari va erkinliklarini ta'minlash tizimini takomillashtirish zaruriyati tug'ilmoqda. 2019-yilda O'zbekiston Respublikasining "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonuni qabul qilingan bo'lsa-da, uning amaliyotda qo'llanishi va xalqaro standartlarga to'liq muvofiqligini ta'minlash bo'yicha bir qator muammolar mavjud. Mamlakat Yevropa Ittifoqi, AQSh, Osiyo davlatlari bilan iqtisodiy hamkorligini kengaytirmoqda va bu ma'lumotlarni xalqaro darajada almashish, investitsiyalarni jalb qilish hamda raqamli xizmatlar ko'rsatish uchun mos tartibga solish muhitini yaratishni talab qiladi. Shuningdek, O'zbekiston BMTning Inson huquqlari bo'yicha Kengashi, Yevropa Kengashi va boshqa xalqaro tashkilotlar bilan hamkorlik qilayotgan sharoitda milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga yaqinlashtirish zaruriyati mavjud. Shu bois rivojlangan va rivojlanayotgan davlatlarning shaxsiy huquqlarni raqamli makonda himoya qilish bo'yicha ilg'or tajribasini o'rganish hamda O'zbekiston sharoitida qo'llash imkoniyatlarini tadqiq qilish nazariy va amaliy jihatdan muhim vazifadir.

Jahon amaliyoti shuni ko'rsatmoqdaki, turli davlatlar raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishda o'ziga xos yondashuvlar ishlab chiqmoqda. Yevropa Ittifoqi 2016-yilda Ma'lumotlarni himoya qilishning umumiy reglamentini (General Data Protection Regulation) (Regulation (EU), 2016) qabul qilish orqali shaxsiy ma'lumotlarni himoya

qilishning eng qat'iy standartlarini o'rnatgan va bu global miqyosda namuna bo'lib xizmat qilmoqda. Amerika Qo'shma Shtatlari esa sektorli tartibga solish modelini qo'llab, turli sohalar uchun maxsus qonunlar asosida moslashuvchan tizim yaratgan. Osiyo-Tinch okeani mintaqasidagi davlatlar, xususan, Janubiy Koreya va Yaponiya raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish bilan shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish o'rtasida muvozanatni ta'minlovchi innovatsion modellar joriy qilmoqda. Markaziy Osiyo mintaqasida esa Qozog'iston va Qirg'iziston kabi davlatlar o'z qonunchilik bazalarini yaratish va takomillashtirish jarayonida bo'lib, xalqaro tajribadan saboq olishga intilmoqda. Ushbu xilmaxillik har bir davlatning o'z konstitutsiyaviy an'analari, iqtisodiy sharoitlari va strategik yo'nalishlari asosida optimal model tanlash zarurligini ko'rsatadi.

Asosiy qism

Ushbu tadqiqotda raqamli transformatsiya sharoitida shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilishning xorijiy tajribasini o'rganish uchun keng ko'lamlı materiallar bazasi qo'llangan. Tadqiqot materiallari sifatida Yevropa Ittifoqi, AQSh, Janubiy Koreya, Yaponiya, Qozog'iston va Qirg'iziston respublikalarining milliy qonunchilik hujjatlari, xalqaro shartnomalar, konvensiyalar va statistik ma'lumotlardan foydalanilgan.

Tadqiqot jarayonida qiyosiy-huquqiy metod orqali turli davlatlarning raqamli huquqlarni tartibga solish tizimlari taqqoslangan, ularning umumiy va o'ziga xos xususiyatlari aniqlangan. Ushbu metod yordamida Yevropa, Amerika va Osiyo modellarining kuchli va zaif tomonlari, ularning samaradorligi hamda O'zbekiston sharoitida qo'llash imkoniyatlari baholangan. Shuningdek, tizimli-strukturaviy metod orqali shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish mexanizmlarining tarkibiy elementlari, ularning o'zaro bog'liqligi va butun tizim doirasidagi o'rni tadqiq qilingan. Bu metodologiya yordamida qonunchilik bazasi, institutsional tuzil-

ma, nazorat mexanizmlari va javobgarlik choralari o'rtasidagi munosabatlar tahlil qilingan.

Yevropa Ittifoqi raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish sohasida eng rivojlangan va to'liq huquqiy bazaga ega. Yevropa yondashuvi shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishni asosiy inson huquqi sifatida tan olish va keng qamrovli tartibga solish tizimini yaratish tamoyiliga asoslanadi (Bradford, 2020). Yevropa Ittifoqining Asosiy huquqlar xartiyasi 8-moddasida (European Union, 2000) shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish alohida inson huquqi sifatida mustahkamlangan bo'lib, bu xalqaro amaliyotda muhim yutuq hisoblanadi.

Ma'lumotlarni himoya qilishning umumiy reglamenti 2016-yildan boshlab Yevropa hududida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishning asosiy qonuni bo'lib xizmat qilmoqda. GDPR shaxsiy ma'lumotlarni qayta ishlashning oltita asosiy tamoyilini belgilaydi: qonuniylik, adolatlilik va shaffoflik, maqsadni cheklash, ma'lumotlarni minimallashtirish, aniqlik, saqlash muddatini cheklash, yaxlitlik hamda maxfiylik (Kuner et. al., 2020). GDPR individual huquqlarni keng miqyosda ta'minlaydi, jumladan, ma'lumotlarga kirish huquqi, tuzatish huquqi, o'chirish huquqi va portativlik huquqi kabi yangi avlod huquqlarini joriy qilgan.

Yevropa modelining o'ziga xos xususiyati qat'iy javobgarlik mexanizmlari o'rnatilganligidadir. GDPR qoidalarini buzganlik uchun jarimalar yillik global daromadning 4 foizigacha yoki 20 million yevrogacha bo'lishi mumkin. Statistik ma'lumotlarga ko'ra, 2023-yilda Yevropa ma'lumotlarni himoya qilish organlari 1,6 milliard yevrodan ortiq jarimalar qo'llagan, bu esa qonunning real ta'sir kuchini ko'rsatadi (European Data Protection Board, 2024). Institutsional jihatdan har bir a'zo davlatda mustaqil nazorat organi faoliyat yuritadi va Yevropa ma'lumotlarni himoya qilish Kengashi umumiy koordinatsiyani ta'minlaydi.

2022-yilda qabul qilingan "Raqamli xizmatlar to'g'risida"gi (Digital Services Act) (European Parliament & Council of the European Union, 2022a) va "Raqamli bozorlar to'g'risida"gi qonunlar (Digital Markets Act) (European Parliament & Council of the European Union, 2022b) Yevropa raqamli huquqlar tizimini yanada mustahkamlagan (Regulation EU 2022/2065). "Raqamli xizmatlar to'g'risida"gi qonun onlayn platformalar uchun javobgarlik doirasini kengaytirdi va foydalanuvchilarga kuchli himoya mexanizmlari taqdim etdi. Ushbu qonun foydalanuvchilarga o'z shaxsiy ma'lumotlarini to'liq nazorat qilish, algoritmik qarorlar to'g'risida tushuntirish olish va kontentni moderatsiya qilish qarorlariga e'tiroz bildirish huquqlarini beradi.

Yevropa tajribasining yana bir muhim jihati ma'lumotlarni xalqaro darajada uzatishni tartibga solishdir. GDPR uchinchi davlatlarga ma'lumotlarni uzatish uchun qat'iy shartlar qo'yadi va "himoyaning yetarliligini tan olish qarorlari" (adequacy decisions) mexanizmini joriy qilgan (Kuner et. al., 2020).

Amerika Qo'shma Shtatlari raqamli huquqlarni tartibga solishda Yevropadan tubdan farq qiluvchi yondashuv qo'llaydi. Amerika modelining asosiy xususiyati federal darajada umumiy ma'lumotlarni himoya qilish qonuni mavjud emasligi va sektorli tartibga solish tizimiga tayanishdir. Ushbu yondashuv AQSh konstitutsiyaviy an'alariga, xususan, Birinchi tuzatish (First Amendment to the United States Constitution) tomonidan kafolatlangan so'z erkinligiga katta ahamiyat berishga bog'liq (Solove, 2023).

"Tibbiy sug'urta portativligi va javobgarligi to'g'risida"gi (Health Insurance Portability and Accountability Act, 1996) qonun (Health Insurance Portability and Accountability Act) tibbiy ma'lumotlarni, "Bolalarning onlayn maxfiyligini himoya qilish to'g'risida"gi qonun (Children's

Online Privacy Protection Act, 1998) (Children's Online Privacy Protection Act) 13 yoshgacha bo'lgan bolalarga tegishli ma'lumotlarni, Gramm-Lich-Bliley qonuni (Gramm-Leach-Bliley Act, 1999) moliyaviy ma'lumotlarni himoya qiladi. Har bir qonun o'z sohasida maxsus standartlar va tartib-qoidalarni belgilaydi. HIPAA tibbiy ma'lumotlarni himoya qilishda keng qamrovli talablar o'rnatgan bo'lib, tibbiy muassasalar va sug'urta kompaniyalari uchun texnik va tashkiliy xavfsizlik choralari majburiydir (U.S. Department of Health and Human Services, 2023).

Shtat darajasida raqamli huquqlarni tartibga solishda muhim o'zgarishlar mavjud. Kaliforniya iste'molchilarining maxfiylik qonuni (California Consumer Privacy Act, 2018) 2018-yilda qabul qilinib, AQShda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishning birinchi keng qamrovli shtat qonuni bo'ldi. CCPA kaliforniyalik iste'molchilarga o'z ma'lumotlari to'g'risida bilish, o'chirish, sotilishiga qarshi chiqish va kamsitilmaslik huquqlarini beradi. 2023-yil 1-yanvardan kuchga kirgan Kaliforniya maxfiylik huquqi qonuni (California Privacy Rights Act, 2018) esa ushbu himoya mexanizmlarini yanada kengaytirdi. AQShda hozirgi vaqtda Virjiniya, Kolorado, Konnektikut, Yuta va boshqa shtatlarda o'z ma'lumotlarini himoya qilish qonunlari qabul qilingan. Bugungi kunda federal darajada umumiy qonun qabul qilish bo'yicha takliflar muhokama qilinmoqda, ammo turli manfaatdor tomonlar o'rtasida konsensusga erishilmagan.

Shuningdek, Osiyo-Tinch okeani mintaqasidagi davlatlar raqamli huquqlarni tartibga solishda o'ziga xos, ko'pincha Yevropa va Amerika yondashuvlarini uyg'unlashtiruvchi modellar ishlab chiqqan (Greenleaf, 2014). Ushbu mintaqa davlatlari uchun xarakterli jihati raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish bilan shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish o'rtasidagi muvozanatni topishga intilishdir.

Janubiy Koreya tajribasini o'rganish shuni ko'rsatdiki, "Shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish to'g'risida"gi qonun (Republic of Korea, 2023) (Personal Information Protection Act) 2011-yilda qabul qilinib, 2020-yilda GDPR talablariga yaqinlashtirish maqsadida keng ko'lamda o'zgartirilgan (Personal Information Protection Act, 2020). PIPA shaxsiy ma'lumotlarni qayta ishlash uchun rozilik talab qiladi, ma'lumot subyektlariga keng huquqlar beradi va Shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish komissiyasi (Personal Information Protection Commission) mustaqil nazorat organini belgilaydi.

Janubiy Koreya tajribasining o'ziga xos jihati texnologik yechimlardan keng foydalanishdir. Mamlakatda blokcheyn texnologiyasiga asoslangan raqamli identifikatsiyani boshqarish tizimlari, sun'iy intellekt yordamida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish vositalari hamda kiberxavfsizlik mexanizmlari faol qo'llanadi. Statistik ma'lumotlarga ko'ra, Janubiy Koreyadagi kompaniyalarning 75.5 foizi ma'lumot himoyasini muhim masala sifatida baholaydi (Korea Internet & Security Agency, 2024).

Yaponiya shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishda individual huquqlar va global ma'lumotlar oqimi erkinligi o'rtasidagi muvozanatga asoslangan gibridd yondashuv qo'llaydi. Yaponiyada asosiy hujjat sifatida "Shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish to'g'risida"gi qonun (Act on the Protection of Personal Information, 2003) 2003-yilda qabul qilingan hamda 2017-, 2020- va 2022-yillarda tubdan o'zgartirilgan (Act on the Protection of Personal Information, 2022). APPI individual huquqlarni kengaytirdi, jumladan, ma'lumotlarni o'chirish va foydalanishni to'xtatish huquqlarini joriy qildi. Yaponiya yondashuvi shaxsiy ma'lumotlar himoyasini xalqaro iqtisodiy hamkorlik va ma'lumotlar erkin oqimi huquqi bilan chambarchas bog'laydi, ya'ni 2019-yilda Yevropa Komissiyasi tomonidan "yetarlilik" (adequacy) qaroriga ega birinchi

Osiyo mamlakati maqomini qo'lga kiritish orqali Yaponiya fuqarolarining ma'lumotlari Yevropa standartlari bilan tenglashtirildi va Yevropa-Osiyo o'rtasidagi ma'lumotlar erkin oqimi ta'minlandi. Yaponiya modeli shaxsning ma'lumot subyekti sifatidagi huquqlari va global raqamli iqtisodiyotda faol ishtirok etish huquqi o'rtasidagi muvozanatni muvaffaqiyatli o'rnatadi, fuqarolar ham individual himoyaga, ham xalqaro darajadagi raqamli xizmatlarga ega bo'ladi.

Yuqoridagilar bilan bir qatorda, Markaziy Osiyo davlatlari raqamli transformatsiya jarayonida bo'lib, ular shaxsiy huquqlarni himoya qilish tizimlarini faol ravishda ishlab chiqmoqda. Qozog'iston Respublikasi mintaqada ushbu sohada yetakchi o'rinni egallaydi.

Qozog'iston Respublikasi shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishda milliy ma'lumot suverenitetini ta'minlash va davlat nazorati ustunligiga asoslangan yondashuvni qo'llaydi. Mamlakatda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish to'g'risidagi qonun 2013-yilda qabul qilingan va 2021-yilda keng ko'lamli o'zgartirishlar kiritilgan. Qonun shaxsiy ma'lumotlar subyektlarining huquqlari, operatorlarning majburiyatlari va javobgarlik choralari belgilaydi. Qozog'iston qonunchiligining o'ziga xos jihati ma'lumotlar lokalizatsiyasi talabini o'rnatishdir. Qozog'iston modeli shaxsiy ma'lumotlar himoyasini milliy xavfsizlik va davlat nazorati huquqlari bilan chambarchas bog'laydi.

Qozog'iston qonunchiligida davlatning kuchli nazorat funksiyasi nazarda tutilgan bo'lib, unga ko'ra, fuqarolarning shaxsiy ma'lumotlari majburiy ravishda milliy hududda joylashgan serverlarda saqlanishi, xorijiy platformalar va IT kompaniyalar mahalliy ma'lumotlar markazlariga ega bo'lishi lozim. Davlat organlarida tergov va nazorat vakolatlari bo'lishi belgilangan. Bu yondashuv, bir tomondan, milliy xavfsizlik va fuqarolar ma'lumotlarining chet el razvedkalari tomonidan to'planishidan

himoyalash huquqini ta'minlashga qaratilgan bo'lsa-da, ikkinchi tomondan, ma'lumotlarning erkin oqimi, global aloqa erkinligi va xalqaro hamkorlik huquqlarini sezilarli darajada cheklaydi. Qozog'iston modeli shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi bilan davlatning keng nazorat vakolatlari o'rtasidagi muvozanatni, asosan, ikkinchisi foydasiga belgilaydi. Mazkur holat milliy ma'lumotlar suverenitetini mustahkamlashga xizmat qilsa-da, fuqarolarning global raqamli eko-tizimdan foydalanish, xalqaro standartlarga mos xizmatlardan bahramand bo'lish hamda shaxsiy ma'lumotlarini davlatning nomutanosib aralashuvidan himoyalash huquqlarini zaiflashtiradi.

Bundan tashqari, Qozog'iston tajribasining yana bir muhim jihati raqamli hukumat tizimini rivojlantirishdir. *Egov.kz* portali orqali ko'plab davlat xizmatlari elektron shaklda taqdim etiladi va fuqarolarning shaxsiy ma'lumotlari markazlashtirilgan tizimda saqlanadi. Qozog'iston Respublikasi Sun'iy intellekt va raqamli rivojlanish vazirligi ma'lumotlarini himoya qilish sohasida nazorat funksiyalarini amalga oshiradi.

Qirg'iziston Respublikasi ham raqamli huquqlarni tartibga solish yo'lida muhim qadamlar qo'ymoqda. Mamlakatda raqamli muhitda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishda iqtisodiy erkinliklar va texnologik taraqqiyot huquqini ustuvor qo'yuvchi liberal yondashuv qo'llanadi. 2008-yilda qabul qilingan "Shaxsiy ma'lumotlar to'g'risida"gi qonun 2022-yilda zamonaviy talablarga muvofiq qayta ko'rib chiqilgan. Qirg'iziston yondashuvi nisbatan liberal bo'lib, biznes uchun yengilroq talablar o'rnatadi. Qirg'iziston modeli shaxsiy ma'lumotlar himoyasini tadbirkorlik faoliyati erkinligi va iqtisodiy huquqlar bilan muvozanatlashtirishga qaratilgan.

Yevropa Ittifoqining GDPR modelida shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi (ECHR 8-modda) va ma'lumotlar himoyasi huquqi (EU Charter 8-modda) ustuvorlik qilsa,

Qirg'iziston yondashuvida iqtisodiy faoliyat erkinligi va raqamli rivojlanish huquqi katta ahamiyat kasb etadi. Bu model shaxsning ma'lumot subyekti sifatidagi huquqlarini nisbatan cheklaydi: rozilik olish tartibi yengilroq (presumptiv rozilik mexanizmi), ma'lumotlarni o'chirish va ko'chirish huquqlari murakkab protseduralar talab qiladi, nazorat organlari repressiv emas, maslahatchi funksiyani bajaradi. Qirg'iziston yondashuvi jamiyatning raqamli rivojlanish huquqi va individual shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi o'rtasidagi ziddiyatni birinchi foydasiga hal qiladi. Bu esa, bir tomondan, innovatsiyalar va iqtisodiy o'sishni rag'batlantirsa-da, ikkinchi tomondan, fuqarolarning ma'lumotlarini suiiste'mol qilishga qarshi himoyalanish huquqini zaiflashtiradi va xalqaro inson huquqlari standartlari bilan to'liq uyg'unlik ta'minlanmaydi.

Yuqorida ko'rib chiqilgan davlatlar tajribasini taqqoslash asosida uchta asosiy tartibga solish modelini ajratish mumkin. Yevropa modeli maksimal himoya va keng qamrovli tartibga solishga yo'naltirilgan, bu yerda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish asosiy inson huquqi sifatida qaraladi. Amerika modeli moslashuvchanlik va sektorli yondashuvni ta'kidlaydi, innovatsiyalarni qo'llab-quvvatlashga ustuvorlik beradi. Osiyo modeli esa muvozanatli yondashuvni ifodalaydi, raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish bilan shaxsiy huquqlarni himoya qilishni uyg'unlashtiradi.

Har bir model o'zining kuchli va zaif tomonlariga ega. Yevropa modelining afzalliklari yuqori himoya darajasi, aniq va to'liq qoidalar, kuchli nazorat mexanizmlari va individual huquqlarning keng doirasidir. Biroq bu model biznes uchun yuqori xarajatlar talab qiladi, murakkab tartib-qoidalar qo'llanadi va innovatsiyalarni sekinlashtirishi mumkin.

Amerika modelining ustunliklari moslashuvchanlik, innovatsiyalarga qo'llab-quvvatlash va biznes ehtiyojlarini hisobga olishdir.

Sektorli yondashuv har bir soha xususiyatlarini inobatga olish imkonini beradi. Ammo bu modelning kamchiliklari bo'lib, iste'molchilar uchun noaniqlik, turli shtatlarda har xil himoya darajalari va umumiy standartlarning yo'qligi hisoblanadi.

Osiyo modeli tahlil natijalari bo'yicha amaliy jihatdan eng muvozanatli hisoblanadi, chunki u rivojlanayotgan iqtisodiyotlar uchun mos. Bu model biznes rivojlanishini qo'llab-quvvatlagan holda, individual huquqlarni himoya qiladi, texnologik yechimlarni faol qo'llaydi va mintaqaviy hamkorlikni ta'kidlaydi. Biroq ba'zi Osiyo davlatlarida nazorat organlari zaif, qonunchilik to'liq ishlab chiqilmagan va ma'lumotlar lokalizatsiyasi kabi cheklovchi talablar mavjud.

Xalqaro huquqiy jihatdan shaxsiy ma'lumotlarni raqamli makonda himoya qilish global miqyosda umumiy standartlarni shakllantirish zaruriyatini ko'rsatmoqda. BMTning Inson huquqlari bo'yicha Oliy Komissarining 2018-yildagi hisobotida (United Nations High Commissioner for Human Rights, 2018) raqamli asrda shaxsiy hayot daxlsizligi huquqining muhimligi alohida ta'kidlangan va davlatlardan fuqarolarning raqamli huquqlarini ta'minlash bo'yicha samarali choralar ko'rish talab qilingan. Yevropa Kengashining Shaxsiy ma'lumotlarni avtomatik qayta ishlashda shaxslarni himoya qilish to'g'risidagi konvensiyasi (Council of Europe, 2018) (Convention 108+) shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishning xalqaro standartlarini belgilab berdi va bu hujjat Yevropa chegaralaridan tashqarida ham ta'sir ko'rsatmoqda. Ushbu xalqaro hujjatlar shaxsiy hayot daxlsizligi, fikr erkinligi, axborot olish huquqi kabi klassik shaxsiy huquqlarning raqamli makonda yangi shakllarda namoyon bo'lishini tan oladi va davlatlardan ularni samarali himoya qilishni talab qiladi.

Raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy huquq va erkinliklarni himoya qilishning universal tamoyillari mavjud, bular barcha davlatlar tajribasida umumiy hisoblanadi.

Birinchi tamoyil – shaxsiy hayot daxlsizligi bo‘lib, bu Inson huquqlari umumjahon deklaratsiyasining 12-moddasi hamda Fuqarolik va siyosiy huquqlar to‘g‘risidagi xalqaro paktning 17-moddasi bilan kafolatlangan (Muminov, 2025). Raqamli sharoitda bu huquq shaxsiy ma‘lumotlarni noqonuniy yig‘ish, saqlanishi va tarqatilishidan himoya qilishni o‘z ichiga oladi. Ikkinchi tamoyil – axborot olish va fikr erkinligi huquqi bo‘lib, raqamli makonda bu huquq senzurasiz axborot olish, o‘z fikrini erkin ifodalash va onlayn kommunikatsiya qilish erkinligini nazarda tutadi. Uchinchi tamoyil – shaffoflik va axborotga kirish huquqi bo‘lib, fuqarolar o‘z shaxsiy ma‘lumotlari qanday yig‘ilayotgani, qayta ishlanayotgani va qanday maqsadlarda foydalanilayotgani haqida to‘liq ma‘lumotga ega bo‘lish huquqiga ega. To‘rtinchi tamoyil – shaxsiy ma‘lumotlar ustidan nazorat huquqi bo‘lib, bu shaxsga o‘z ma‘lumotlarini boshqarish, tuzatish, o‘chirish va ularning noto‘g‘ri foydalanishiga qarshi chiqish imkoniyatini beradi.

Raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy huquq va erkinliklarning yangi avlodi shakllanmoqda. Ular klassik huquqlarning kengayishi va yangi shaklda ifodalanishidir. Ma‘lumotlarni ko‘chirish huquqi (data portability) fuqarolarga o‘z raqamli identifikatorlarini bir platformadan ikkinchisiga erkin ko‘chirib o‘tish imkoniyatini beradi va bu raqamli jamiyatda harakatlanish erkinligining yangi shakli hisoblanadi. Unutilish huquqi (right to be forgotten) shaxsiy hayot daxlsizligining raqamli shakllanishi bo‘lib, shaxsga o‘tmishdagi ma‘lumotlarini o‘chirishni talab qilish huquqini beradi. Algoritmik qarorlarga qarshi chiqish huquqi inson qadr-qiyamatini himoya qilish va sun‘iy intellekt tizimlarining noto‘g‘ri qarorlariga qarshi himoya mexanizmi sifatida xizmat qiladi. Profillashtirish va avtomatlashtirilgan qaror qabul qilishdan himoyalani shu huquqi shaxslarni kamsituvchi yoki noto‘g‘ri algoritmik qarorlardan himoya qiladi. Ushbu yangi huquqlar klassik shaxsiy

huquq va erkinliklarning raqamli davrdagi davomi bo‘lib, ularni samarali ta‘minlash xalqaro hamkorlik va umumiy standartlarni joriy etishni talab qiladi.

Xulosa

Raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy ma‘lumotlarni himoya qilish XXI asrning eng dolzarb muammolaridan biri bo‘lib, xorijiy davlatlar tajribasi turli yondashuvlarning mavjudligini ko‘rsatadi. Qirg‘iziston Respublikasi iqtisodiy liberalizm va texnologik rivojlanishni rag‘batlantirishga asoslangan yondashuvni qo‘llab, minimal davlat aralashuvi va biznes-do‘stona tartibga solishni ustuvor qo‘ygan. Bu model raqamli iqtisodiyot va startap ekotizimining tez rivojlanishini ta‘minlasa-da, fuqarolarning shaxsiy ma‘lumotlari himoyasining zaif kafolatlari muammosini keltirib chiqarmoqda.

Qozog‘iston Respublikasi esa milliy ma‘lumot suverenitetini ta‘minlash va davlat nazorati ustunligiga asoslangan imperativ lokalizatsiya modelini tanlagan bo‘lib, bu yondashuv milliy xavfsizlikni mustahkamlasa-da, fuqarolarning global raqamli ekotizimdan foydalanish va ma‘lumotlarni erkin ko‘chirish huquqlarini sezilarli cheklaydi.

Yaponiya individual huquqlar va global ma‘lumotlar oqimi erkinligi o‘rtasidagi muvozanatga asoslangan gibridd yondashuvni amalga oshirib, 2019-yilda Yevropa Komissiyasidan “yetarlilik” qarorini olgan birinchi Osiyo mamlakati bo‘ldi. Mazkur model shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi va xalqaro iqtisodiy hamkorlik huquqining uyg‘unligini ta‘minlaydi. Amerika Qo‘shma Shtatlari esa federalizm va bozor o‘z-o‘zini tartibga solishi ustunligiga asoslangan fragmentlashgan modelni qo‘llab, turli shtatlarda turfa standartlarni joriy etgan. Bu esa so‘z va axborot erkinligi huquqini shaxsiy hayot daxlsizligi huquqidan ustun qo‘yishga olib kelmoqda.

O‘zbekiston Respublikasi uchun eng maqbul yondashuv Yaponiya tajribasiga

asoslangan gibrid modelni qabul qilish hamda unga Yevropa standartlarining muhim elementlarini bosqichma-bosqich va maqsadga muvofiq integratsiya etishdan iborat. Bunday model O'zbekistonning hozirgi ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanish bosqichi, mavjud iqtisodiy imkoniyatlari hamda xalqaro hamkorlik ustuvor yo'nalishlari bilan uyg'un hisoblanadi.

Qozog'iston tajribasidan kelib chiqib, ma'lumotlar lokalizatsiyasi tamoyilini to'liq emas, balki faqat kritik ahamiyatga ega bo'lgan davlat va maxfiy ma'lumotlarga nisbatan qisman qo'llash maqsadga muvofiqdir. Bunday yondashuv milliy xavfsizlikni ta'minlash bilan bir qatorda xalqaro AT kompaniyalar uchun qulay investitsiya muhitini saqlab qolishga xizmat qiladi. Shu bilan birga, Yaponiya tajribasining asosiy elementi bo'lgan individual huquqlar va global hamkorlik o'rtasidagi muvozanatni ta'minlash, konsensus va ijtimoiy javobgarlik madaniyatiga tayangan o'z-o'zini tartibga solish mexanizmlarini joriy etish hamda Yevropa Ittifoqi bilan "yetarlilik" qaroriga erishish strategiyasi O'zbekiston uchun eng maqbul va qimmatli model sifatida namoyon bo'ladi.

Bunday gibrid model O'zbekistonning hozirgi rivojlanish bosqichi, iqtisodiy imkoniyatlari va xalqaro hamkorlik yo'nalishlari bilan mos keladi. Bahodir Ismailovning ta'kidlashicha, xalqaro standartlarni milliy qonunchilikka implementatsiya qilish jarayoni bir martalik hodisa emas, balki doimiy va izchil jarayondir. U mamlakat rivojlanish strategiyasi bilan uzviy bog'liq bo'lishi kerak (Ismailov, 2019).

Shu nuqtayi nazardan, O'zbekistonda ustuvor choralar amalga oshirilishi zarur.

Birinchi, Yaponiya va Yevropa tajribasiga asoslanib, shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risidagi qonunni GDPR asosiy tamoyillariga (qonuniylik, maqsadni cheklash, ma'lumotlarni minimallashtirish, shaffoflik) yaqinlashtirish lozim.

Ikkinchi, Yaponiyaning "yetarlilik" maqomiga erishish tajribasidan foydalanib, mustaqil va professional nazorat organi – Shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish agentligi yoki komissiyasini tashkil etish maqsadga muvofiq. Bu organ Qozog'iston modelidagi kabi faqat repressiv emas, balki Qirg'iziston va Yaponiya tajribasidagi kabi maslahatchi va ta'lim funksiyalarini ham bajarishi kerak. Bundan tashqari, Yaponiya mintaqaviy hamkorlik tajribasiga asoslanib, Markaziy Osiyo davlatlari bilan birgalikda mintaqaviy standartlar ishlab chiqish va Yevropa Ittifoqi bilan "yetarlilik" to'g'risidagi muzokaralar olib borish ham samarali usullardan biri hisoblanadi.

Raqamli transformatsiya sharoitida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish tizimi statik emas, balki dinamik bo'lib, texnologik taraqqiyotga doimiy ravishda moslashib borishi zarur. O'zbekiston xorijiy davlatlar tajribasidan oqilona foydalanib, Qirg'iziston modelining iqtisodiy innovatsiyalarni rag'batlantirish salohiyati, Qozog'istonning milliy xavfsizlikka yo'naltirilgan yondashuvi hamda Yaponiyaning muvozanatli va xalqaro integratsiyaga ochiq tajribasini uyg'unlashtirish orqali o'z milliy xususiyatlariga mos, samarali himoya modelini yaratishi mumkin.

REFERENCES

1. Act on the Protection of Personal Information. (2003). Act No. 57 of 2003, as amended by Act No. 37 of 2021. <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4241/en>
2. Bradford, A. (2020). *The Brussels effect: How the European Union rules the world*. Oxford University Press.

3. California Consumer Privacy Act of 2018, Cal. Civ. Code §§ 1798.100–1798.199.
4. Charter of Fundamental Rights of the European Union. (2000, December 18). https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf
5. Children’s Online Privacy Protection Act of 1998, Pub. L. No. 105-277, div. C, title XIII, 112 Stat. 2681 (1998), codified at 15 U.S.C. §§ 6501–6505. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-91>
6. Council of Europe. (2018). *Convention for the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data (Convention 108+)*.
7. European Data Protection Board. (2024). *Annual report 2023*. https://www.edpb.europa.eu/system/files/2024-04/edpb_annual_report_2023_en.pdf
8. European Parliament & Council of the European Union. (2016). *Regulation (EU) 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (General Data Protection Regulation)*.
9. European Parliament & Council of the European Union. (2022a). *Regulation (EU) 2022/2065 on a single market for digital services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act)*. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>
10. European Parliament & Council of the European Union. (2022b). *Regulation (EU) 2022/1925 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act)*. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng>
11. Greenleaf, G. (2014). *Asian data privacy laws: Trade and human rights perspectives*. Oxford University Press.
12. Gramm–Leach–Bliley Act, Pub. L. No. 106-102, 113 Stat. 1338 (1999). <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ102/html/PLAW-106publ102.htm>
13. Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996, Pub. L. No. 104-191, 110 Stat. 1936 (1996). <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/3103>
14. Ismailov, B. I. (2019). *International standards in the field of personal rights and freedoms and the national legislation of the Republic of Uzbekistan* (Doctoral dissertation abstract, specialty 12.00.10 – International law). Tashkent.
15. Korea Internet & Security Agency (KISIA). (2024). *2023 information security status survey*. IITP/KISIA. https://kisia.or.kr/research/infosec_survey/
16. Kuner, C., Bygrave, L. A., & Docksey, C. (Eds.). (2020). *The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A commentary*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198826491.001.0001>
17. Republic of Kazakhstan. (2013, May 21). Law No. 94-V of 21 May 2013 “On Personal Data and Their Protection”, as amended by Law No. 96-VII of 30 December 2021. <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1300000094>
18. Kyrgyz Republic. (2008, April 14). Law No. 58 of 14 April 2008 “On Personal Data”, as amended (latest amendments: 12 July 2022). <https://dpa.gov.kg/en/npa/4>
19. Muminov, A. (2025). International legal regulation of the right to internet access: A new generation of human rights. *TSUL Legal Report*, 6(4). <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.lr.6.4/LGWC1735>
20. Republic of South Korea. (2011). Personal Information Protection Act (Act No. 10465).
21. Personal Information Protection Commission of Korea – PIPC. (2023). *Annual report on personal information protection*.
22. President of the Republic of Uzbekistan. (2020, October 5). *Decree No. PF-6079 on approval of the “Digital Uzbekistan — 2030” strategy and measures for its effective implementation*. <https://lex.uz/ru/docs/-5030957>
23. Republic of Uzbekistan. (2019, July 2). *Law No. O’RQ-547 on personal data*. <https://lex.uz/docs/-4396419>

24. Solove, D. J. (2023). The limitations of privacy rights. *Notre Dame Law Review*, 98(3), 975–1020.

25. U.S. Department of Health and Human Services, Office for Civil Rights. (2023). *HIPAA security rule: Summary*. U.S. Department of Health and Human Services. <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/security/index.html>

26. United Nations (2018). United Nations High Commissioner for Human Rights. *The right to privacy in the digital age* (A/HRC/39/29).

27. World Economic Forum. (2023, September). *Internet access is not a luxury, but a basic necessity*. <https://www.weforum.org/stories/2023/09/broadband-no-luxury-basic-necessity/>

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2026-YIL 1-SON

VOLUME 6 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.1.